



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск (853)

4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

2500-347X



MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

4

Issue (853)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023



1930



ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 4(853)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
В. К. БЕЛОЗЁРОВ

доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденоко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Липинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Радиков И. В.	доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, доцент (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Филимонов О. В.	доктор социологических наук, доцент (Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Ширинянц А. А.	доктор политических наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)



VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 4(853)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
BELOZEROV VASILY

Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor (Moscow State Linguistic University)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil.), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil.), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil.) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Radikov Ivan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Filimonov Oleg	Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor (Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Shirinyants Alexander	Doctor of Political Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Политические партии Иракского Курдистана: история создания и идейно-политической эволюции в Новейшее время ДЮРРЕ М. Э.	9
Сетевая методология, коммуникационная иррациональность и геймификация как характеристики современного информационного противоборства ЖЕГЛОВА Ю. Г.	17
Цивилизационная геополитика: методологический аппарат КИСЕЛЕВ С. Г.	24
«Мягкая сила» как инструмент внешней политики Турции на Балканах: на примере Сербии, Косово и Боснии и Герцеговины МОСКАЛЬЧУК Д. А.	31
Африканская политика Франции: поиск возможностей ПЕТКОВА Е. В.	40
Отношения России и США в начале 2020-х годов: новые перспективы для формирования незападоцентричного мирового порядка ШАКЛЕИНА Т. А.	48

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Борьба за гетманство в Войске Запорожском в 1672 году и позиция Москвы АЛМАЗОВ А. С.	56
Внешняя политика объединенной Германии: от «Новой восточной политики» к новому центральноевропейскому пространству (1990–1994) БОЖИК К. Б.	64
Стратегии национальной безопасности США об отношениях с Россией (1994–2022) КАШИРИНА Т. В.	71
Создание новой исторической реальности средствами украинской националистической пропаганды КОЗЛОВ А. В.	80
Генезис и перспективы языковой политики Испании ПУПЫШЕВА М. В.	86
Деятельность Коминтерна в годы Великой Отечественной войны СУЗДАЛЬЦЕВ И. А.	95

Венгерско-польская хроника о Руси и народах Восточной Европы ЮРАСОВ М. К.	101
---	-----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Эвристические возможности концепции маргинальности в объяснении современных глоболокальных процессов АВЕРИНА М. В.	107
Дополнительное образование молодежи через призму развития нового социального института БЕССОНОВА М. О.	114
Взаимодействие органов внутренних дел с населением как основа формирования доверия граждан к полиции в современной России ЗУЕВА О. В.	122
Особенности (де)профессионализации в сфере гражданской науки РАССОЛОВА Е. Н., ГАЛКИН К. А.	129
Европейский опыт социологических исследований межэтнических взаимодействий СОГОМОНЯН А. С.	136
Положение мужчин и женщин на рынке труда: стереотипы и реальность (социологический анализ на примере студентов московских вузов) СТАНЕВИЧ А. Ю., САЛИХОВА И. С.	144
Инвективная лексика в управленческом дискурсе в силовых ведомствах ФИЛИМОНОВ О. В.	153

POLITICAL SCIENCES

Political Parties of Iraqi Kurdistan: the History of Foundation, Ideological and Political Evolution in Modern Times DURRE M. E.	9
Web-Style Methods, Communication Irrationality and Gamification as Features of Digitalized Information Confrontation ZHEGLOVA YU. G.	17
Civilizational Geopolitics: Methodological Apparatus KISELEV S. G.	24
“Soft Power” as an Instrument of Turkey’s Foreign Policy in the Balkans: the Case of Serbia, Kosovo and Bosnia and Herzegovina MOSKALCHUK D. A.	31
French African Politics: the Search for Opportunities PETKOVA E. V.	40
Russia and the United States at the Beginning of 2020s: New Perspectives for the Formation of Non-West World Order SHAKLEINA T. A.	48

HISTORICAL SCIENCES

The Struggle for the Hetman’s Title in the Zaporozhian Host in 1672 and the Position of Moscow ALMAZOV A. S.	56
The Foreign Policy of United Germany: from the New Eastern Policy to the New Central European Space (1990–1994) BOZHIK K. B.	64
US National Security Strategies on Relations with Russia (1994–2022) KASHIRINA T. V.	71
Shaping a New Historical Reality by the Means of Ukrainian Nationalist Propaganda KOZLOV A. V.	80
Genesis and Prospectives of the Spanish Language Policy PUPYSHEVA M. V.	86
Activities of the Comintern During the Great Patriotic War SUZDALTSEV I. A.	95

CONTENTS

Hungarian-Polish Chronicle About Russia and the Peoples of Eastern Europe YURASOV M. K.	101
---	-----

SOCIOLOGICAL SCIENCES

The Concept of Marginality as an Explanatory Model of the Socio-Cultural Trend Functioning AVERINA M. V.	107
The Further Education of Young People Through the Prism of the Development of a New Social Institution BESSONOVA M. O.	114
Interaction of Internal Affairs Bodies with the Population as a Basis for the Formation Of Citizens' Trust in the Police in Modern Russia ZUEVA O. V.	122
Features (De)Professionalization in the Field of Citizen Science RASSOLOVA E. N., GALKIN K. A.	129
European Experience of Sociological Research of Interethnic Interactions SOGOMONYAN A. S.	136
The Position of Men and Women in the Labor Market: Stereotypes and Reality (sociological analysis on the example of students of Moscow universities) STANEVICH A. YU., SALIKHOVA I. S.	144
Invective Vocabulary in Managerial Discourse in Law Enforcement Agencies FILIMONOV O. V.	153



Политические партии Иракского Курдистана: история создания и идейно-политической эволюции в Новейшее время

М. Э. Дюрре

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ikbal@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования и развития политических партий в Иракском Курдистане. Рассматривается эволюция понятия «политическая партия», проводится сравнение политических партий в аспекте их характера и генезиса в разных странах, прежде всего, Ближнего Востока. Анализируются общие и особенные черты иракско-курдских партий, а также их политические перспективы.

Ключевые слова: Ближний Восток, Ирак, Курдистан, курды, арабы, партия, кланы, идеология

Для цитирования: Дюрре М. Э. Политические партии Иракского Курдистана: история создания и идейно-политической эволюции в Новейшее время // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 9–16.

Original article

Political Parties of Iraqi Kurdistan: the History of Foundation, Ideological and Political Evolution in Modern Times

Mehmet E. Durre

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ikbal@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the process of formation and development of political parties in Iraqi Kurdistan. The article examines the evolution of the concept of “political party”, compares political parties in terms of their nature and genesis in different countries, primarily the Middle East. The article analyzes the common and special features of the Iraqi-Kurdish parties, as well as their political prospects.

Keywords: Middle East, Iraq, Kurdistan, Kurds, Arabs, party, clans, ideology

For citation: Durre, M. E. (2023). Political parties of Iraqi Kurdistan: the history of foundation, ideological and political evolution in modern times. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 9–16.

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена проблеме создания, деятельности и идеологической эволюции основных политических партий Иракского Курдистана (Башур). Актуальность темы состоит в исследовании эволюции такого ключевого звена политической системы, как партия. Также анализируются особенности политической партии, института сугубо «западного» происхождения в Азии, прежде всего на арабо-мусульманском Ближнем Востоке. Кроме того, общий анализ деятельности партий Иракского Курдистана углубит понимание процессов, происходящих в Ираке и на Ближнем Востоке. Анализ этих процессов представляет интерес не только с научно-познавательной, но и с практической точки зрения и будет полезным в обеспечении реализации практической политики России в отношении Ирака и Ближнего Востока.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ» И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Политическая партия является важнейшим звеном связи гражданского общества с государственной властью. Поэтому полноценное и всеохватывающее научное определение понятия стало ключевым для современной политологии.

В бывшем СССР отсутствовала политология как отдельная дисциплина. Предмет ее изучения (политическая жизнь государства и общества и механизмы ее функционирования) был разделен между отраслями советского гуманитарного знания, основанного на марксизме-ленинизме.

Наиболее устойчивым и распространенным было «классовое» определение понятия «партия». «Партия политическая – политическая организация, выражающая интересы общественного класса или его слоя, объединяющая их наиболее активных представителей и руководящая ими в достижении определенных целей и идеалов. Политическая партия – высшая форма классовой организации» [Большая советская энциклопедия, 1975, с. 248]. Такая формулировка была эффективна с точки зрения политико-пропагандистской работы в СССР, однако она была односторонней и схематичной.

Появление в нашей стране политологии как самостоятельной дисциплины привело к формулировке различных определений политической партии. Их условно можно разделить на две группы: первая рассматривает политическую партию, прежде всего, как механизм мобилизации электората на участие в выборах, а вторая – на основе более

широкого спектра целей и задач, определяющего структуру, идеологию и практику партии.

По Закону о политических партиях Российской Федерации, «Политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления¹.

Научно-политологические определения понятия «политическая партия» более разнообразны, однако в целом опять же сводятся к двум моментам: определяют партию либо как механизм социальной мобилизации, либо как более устойчивую во времени-пространстве структуру, интегрирующую своих сторонников на основе необходимости реализации общих целей и задач.

Мы берем за основу определение российской исследовательницы С. М. Байрамидзе. Она трактует понятие партии следующим образом: «...под политической партией понимается устойчивая во временном отношении организация, выражающая интересы части общества и ставящая целью борьбу за обладание властью, характеризуемая уставной дисциплиной, фиксированным членством, общностью ценностей и корпоративных интересов» [Байрамидзе, 2009, с. 3].

Также отметим, что реальная роль политических партий, являющихся связующим звеном между государственным аппаратом и гражданским обществом, в деле формирования политики той или иной страны является одним из главных критериев, определяющих общество как «гражданское», а государство – как «правовое» и «демократическое».

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СТРАНАХ АЗИИ И РЕГИОНА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Политические партии, являющиеся объектом изучения в политологии, в абсолютном большинстве своем созданы и действуют в странах Запада и США в условиях развитого правового государства, активно и значимо влияющего на политику гражданского общества. В иной ситуации такие политические партии просто не имеют реального значения.

¹Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. 05.12.2022 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/6503b753e1e72a738f4f2fc522dcfe3cf08e4a10/

Но эта «иная ситуация» существует и донныне в большинстве стран Азии и в имеющем глобальное геополитическое значение регионе Ближнего Востока и Северной Африке. Здесь дееспособная демократическая политическая система и развитое гражданское общество в полной мере существуют лишь в Турции, Израиле, Ливане и Ираке. Хотя в последнем, извне (по инициативе США) конституированная система парламентской республики пока еще не адаптирована к традиционной политической культуре этой страны, что ограничивает ее дееспособность.

Политические партии существуют практически во всех странах Азии за исключением монархий Аравийского полуострова. В этих странах политическая система основывается на принципах исламского права. В нем традиционно считается, что разделение мусульман, в том числе и по партийному принципу, мешает реализации одного из ключевых принципов этой религии – монолитному единству верующих, сформулированному в кораническом аяте «Держитесь за вервь Аллаха и не разделяйтесь» (*Коран 3: 103*).

Во многих других странах существует де-юре многопартийная система, однако в реальности вся полнота власти и объем компетенций сосредоточен в руках одной партии (Китай, КНДР).

Только во второй половине минувшего столетия началось избавление стран «третьего мира» от колониальной и неоколониальной зависимости. В политических партиях в этих странах переформатировались национально-освободительные движения, ключевая роль в которых принадлежала отдельным харизматическим лидерам или находящимся на вершине социума этих стран родовым, этническим или иным группировкам (например, военные во многих странах арабо-мусульманского мира).

Для стран Востока политическая партия в наименьшей степени является инструментом развития демократии, это, прежде всего, – инструмент обеспечения управления и господства находящейся во главе страны социальной группы или конкретного лидера. Большое влияние на текущую политическую жизнь оказывают складывавшаяся веками историко-культурная традиция страны, а также религия. Это касается, прежде всего, мусульманских стран. Ведь религия ислама и позиционировала себя не только как вероисповедальная практика, но и как интегральная система, объединяющая вокруг своих принципов все сферы человеческого бытия – от личной жизни до политики и экономики.

Казахстанский политолог Л. Х. Матакбаева в своей статье очень четко указала на данную особенность «восточной» (в самом широком смысле

этого понятия) практики создания и деятельности политических партий: «...политическая партия возникает на определенном этапе существования общества, когда оно ощущает потребность в ином, помимо бюрократического, канале, соединяющем массы с государственной властью, или когда сама государственная власть убеждается, что не может далее достаточно адекватно понимать и реагировать на потребности управляемого ею народа. Однако эти общие для любой возникающей партийной модели предпосылки реализуются по-разному в восточных и западных обществах. В одном случае они приводят к принципу разделения власти, в другом – к ее фактической консолидации» [Матакбаева, 2014, с. 1].

Характерна в этой связи история партии Арабского социалистического возрождения (аль-Баас). Возникшая в 1947 году в Дамаске как узкий и камерный кружок интеллектуалов, объединивших идеи социализма, антиимпериализма и арабского национализма, партия Баас пришла к власти в таких странах, как Ирак и Сирия не потому, что обладала определенным научно-идеологическим потенциалом, а потому, что к ней присоединились личности и социальные группировки, имеющие реальные возможности для обретения власти и управления страной и обществом. Для большинства стран арабского мира наиболее действенным политико-государственным механизмом является сильная центральная власть (личностного и кланового характера), опирающаяся, в первую очередь, на армию и силовые структуры. Однако партия (в нашем случае Баас) также имеет свое значение в подобной политической системе как инструмент идеологической и социальной мобилизации широких масс граждан страны в поддержку правящего авторитарного режима.

Таковым является существующий и поныне режим в Сирии. До 2003 года он являлся также правящим режимом и в Ираке. Подобного рода эволюция партии Баас как социальной структуры не могла не сказаться и на идеологии партии. Из трех ее ключевых понятий «арабский национализм», «социализм» и «антиимпериализм» сегодня в политической практике применяется только первое [Agwani, 1961].

Именно «арабский национализм» стал причиной кризисных явлений во внутренней жизни этих стран в последние десятилетия. Сирия и Ирак наряду с соседними Ливаном и Иорданией являются наиболее многонациональными среди арабских государств. Ставка на «арабский национализм» обернулась жестокой дискриминацией этнически неарабских групп населения.

Самая многочисленная из этих групп – курды. Вот почему политику и деятельность баасистских режимов в Сирии и Ираке можно определить как один из «драйверов» курдского национального движения в современном мире.

КУРДСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Курды – самый многочисленный из народов (на сегодняшний день его численность 40–50 млн человек), не имеющих своего независимого и полностью суверенного государства. Исторически курдские земли многие столетия входили в состав Османской и Персидской империй, а в последние 100 с небольшим лет разделены между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией.

Вплоть до рубежа XVIII–XIX веков курдское движение носило характер сепаратистских выступлений курдских «амиров» и их вооруженных формирований против центральной власти – явления вполне типичного для любого феодального или полуфеодального общества.

Формирование интеллектуально-идеологической элиты курдского национального движения произошло на рубеже XIX–XX веков. Однако эти узкие камерные группы не имели достаточной связи с широкими слоями курдского общества, и их влияние на реальные национально-освободительные процессы было незначительным.

Севрский мир, заключенный в 1920 году между Турцией и державами-победительницами, предполагал создание очага курдской государственности на юго-востоке Анатолийского полуострова. Хотя из контекста договора до конца было не ясно, идет ли речь о полностью независимом государстве или де-факто автономной единице, введение этого положения очень вдохновило курдов.

Лозаннский договор 1923 года, заключенный уже с республиканской Турцией, не содержал положения о независимости курдов. Более того, кемалистский режим отказывал курдам в праве считаться отдельной этнической группой, что вызвало их мощное вооруженное сопротивление в межвоенные десятилетия. Они опирались скорее на стихийный порыв масс и наличие отдельных харизматичных лидеров. Курдское движение еще не имело собственной разработанной идеологии и политического авангарда.

Начало исторического периода, в котором происходит «идеологизация» курдского национального движения и создание политических партий, приходится на события 1945–1946 годов

в Иранском Курдистане. В районе г. Мехабад возникло курдское политическое движение во главе с местным общественным и религиозным авторитетом Кази Мухаммедом. В октябре 1945 года состоялся учредительный съезд Демократической партии Иранского Курдистана, председателем которой был избран Кази Мухаммед, а 22 января 1946 года была провозглашена «Курдская Народная Республика», известная в истории как «Мехабадская». В декабре 1946 года «республика» пала.

Создание курдских партий в этот период произошло во многом потому, что национальные движения меньшинств в Иране (азербайджанцев и курдов) начали ориентироваться на СССР, вышедший из совсем недавно закончившейся войны победителем, и у них даже существовали планы либо вхождения в состав СССР (азербайджанцы), либо установления с ним самых тесных отношений (курды). И поскольку в Союзе существовала однопартийная политическая система, а правящая партия опиралась на коммунистическую идеологию, курдское движение также занялось формированием партийных структур и наполнением их идеологическим содержанием коммунистического и левосоциалистического толка.

Британский историк Дэвид Мак Дауэлл считает, что после того, как Кази Мухаммад создал Демократическую партию Иракского Курдистана, представители СССР, будто бы курировавшие процессы в Иранском Курдистане, поручили Молле Мустафе Барзани перейти под идеологическое и политическое руководство Кази и его партии. Кази Мухаммед считал, что «у курдов должно быть одно руководство и одна партия» [McDowell, 2004, с. 241–243].

Мустафа Барзани, к тому времени известный лидер курдского вооруженного сопротивления в Ираке, находился в Иранском Курдистане для поддержки местных курдов и их движения. Вместе с ним было около двух тыс. вооруженных бойцов из племени «барзан», составлявших главную военную силу «Махабадской республики». При этом Барзани не пошел на полное подчинение руководству «республики», сохранив самостоятельность как военный и политический лидер.

16 августа 1946 года на нелегальном съезде в Багдаде путем слияния ряда иракских леворадикальных организаций и Сулейманийского (Ирак) отделения демократической партии Иранского Курдистана было провозглашено создание Демократической Партии Курдистана (ДПК), ее главой был избран находящийся тогда в Мехабаде Мустафа Барзани, а генеральным секретарем – соратник Барзани, юрист Хамза Абдалла.

Первые шесть лет своей деятельности это объединение носило название «Курдская демократическая партия», а ее программа была достаточно простой и обобщенной – автономия Башура (Иракского Курдистана) и проведение в нем общественных и хозяйственных реформ.

На состоявшемся в 1952 году III съезде ДПК первым секретарем был избран писатель Ибрагим Ахмед, и в ДПК начался довольно своеобразный процесс «идеологизации». Ахмед ввел в программу ДПК положение, которое провозглашало опору на идеологию марксизма-ленинизма. Одновременно сам он не скрывал, что ввел этот пункт, чтобы отвлечь прокоммунистически настроенную молодежь от «арабской» Коммунистической партии Ирака, бывшей в то время второй по значению в стране.

В 1958 году после антимонархической революции в Ирак возвращается Мустафа Барзани и приступает к реальному руководству ДПК. Ему приходится лавировать между двумя фракциями, условными «правонационалистами» во главе с Ибрагимом Ахмедом и «прокоммунистической» фракцией, возглавляемой его близким соратником Хамзой Абдаллой. И здесь начинается процесс, отмеченный нами выше как характерный для некоторых других политических партий ближневосточного региона: клановые лидеры, опирающиеся на серьезный силовой потенциал, защищают партию от «идеологов-интеллектуалов», способных составить им конкуренцию в лидерстве.

Летом 1959 года была ликвидирована «прокоммунистическая» фракция Абдаллы. Однако зачистка прокоммунистической фракции ДПК и выдвинутое жесткое требование автономии Курдистана рассорило курдов с режимом Касема, искавшего опору именно среди коммунистических и левых сил. Весной и летом 1961 года Багдад принял ряд вооруженных акций против курдов, а в сентябре началось возглавляемое ДПК и лично Мустафой Барзани т.н. «Сентябрьское восстание», фактически продолжавшееся до 1975 года. Но главным было то, что уйдя в оппозицию и пойдя на конфронтацию с республиканскими властями, ДПК, изначально бывшая самой влиятельной по сути партией, создала в политической жизни Ирака своеобразный вакуум. Его очень быстро заполнила уже отмеченная выше «Партия арабского социалистического возрождения» (Баас), которая в последующие десятилетия укрепила свою власть в Ираке. Апофеозом этого процесса стала диктатура Саддама Хусейна (1979–2003), обрекая курдов на кровопролитное сопротивление и акты геноцида, имевшие место в 1980-х годах.

Также в 1960-х годах, уже после убийства первого иракского президента Касема (1963), проявились трения внутри ДПК. Возникли сложные отношения между «партийными интеллектуалами» (Ибрагим Ахмед) и кланом Барзани с приближенными к нему партийцами. В феврале 1964 года Ахмед выступил с обвинениями в адрес Мустафы Барзани, пытаясь, тем самым, захватить руководство в партии. Однако на партийном съезде Ахмед и Политбюро в полном составе были исключены из ДПК.

1 июня 1975 года на учредительном съезде в Западном Берлине был создан «Патриотический союз Курдистана» (ПСК). Цели и идеология новой партии предусматривали реализацию для курдского народа таких основополагающих принципов, как самоопределение, права человека, демократия и мир (Official site of Patriotic Union of Kurdistan)¹.

В отличие от ДПК вновь созданный ПСК носил более ярко выраженный «политико-идеологический», нежели кланово-родовой характер, хотя лидерство в партии оказалось у семьи Талабани.

Первоначально ПСК получил значительную поддержку среди образованного населения городов. Но с 1980-х годов влияние этой партии распространилось и на сельское население, прежде всего, на востоке и юго-востоке территории в границах нынешней курдской автономии. ПСК остается также наиболее влиятельной курдской политической силой на так называемых спорных территориях, в богатом нефтью регионе Киркука.

В 1992 году различные группы внутри ПСК образовали более консолидированное движение, с подчеркнуто социал-демократической ориентацией. В отличие от ДПК, имеющей статус наблюдателя, ПСК полноправно входит в «Социнтерн» (Социалистический интернационал).

Характерно, что в коммюнике, вышедшем по этому поводу, был акцентирован сформулированный еще на учредительном съезде ПСК тезис о том, что курдское восстание потерпело неудачу из-за «недееспособности феодального, трайбалистского (кланово-племенного), правобуржуазного и капитулянтского курдского руководства» [Esposti, 2017, с. 13].

Учитывая особенности создания и деятельности двух ведущих курдских партий, очевидно, что в их взаимоотношениях изначально заложен серьезный конфликтогенный потенциал.

¹URL: <https://www.puknow.com/english/>

ОБЩИЙ ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЕДУЩИХ ПАРТИЙ ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА С 1992 ГОДА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Создание курдской автономии (до 2005 года – де-факто независимого государства) произошло в 1990–1991 годах. Из-за двух факторов – внутреннего (восстание курдов против режима Саддама) и внешнего (операций США и западной коалиции «Обеспечить комфорт») – регион Иракского Курдистана оказался недоступным для иракской армии и вышел из сферы компетенции Багдада. На исторических территориях иракских курдов возникло фактически независимое государство – «Свободный Курдистан».

В мае 1992 года избрали «Национальную Ассамблею» (парламент) Курдистана. Был установлен высокий проходной процент (7 %), и в парламент прошли только ДПК и ПСК, с 45,3 % голосов (51 депутатский мандат из 105) и 43,8 % голосов (49 мандатов) соответственно. Властные компетенции также были поделены поровну между ними. Представитель ДПК был избран председателем парламента, а представитель ПСК – главой правительства. На второй сессии курдского парламента, прошедшей 4 октября 1992 года, была принята декларация об образовании курдского государства как субъекта будущей «Иракской федерации» со столицей в Киркуке, в то время курдам неподконтрольного.

Особенностью ведущих курдских политических партий, помимо определяющего уровня влияния в них определенных семей и кланов, является наличие собственных вооруженных формирований – «пешмерга», не подчиняющиеся государственным органам. Противоречия между ДПК и ПСК и наличие «партийного» вооруженного потенциала привели летом 1994 года к гражданской войне в регионе между сторонниками этих партий. Она закончилась мирным соглашением от 17 сентября 1998 года. Эта война серьезно затормозила процесс формирования самостоятельной государственности и национального гражданского общества.

Свержение диктатуры Саддама в 2003 году и создание федеративного демократического Ирака с принятием новой Конституции страны в 2005 году вновь интегрировало Курдистан в Ирак. ДПК и ПСК остались и остаются ныне ведущими политическими партиями Башура (Иракский, или Южный Курдистан). Произошли определенные изменения как в их деятельности, так и во взаимоотношениях.

ДПК за последние полтора десятилетия удалось консолидировать и усилить свою власть

в регионе Курдистана. Однако ПСК по-прежнему сохраняет контроль над провинцией Сулеймания; уровень его присутствия на «спорных территориях» региона Киркук выше, чем у ДПК. Также курдов в федеральной власти Ирака в большей мере представляют кадры ПСК, чем ДПК. Например, по неофициальной договоренности пост президента Иракской Республики (должность, в первую очередь, представительская) резервируется за курдом и ее занимает представитель ПСК.

Патриотический союз Курдистана также пережил раскол в своих рядах. В 2009 году из его рядов вышли один из основателей партии Неширван Мустафа и его сторонники, образовав партию «Движение за перемены» («Горран»). Партия выступает против клановости в органах законодательной и исполнительной власти, засилья коррупции, за расширение свободы слова, критики, снижение, вплоть до «обнуления», влияния партий на государственный аппарат, развитие политической культуры и гражданского общества.

Интересно, что в своей программе в разделе экономика «Горран» отмечает: «Одним из препятствий на пути реформ и борьбы с коррупцией в Курдистане, признанным международными экспертами одним из самых коррумпированных регионов мира, является отсутствие прозрачности и хаос, связанный со сложившимися в регионе политической и экономической системами... Государственный доход и национальное богатство растрачивается, а часть национального бюджета скрыта или утеряна»¹.

Такая радикальная позиция партии «Горран» принесла ей серьезный успех. На выборах в парламент Курдистана в 2009 году партия обеспечила себе 24 места из 111. Позднее прошла в федеральный парламент Ирака, а на следующих курдистанских парламентских выборах в 2013 году обошла ПСК, получив 24 места в парламенте (ДПК получила 38, а ПСК – всего 18). Таким образом, традиционная двухпартийная структура в Иракском Курдистане претерпела серьезную эволюцию и изменения [Малыженков, 2017].

Рубежной датой в истории Иракского Курдистана стало 25 сентября 2017 года, когда в регионе прошел референдум о независимости для курдской автономии Ирака. Инициатором и основным «драйвером» подготовки и проведения референдума выступила Демократическая партия Курдистана. ПСК сохранила по этому вопросу нейтральную позицию, хотя доктрина этой партии, а также

¹Official site of Change Movement. <https://web.archive.org/http://www.gorran.net/En/Content.aspx?LinkID=191&Action=2>

многие заявления ее лидеров свидетельствуют, что вторая по значению иракско-курдская политическая сила выступает за укрепление автономии, а не за независимость. Против референдума выступила «Горран», ссылаясь на то, что его проведение не было утверждено парламентом региона.

Однако референдум состоялся, и более 92 % его участников высказались за независимость. Вскоре после этого иракская армия и шиитское ополчение Ирака «Хашд аш-Шааби» вытеснили курдских «пешмерга», подчиняющихся ПСК из региона Киркука, находившегося под контролем властей курдской автономии с 2014 года. Это несколько снизило рейтинг ПСК, однако в целом не повлияло на двухпартийный расклад. Более того, после кончины в 2017 году основателя «Горран» Невширана Мустафы «Горран» начал активно подавать сигналы о готовности к сотрудничеству с ПСК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, какие выводы можно сделать об основных чертах и специфике политических партий Башура (Иракского Курдистана), на сегодняшний день – единственной существующей в мире формы государственности курдского народа?

Во-первых, подтверждается мысль о том, что курдские политические партии возникли и развиваются по условной модели «восточной» партии в ее «ближневосточном» варианте. Ведущим курдским партиям присуща такая их черта, как фактическое единоличное лидерство правящей персоны или клана, в большей степени

опирающихся на вооруженный потенциал в рамках структур партии, чем на методы чисто политической деятельности.

Другая специфика курдских партий состоит в том, что они являются оппонентами федеральных партийных и государственных структур Ирака не только по многим политическим и экономическим вопросам страны, но и в своем стремлении к национальному самоопределению с возможным выходом из общего с арабами Ирака государства.

Еще одним фактором, влияющим на специфику партийной деятельности в иракском Курдистане, является «незавершенность» формирования политической системы в регионе. До сих пор не принята (хотя и одобрена) конституция Иракского Курдистана, и четко не разграничены полномочия трех ветвей власти в регионе (президентской, законодательной и исполнительной). Это снижает возможности партий (кроме правящей) и в целом создает неразбериху, мешающую эффективному управлению регионом.

Также надо отметить, что партийно-политическая жизнь в Курдистане (как и дальнейшее развитие процесса обретения независимости, санкционированного референдумом 2017 года) находится в фазе стагнации, как, впрочем, и политический механизм иракского государства в целом. После последних выборов в парламент Ирака страна восемь месяцев находилась без правительства. Это и ряд других обстоятельств делают на сегодняшний момент невозможным какой-либо обоснованный прогноз развития политической ситуации вокруг Иракского Курдистана.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большая советская энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. Т. 19. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1975.
2. Байрамидзе С. М. Понятие и признаки политических партий в Российской Федерации // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия «Экономика и право». 2009. № 2. С. 179–184.
3. Матакбаева Л. Х. Специфика формирования партийно-политических систем стран Востока // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Международная жизнь и политика». 2014. URL: <https://articlekz.com/article/18598>
4. Agwani, M. S. The Ba'th: A Study in Contemporary Arab Politics // International Studies 6. 1961. Vol. 3. Issue 1. P. 6–24. DOI 10.1177/002088176100300102. Hizb al-Ba'th al-Arabī al-Ishtirākī.
5. McDowall, David. A modern History of the Kurds. 3rd ed. 2004. P. 241–243. London: I. B. Tauris. ISBN 1-85043-416-6.
6. Esposti N. D. Nation & Class in the History Kurdish National movement. Padova. 2017.
7. Малыженков С. Движение «Горран»: история и перспективы после смерти лидера // Вестник РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/>

REFERENCES

1. Prokhorov, A. M. (Ed.) (1975). Bolshaya Sowetskaya Enciklopediya = The Great Soviet Encyclopedia (vol. 19). 3rd ed. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.)

2. Baramidze, S. M. (2009). Poniatie i priznaki politicheskikh partii v Rossijskoj federacii = The concept and signs of political parties in the Russian Federation. Bulletin of Udmurt State University, Series "Economics and Law", 3, 179–184. (In Russ.)
3. Matakbaeva, L. H. (2014). Specifika formirovaniya politicheskikh sistem stran Vostoka = The specifics of the formation of the party and political systems of the countries of the East. Vestnik of KazNPU. Political Science. Alma-Ata. <https://articlekz.com/article/18598>. (In Russ.)
4. Agwani, M. S. (1961). The Ba'th: A Study in Contemporary Arab Politics. International Studies, 6(1), 3, 6–24.
5. McDowall, D. (2004). A modern history of the Kurds. 3rd (ed.). London: I. B. Tauris.
6. Esposti, N. D. (2017). Nation & Class in the history Kurdish National movement. Padova.
7. Malyzhenkov, S. Dvizhenie "Gorran": istoriya i perspektivy posle smerti lidera = "Gorran" movement after leader's death. Vestnik RSMD. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/dvizhenie-gorran-istoriya-i-perspektivy-posle-smerti-lidera/> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дюрре Мехмет Эмин Икбаль

кандидат исторических наук
доцент кафедры зарубежного регионоведения
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Durre Mehmet Emin Iqbal

PhD (history)
Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies
at the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
of the Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	06.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	27.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	02.10.2023	accepted for publication



Сетевая методология, коммуникационная иррациональность и геймификация как характеристики современного информационного противоборства

Ю. Г. Жеглова

Российский православный университет св. Иоанна Богослова, Москва, Россия
jour@rpu-rf.ru

Аннотация. Природа актуального дискурса информационного противоборства определяется цифровыми технологиями и характеризуется сетевой методологией, ставкой на коммуникативную иррациональность, масштабным использованием методов геймификации. При решении задач информационного противоборства по оси Россия – коллективный Запад требуются ясность в стратегии и изменения в целеполагании, например, отказ от постановки задачи выстраивания приемлемого на Западе имиджа России, а также адаптация тактики и инструментария.

Ключевые слова: информационное противоборство, коммуникации, геймификация, коммуникационная иррациональность, гиперреальность, постправда

Для цитирования: Жеглова Ю. Г. Сетевая методология, коммуникационная иррациональность и геймификация как характеристики современного информационного противоборства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 17–23.

Original article

Web-Style Methods, Communication Irrationality and Gamification as Features of Digitalized Information Confrontation

Yulia G. Zheglova

St. John the Evangelist Russian Orthodox University, Moscow, Russia
jour@rpu-rf.ru

Abstract. Current information confrontation is digital by nature and shaped by web-style paradigm, emphasis on communication irrationality and massive gamification. In information confrontation along the axis Russia-collective West changes in strategy and goal setting are needed (for example, West-approved international image of Russia should not be listed as priority) as well as trimming of tactics and technique.

Keywords: information confrontation, public communications, gamification, communication irrationality, hyper-reality, post-truth

For citation: Zheglova, Yu. G. (2023). Web-style methods, communication irrationality and gamification as features of digitalized information confrontation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 17–23.

ВВЕДЕНИЕ

Коллективный Запад отказывается признавать реалии многополярного мира и в противостоянии им использует широкий набор противоправных инструментов и методов, в число которых Концепция внешней политики Российской Федерации¹ включает «манипулирование сознанием отдельных социальных групп и целых народов, наступательные и подрывные операции в информационном пространстве». «Распространенной формой вмешательства во внутренние дела суверенных государств, – констатирует Концепция, – стало навязывание им деструктивных неolibеральных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям. Как следствие, разрушительное воздействие распространяется на все сферы международных отношений»². В связи с этим постулируется задача формирования «объективного восприятия России за рубежом, укрепление ее позиций в мировом информационном пространстве»³. Между тем в самом мировом информационном пространстве накоплена значительная масса изменений, которые носят технологически и социально обусловленный характер, формируются под воздействием демографических факторов, глобальных экономических, политических и геополитических процессов, приводя к укоренению сетевой коммуникационной методологии.

СЕТЕВАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ, ЕЕ ИСТОКИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Одним из важнейших теоретико-методологических оснований для понимания функционирования сетевой коммуникационной парадигмы представляется сформулированная М. Кастельсом концепция сетевого общества в рамках которой, по его оценке, «все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [Кастельс, 2000, с. 505].

В настоящее время хотя бы и чисто технологически о масштабах и перспективах такого подчинения говорят данные о распространении цифровизации (см. рис. 1).

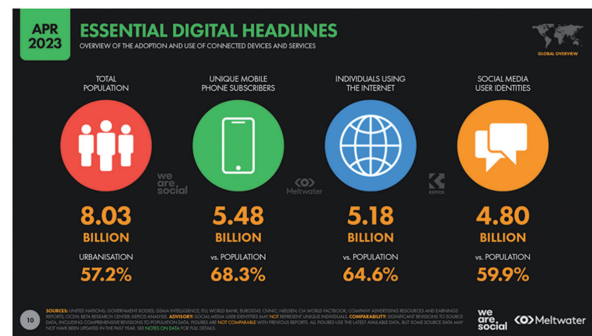


Рис. 1. Показатели глобального уровня цифровизации

Как следует из представленных данных, при населении планеты в 8,2 млрд человек 68,3 % являются уникальными пользователями мобильных телефонов, 64,6 % пользуются интернетом, 59,9 % имеют аккаунты в социальных сетях. И значения этих индикаторов год от года устойчиво растут⁴.

Сеть представляется как объективно существующий, хотя и организационно не четко оформленный, своего рода облачный коммуникационный феномен, ставший результатом конвергенции разнообразных устоявшихся и вновь возникающих на базе цифровых технологий коммуникационных платформ. С нарастанием их массового использования, с созданием перекрестных возможностей и сервисов различия и границы между ними стираются, платформы проходят через процесс конвергенции, формируя адаптивную сеть с узлами экосистемами на многих уровнях.

Не в последнюю очередь и поэтому к числу факторов, определяющих сетевую методологию коммуникаций, например, американские военные специалисты А. Себроски и Д. Гарстка уже несколько лет назад отнесли следующие:

- перемещение акцента с коммуникационной платформы на сеть;
- переход от рассмотрения действующих лиц в качестве независимых субъектов к рассмотрению их как части постоянно адаптирующихся экосистем;
- учет высокой степени изменчивости современных коммуникационных экосистем (прив. по: [Савин, 2016]).
- На сегодняшний день считаем возможным пополнить список следующими пунктами:
 - все более активная интеграция в коммуникационные системы искусственного интеллекта;
 - возможности так называемой расширенной реальности (от англ. *extended reality*), объединяющей возможности виртуальной, дополненной

¹Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

²Там же.

³Там же.

⁴Digital Around the World.

URL: <https://datareportal.com/global-digital-overview>

реальности – всех технологий симулирования реальности;

- датафикация, т. е. процесс делегирования всевозможным устройствам и приложениям на основе данных выполнения все большего объема повседневных, рутинных задач и операций в интересах пользователей, в том числе на основе блокчейна, что означает беспрецедентное расширение влияния сети и сетевой методологии коммуникации за счет таких феноменов как интернет вещей, машинное обучение и т. д.;

- дальнейшая алгоритмизация работы с большими данными пользователей, что приведет к супертаргетированию коммуникационных посланий, а сами эти послания станут носить все более динамический характер.

Таким образом, сетевая методология коммуникации основана на данных, изменчивости и адаптивности, ей не страшны отключения отдельных узлов и целых экосистем.

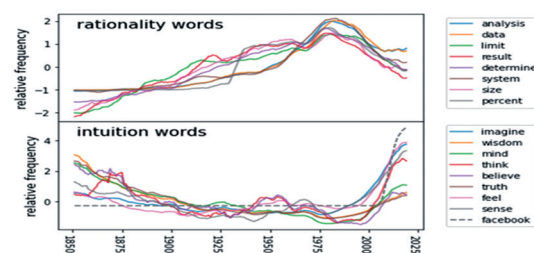
ИРРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ И МЕДИЙНАЯ ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ

Представляется важным для понимания логики сетевой методологии коммуникации распространение информации не по вертикали, а по горизонтали, по принципу реер-to-реер, т. е. от равного к равному. Сеть не упорядочена с точки зрения пользователей, так что возможной представляется аналогия с отличающейся от публики толпой (массой), как ее, хотя и с разными нюансами, понимали Г. Тард, Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет. Применительно к современному коммуникационному ландшафту можно говорить о современной коммуникационной сети как о виртуальном месте скопления публики, среди которой действуют законы толпы – отсутствие не только осознанного собственного мнения, но и самой возможности его формирования, подверженность коллективным эмоциям, коллективная безответственность, деперсонализация действия. Следствием является повышение значимости, например, эмоционального воздействия и минимизация важности логических или просто сложных данных и / или аргументов, другими словами, иррационализация коммуникации.

Сеть – с ее видимой аморфностью, изменчивостью и горизонтально-волновым характером распространения данных – показывает себя как идеальный ресурс выстраивания информационных потоков на основе иррационального: фейков, псевдофактов, псевдоисточников, продуктов виртуальной или дополненной реальности, астротурфинга и т. п. Всё это побуждает ставить вопрос

о новом подходе к коммуникационной рациональности и говорить о коммуникативной иррациональности.

Показательные и фиксирующие тенденцию результаты получили исследователи из Indiana University (США) и Wageningen University (Нидерланды), которые с помощью технологий анализа данных проанализировали дискурс из литературы и новостных заголовков и изложили результаты в материале «We conclude» or «I believe»? Rationality declined decades ago («Мы приходим к заключению» или «Я верю»? Рационального стало меньше десятилетия назад)¹. Было выявлено, что с середины XIX века и до 1980-х годов люди чаще пользовались словами, связанными с логическими рассуждениями, вроде «следовательно», «определено» и «вывод», и всё реже – словами, обозначающими внутренние чувства и субъективные верования (рис. 2). Но с 1980-х тренд развернулся в обратную сторону. Более того, тенденция к замене логических рассуждений аргументами, основанными на чувствах, значительно ускорилась.



Examples of trends in the use of words related to rationality (top panel) versus intuition (bottom panel)
(This figure may be used free of rights in press coverage)

Рис. 2. Динамика рационального и эмоционального при формировании мнения

Что касается постправды, то это явление, впервые обозначенное в 1990-х и гиперактуализированное сегодня. В 1992 году американский драматург сербского происхождения С. Тесич, обсуждая в своем эссе недавние на тот момент Уотергейтский скандал, тайные поставки оружия в Иран, войну в Персидском заливе и т. д., обратил внимание на то, что после короткого периода интенсивного возмущения американское общество быстро успокаивалось и забывало о причине своего переживания. «Мы быстро превращаемся в нацию такого типа, – писал драматург, – о которой могли только мечтать монстры тоталитаризма. До сих пор всем диктаторам приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы заглушить в обществе голос правды. Сейчас

¹«We conclude» or «I believe»? Rationality declined decades ago. URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/940009>

мы своими действиями показываем, что в этом уже нет необходимости, что нам удалось сформировать в себе некий психический механизм, который способен избавлять нас от осознания правды, какой бы важной она ни была. Будучи свободными людьми, мы по своей собственной воле приняли фундаментальное решение о том, что хотим жить в некоем мире постправды» ([прив. по: Тузовский, 2020]). То есть постправда изначально и в трактовке некоторых исследователей сегодня – явление не сугубо информационно-коммуникационного порядка, а социокультурное. Оно обозначает изменения в восприятии событий, скорее, чем изменения в сообщении о них и в их интерпретации.

В русле тенденции к приоритету эмоционального и отступлению рационального, на изменения в характере и способе потребления коммуникации лежит и, например, такая статистика Gallup по США¹: в 2021 году совершеннолетние американцы прочитали в среднем по 12,6 книги, и это заметно меньше, чем в прошлые годы: авторы исследования провели сравнение с аналогичными опросами в 2002–2016 годах. Тогда американцы в среднем читали чуть более чем по 15 книг в год. Стали читать меньше и обладатели высшего образования, а также пожилые люди. Почти половина выпускников (48 %) читали более чем по 10 книг в год, а в 2021 году таких набралось только 35 %. В целом, только чуть больше четверти респондентов прочитали больше десяти книг в 2021 году.

Всё более всеобъемлющее воздействие на массовое сознание средствами сетевой методологии коммуникации, опоры на эмоции в ущерб рациональному компоненту мышления ведет к возникновению (или намеренному конструированию) медийной гиперреальности. Гиперреальность и симулякры описывались во второй половине XX века Ж. Бодрийяром с философских позиций, однако их прикладное значение для коммуникаций очевидно сегодня как никогда. Средства массовой информации в этих обстоятельствах утрачивают сколько-нибудь самостоятельную роль и выступают лишь инструментом формирования гиперреальности. К характеристикам медийной гиперреальности считаем возможным отнести следующие:

- массовое создание и тиражирование во всех коммуникационных каналах информационных артефактов, фейковых новостей, постправды, прежде всего, на базе воздействия на эмоции, визуализации с использованием симуляционных цифровых технологий;

- использование в качестве первоисточников псевдоинформации целенаправленно созданных псевдоисточников;

- использование реальных, но скомпрометированных источников информации при игнорировании компрометирующих оснований;

- тотальное игнорирование контраргументов и фактов, противоречащих гиперреальности;

- редуцирование смыслов до уровня примитивизации, как следствие – искаженная картина, выдаваемая за реальную.

ИГРАИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Важными в информационном противоборстве в эпоху цифровой гиперреальности являются технологии играизации (геймификации) коммуникационно-информационного процесса. Важно вспомнить, что еще в рамках небесспорной, но представляющей ценность теории символического интеракционизма Дж. Мид в качестве инструмента первичной социализации индивида рассматривал игру. Это может служить отправной точкой при оценке феномена геймификации сетевого общества и его информационных потоков – их генерирования, передачи и восприятия. Можно согласиться с исследующим феномен играизации С. А. Кравченко, который подчеркивает глобальный характер играизации всех процессов в современном мире и полагает играизацию естественным результатом нелинейной динамики и ее имманентной сутью [Кравченко, 2008].

Практика международных коммуникаций дает основания предположить, что играизация уже вполне оформилась как технология и в этой сфере. В рамках коммуникации мы имеем сегодня дело с играизацией как с формой переживания гиперреальности на основе управляемой саморефлексии. В прагматическом отношении к инструментам играизации коммуникаций можно отнести ставку на эмоции в ущерб смыслам и в целом редуцирование смыслов в коммуникации. Характерные черты такой практики в международной коммуникации сведены в таблицу 1.

С точки зрения применения технологий геймификации можно рассмотреть, в частности, деятельность базирующегося в США ресурса The Onion, который выглядит как агентство сатирических новостей. Это дает ему возможность открыто генерировать фейковые новостные потоки, причем не единичны случаи, когда средства массовой информации публикуют новости этого агентства как реальные.

¹Американцы стали меньше читать.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5170251>

Таблица 1

ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ	ГЕЙМИФИКАЦИЯ
Массовое создание и тиражирование во всех коммуникационных каналах информационных артефактов, фейковых новостей.	Ставка не на аргументы и логику, а на эмоциональное воздействие на грани шока во всех коммуникационных цепочках.
Использование в качестве первоисточников информации целенаправленно созданных псевдоисточников.	Превращение процессов аргументирования и логического обоснования в игру с использованием имитаций доказательств во всех коммуникативных цепочках на основе управляемой саморефлексии.
Использование реальных, но скомпрометированных источников информации при игнорировании компрометирующих оснований.	Управление саморефлексией через заданные эмоции.
Тотальное игнорирование контраргументов и фактов, противоречащих гиперреальности.	Управление саморефлексией через интерактивные элементы коммуникации (например, форумы) с привлечением ботов.
Редуцирование смыслов до уровня примитивизации, как следствие – искаженная картина, выдаваемая за реальную.	Увеличение удельного веса визуализированного контента при сокращении доли текстовой информации во всех коммуникативных цепочках.

В российском сегменте Интернета действуют агентства такого профиля, например Fog News. Нельзя не обратить внимания на контактные данные руководства редакции (см. рис. 3), представленные во вполне игровой форме и выполняющие на своем уровне задачи

конструирования гиперреальности в том числе и через геймификацию. Заметный игрок в этом сегменте в российском информационном поле – ИА «Панорама», которое также позиционируется как страж качественной журналистики (см. рис. 4, с. 22).

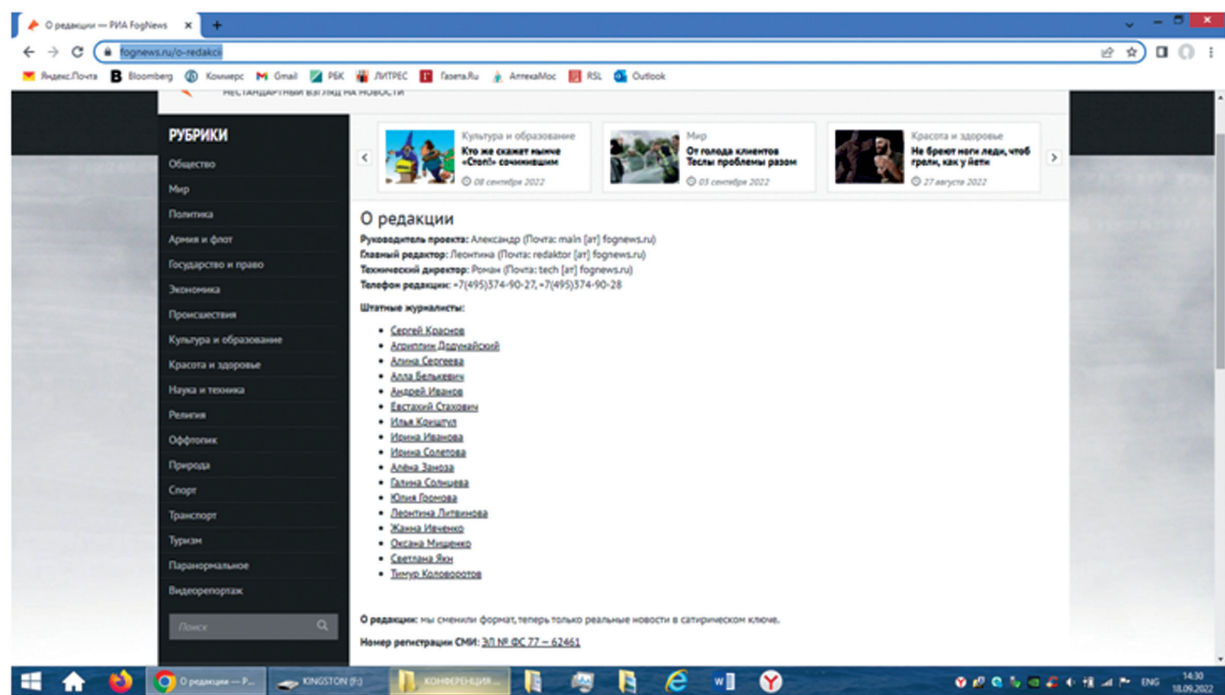


Рис. 3. Скриншот интернет-страницы Fog News «О редакции»

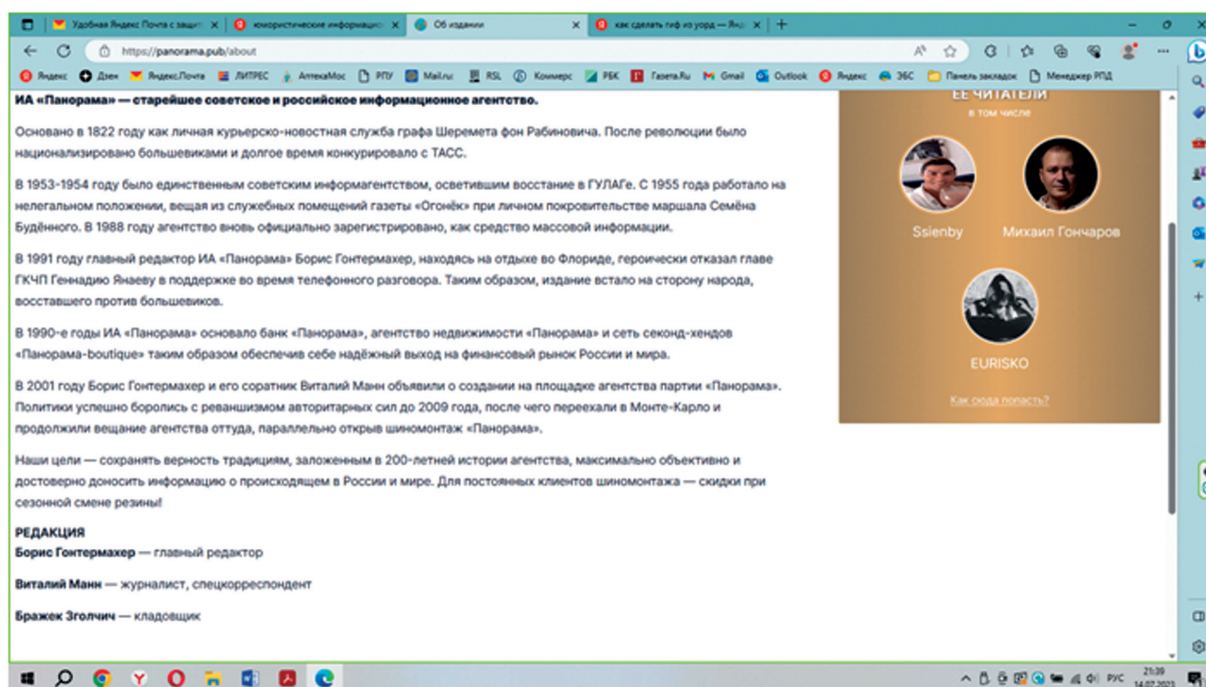


Рис. 4. Скриншот интернет-страницы ИА «Панорама» «О проекте»

Такого рода информационные агентства – феномен не сугубо российский и не исключительно сегодняшнего дня, однако новые технологии дают коллективным субъектам дезинформации более значительное поле для маневра, и их деятельность можно охарактеризовать не как журналистскую сатиру, а как новостной пранкинг. Примечательно, что выяснить по открытым источникам, в чьих интересах или на чьи средства они существуют, не представляется возможным.

Фейки и постправда как актуальные феномены в условиях информационного противоборства по оси коллективный Запад-Россия также могут рассматриваться как одновременно и инструмент геймификации, и ее следствие: наличие источников псевдоинформации и необходимость отслеживать фейки, просеивая информационный поток, уже сами по себе представляются элементом геймификации. МИД РФ, например, вынужден едва ли не ежедневно публиковать на своем сайте комментированные обзоры недостоверных материалов западных СМИ о России и ее внешней политике. Мониторинг и маркировка информации как фейковой используется и некоторыми западными изданиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровое информационное противоборство разворачивается на фоне реализации концептов, предложенных как минимум еще в прошлом веке, но актуализированных и отчасти видоизмененных в результате тотальной цифровизации. Изменения

коснулись всех элементов коммуникационной модели: ни источник информации, ни каналы коммуникации, ни адресат информации, ни обратная связь более привычными константами не являются. Изменился и будет продолжать меняться и сам характер информационного потребления.

Современное информационное противоборство разворачивается не столько в плоскости информирования, логики и фактов, тезисов и подкрепляющих их аргументов, сколько в плоскости иррациональной веры на основе искажений и все более примитивизированных стереотипов. Сопутствующим эффектом при этом является размывание прежних критериев качественной профессиональной работы медиа и, прямо говоря, огулнение целевых аудиторий.

На наш взгляд, всё это означает необходимость тонкой настройки парадигмы коммуникационно-информационной работы в интересах России. Прежде всего, возможно, следует отказаться от признания внешнеполитического / международного имиджа России как стратегической цели. Целесообразно принять его сложившийся характер, весьма незначительный потенциал для изменения его коммуникативными инструментами и крайнюю неустойчивость изменений. Высвобожденные в результате ресурсы следует направлять на прагматичное информационное обеспечение текущих задач государства – в различных областях и на различных уровнях.

В планировании и реализации со стороны России при целеполагании следовало бы четко

различать цели кратко- средне- и долгосрочные, предполагая для каждой группы имеется свой инструментарий:

- краткосрочные – первичное внедрение в информационную картину, ментальную карту представителей целевых аудитории за счет эмоционального воздействия и контрвоздействия с опорой на возможности иррационализации; при этом важно действовать не в режиме реагирования на предлагаемые противоборствующей стороной обстоятельства, а предпринимать действия на опережение, формировать собственную эмоциональную повестку и собственный информационный дискурс;
- среднесрочные – формирование на основе достижения краткосрочных целей альтернативного информационного фона, снижение уровня

априорного отрицания предлагаемой повестки, по-прежнему на основе эмоций с постепенным усилением рационального компонента;

- долгосрочные – продвижение собственной позиции с опорой на реальную информацию.

Усвоенные на Западе стереотипные представления о России не подлежат слому, однако, как представляется, возможно в качестве долгосрочной цели на протяжении жизни двух–четырех поколений ставить их частичную корректировку.

При выборе инструментов представляется возможным использовать в своих интересах весь арсенал ныне существующих техник и технологий кроме фейков и псевдособытий, поскольку окроено манипулятивные методы работы с информацией и общественным мнением стратегически ведут к информационному проигрышу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. Савин Л. В. Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. СПб: Питер, 2016.
3. Тузовский И. Д. Постправда как синдром Цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего // Философская мысль. 2020. № 12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34257
4. Кравченко С. А. Игровая социализация общества: блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2007 года / под ред. чл.-корр. РАН В. И. Конова. М.: Октаус-Природа, 2008.

REFERENCES

1. Kastels, M. (2000). Informatsionnaya epokha: ekonomika, obschestvo, kultura = Information era: economy, society, culture. Moscow: GuVShE. (In Russ.)
2. Savin, L. V. (2016). Novije sposobi vedeniya voiny: kak Amerika stroit imperiyu = New Ways to Wage War: How America Builds Empire. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
3. Tuzovskii, I. D. (2020). Postpravda kak sindrom tsifrovoy epokhi: predel'noye ponimaniye fenomena i stsennarii buduschego = Post-turth As Digiatl Era Syndrome: Utmost understanding of the Phenomenon and Scenarios for the Future. Philosophskaya mysl', 12. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34257. (In Russ.)
4. Kravtchenko, S. A. (2008). Igraizatsiya obschestva: blaga i problemy = Gamification of Society: Benefits and Problems. Moscow: Octopus-Pririoda. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жеглова Юлия Генриховна

кандидат политических наук, доцент
заведующий кафедрой журналистики
Российского православного университета святого Иоанна Богослова.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zheglova Yulia Ghenrikhovna

PhD (Political Science), Associate Professor
Head of Chamber of Journalism
St. John the Evangelist Russian Orthodox University

Статья поступила в редакцию
одобрана после рецензирования
принята к публикации

26.07.2023
27.08.2023
05.09.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 327



Цивилизационная геополитика: методологический аппарат

С. Г. Киселев

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
ksg56@mail.ru*

Аннотация. В статье обосновывается целесообразность выделения цивилизационной геополитики как отдельной научной дисциплины в рамках геополитики и политологии. Предпринимается попытка сформулировать и рассмотреть методологические основы цивилизационной геополитики. Автором определены объект, предмет цивилизационной геополитики, охарактеризованы основные методы, модели и методологические подходы, используемые в исследованиях геополитических процессов. Делается вывод, что в условиях усложняющегося мироустройства получить релевантную геополитическую картину мира без геополитического анализа весьма затруднительно.

Ключевые слова: геополитика, цивилизационная геополитика, объект, предмет, методология, геополитические процессы, экспансия, столкновение цивилизаций

Для цитирования: Киселев С. Г. Цивилизационная геополитика: методологический аппарат // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 24–30.

Original article

Civilizational Geopolitics: Methodological Apparatus

Sergey G. Kiselev

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ksg56@mail.ru*

Abstract. The article substantiates the expediency of distinguishing civilizational geopolitics as a separate scientific discipline within the framework of geopolitics and political science. An attempt is made to formulate and consider the methodological foundations of civilizational geopolitics. The author defines the object, the subject of civilizational geopolitics, describes the main methods, models and methodological approaches used in the research of geocivilization processes. It is concluded that in the conditions of an increasingly complex world order, it is very difficult to obtain a relevant geopolitical picture of the world without a geo-civilizational analysis.

Keywords: geocivilization, civilizational geopolitics, object, subject, methodology; geocivilization processes; expansion; clash of civilizations

For citation: Kiselev, S. G. (2023). Civilizational geopolitics: methodological apparatus. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 24–30.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования вопроса, поставленного в статье, обусловлена повышенным вниманием к проблематике цивилизаций, к вопросу об истоках и судьбе российской цивилизации, возрастающим значением геочивилизационного фактора в современных условиях обострения геополитического противоборства и трансформации системы мироустройства. Как отмечается в новой Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года, в современном мире наблюдается «рост национального самосознания, культурно-цивилизационное разнообразие»¹. Рост цивилизационного и национального самосознания наблюдается во многих точках планеты [Азаренкова, 2023].

Сегодня качественный анализ международной геополитической ситуации, определение нарастающих вызовов весьма затруднительны без проведения исследования геочивилизационных процессов, применения при этом специфических методов и методологические подходов [Белозёров, 2023]. О значимости таких исследований писали многие отечественные и зарубежные авторы. В XIX веке А. С. Хомяков справедливо считал, что невозможно понять Европу, ее культуру и жизнеустройство без изучения христианства так же, как нельзя понять Азию без познания буддизма. По мнению ученого XX века А. Тойнби, «современная мировая политика – это состязание цивилизаций: политическое, экономическое, идеологическое» [Киселев, 2002, с. 5].

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ГЕОПОЛИТИКА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Цивилизационная геополитика – научная дисциплина, изучающая фундаментально-ценностные основания и закономерности становления и развития человечества в формате составляющих его локальных цивилизаций (геочивилизаций), познающая сложные многофакторные процессы межкультурного взаимодействия, взаимодействия / противодействия, диалога и межкультурного столкновения.

Объект цивилизационной геополитики как новой научной и учебной дисциплины – вселенская структура геочивилизаций. Предмет – закономерности появления, формирования, жизнеустройства и завершения геочивилизаций, а также особенности геочивилизационных процессов.

Прежде всего, следует отметить, что термин «цивилизация» как ключевое и исходное понятие

в цивилизационной геополитике не имеет в научном обороте однозначного понимания. Под ним понимается и совокупность материальных и духовных ценностей, и степень развитости чего-либо или кого-либо (например, нравов, культуры, технологий и т. д.), и локальные общности, формации и образования.

Данная ситуация является следствием того, какой методологический подход применяется – стадийный (формационный) или локальный. До выхода в свет труда «Россия и Европа» (1871) русского философа Н. Я. Данилевского термин использовался исключительно в стадийном значении. В значительной степени такое положение дел объясняется следствием европоцентричного понимания истории, бытовавшего в те времена, когда считалось, что цивилизованной была лишь Европа и только она могла называться цивилизацией, а остальные части Земли считались неразвитыми, нецивилизованными, варварскими. Впрочем, в определенной степени, с подобными взглядами можно столкнуться и сегодня, но теперь они характерны преимущественно для западной общности людей.

Стадийный подход рассматривает цивилизацию как результат поступательного процесса от неразвитости к развитости кого-либо или чего-либо. А локальный подход видит в цивилизации пространственно-временное образование людей, самобытную историко-культурную общность. И каждая такая локальная общность в подобных теориях называется тем же термином. Опять же, такая ситуация складывается в результате применения того или иного подхода к формулированию дефиниции «цивилизация». В результате не всегда можно сразу разобраться, что же понимается под данным термином на самом деле.

С целью преодоления разночтений и разнопониманий термина «цивилизация» автор данной статьи сформулировал новый термин – «геочивилизация» и, начиная с 2000 года, использовал его для обозначения локальной цивилизации в ряде работ, тем самым введя его в научный оборот [Киселев, 2000; Киселев, 2002; Киселев, 2003]. Предложенное автором понятие «геочивилизация» успешно и без споров интегрировалось в отечественный научный оборот и с успехом применяется аналитиками, учеными и экспертами, применяющими геочивилизационный метод к анализу реальности и фундаментальноценностных аспектов человеческого существования.

Уместно отметить, что геочивилизация гораздо крупнее государства (что, впрочем, не относится к государствам-цивилизациям, но их немного). В значительной степени она реализует себя через

¹Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229.

функционирование государств, входящих в нее историко-культурно, а не в формате международно-правового оформления. Тем самым она объективирует свою историческую энергию в политических, экономических, демографических и иных формах.

К современным геочивилизациям (цивилизациям, существующим ныне) автор относит (как и многие другие исследователи) западную, исламскую, православную, российскую, конфуцианско-буддистскую, индуистскую, латиноамериканскую, японскую и (возможно) африканскую.

МЕТОДОЛОГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Методологическую основу цивилизационной геополитики составляют методологические подходы, модели, методы и частные методики. Безусловно, в цивилизационной геополитике применяются методы и подходы геополитики (историко-ретроспективный, идентитарный, структурно-функциональный и системный подходы, метод геополитического прогнозирования, методы аналитики и др.). К примеру, насущная потребность обращения к *системному подходу* определяется тем, что существование геочивилизаций не развивается изолированно друг от друга, а подвергается как взаимному влиянию, так и воздействию совокупности политических, культурных, демографических, социальных, экономических, информационных и военных факторов – в том числе носящих экспансионистский характер – на составляющие их государства. Весьма перспективным здесь видится применение *методики форсайта*, получающей все большее одобрение у экспертов и аналитиков разных стран. Данная методика позволяет с достаточно высокой степенью достоверности определять перспективы развития отношений и прогнозировать события в будущем с активными действиями участвующих в них акторов.

Необходимость обращения к *структурно-функциональному подходу* в цивилизационно-геополитических исследованиях продиктована рядом факторов. Необходимо мониторить и оценивать отдельные наиболее значимые направления развития геочивилизаций, прежде всего, экономический и технологический потенциалы, демографическую динамику и уровень экспансионизма (причем, желательно, в разных сегментах), оказывающие влияние на межцивилизационные отношения и формирование союзов и блоковых структур. Также следует выявлять формы и надежность сотрудничества, наличие глубинных историко-культурных и политических противоречий и «исторических обид». Для данного

методологического спектра представляет интерес, на наш взгляд, появление и использование *моделей гармонизации стратегии и тактики международных отношений*. Использование метода *case study* позволяет реконструировать эволюцию и трансформацию отношений между отдельными геочивилизациями, в особенности расположенными на линиях цивилизационных разломов. В означенных географических зонах наблюдается высокая конфликтогенность. Причем конфликты нередко разрешаются радикальными, в том числе вооруженными средствами.

Цивилизационная геополитика не только использует вышеуказанные методы и методологические подходы, причем делает это комплексно, но и вносит свой вклад в методологию как общую теорию метода в условиях насущной потребности в обобщении, разработке и адаптации способов, приемов и средств, применяемых в познании сложнейших историко-социально-культурных явлений, каковыми являются геочивилизации. Иными словами, цивилизационная геополитика вырабатывает свой инструментарий изучения и мониторинга геочивилизационных процессов. К примеру, актуальным представляется применение относительно новой *методики геочивилизационного (пространственно-временного) анализа*, которая базируется на использовании *метода цивилизационного анализа* [Киселев, 2020].

Использование в цивилизационной геополитике *метафизического метода* способствует пониманию фундаментально-ценностных основ построения и функционирования человеческого мироустройства, его не только изначальной, но и последующей структурной конструкции, состоящей из 5–10 локально-цивилизационных элементов-частей. Они масштабны и самобытны. В целом же вышеуказанная многоаспектная конструкция является своеобразной матрицей формирования и функционирования системы международных отношений.

Символический метод также применим в цивилизационной геополитике. Первенство появления этого метода автор отдает В. С. Соловьеву, отечественному философу второй половины XIX века, придававшему большое значение символам в деле глубины познания окружающей действительности, и произнесшему слова: «все видимое нами – только отблеск, только тени от незримого очами» [Соловьев, 1990, с. 75], и полагавшего, что за символами скрыто более глубокое знание, требующее более тщательного изучения. Данный метод позволяет увидеть в современных событиях глубинные проявления хода человеческой истории, поступательного развития человечества и его наиболее масштабных составляющих

– цивилизаций, каждая из которых есть самобытие окно в мир, своеобразное мироощущение, выраженное в образе жизни, религии, традициях и системе жизненно значимых ценностей.

Геоцилизационно-прогностический метод. Применение данного метода, на наш взгляд, берет начало в русской философии XIX века. Образцами его использования можно считать геополитические прогнозы столкновения цивилизаций Н.Я.Данилевского в труде «Россия и Европа» [Данилевский, 1991] и В.С.Соловьева («Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», 1897) [Соловьев, 1988]. С.Хантингтон активно использовал этот метод при создании своей теории цивилизаций [Хантингтон, 1994].

Учитывая необходимость прогнозирования перспективных направлений развития геоцивилизаций, их потенциалов, стратегий стран-лидеров этих цивилизаций, цивилизационно-прогностический метод представляет собой ценный инструмент выявления геоцивилизационных вызовов для России. Здесь целесообразно применение модели столкновения цивилизаций С.Хантингтона, разработанной им в вышеуказанной работе, а также в работах «Если не цивилизации, то что?» (If Not Civilization? What? Paradigms of the Post-Cold War World) [Huntington, 1993] и «Запад и столкновение цивилизаций» [Хантингтон, 1997].

Методологическое значение в деле исследования геоцивилизаций, их происхождения, развития, упадка и умирания имеет теория *Вызова-и-Ответа* А.Тойнби. Ее суть заключается в следующем. Выявлено, что на процесс становления и функционирования цивилизаций большое воздействие оказывает (в том числе, как причина генезиса) окружающая среда – как природная, так и социальная, человеческая. Среда формирует *Вызов*, на который цивилизация вынуждена дать свой адекватный *Ответ*. И чем сильнее появившийся вызов, тем сильнее ответ (эту формулу А.Тойнби назвал законом развития цивилизаций) [Тойнби, 1991]. Исходя из своего методологического подхода, А.Тойнби делит цивилизации на две группы. К первой группе относятся цивилизации, которые зарождались под воздействием природной среды, ко второй – те цивилизации, где большое влияние оказывало человеческое социальное окружение. А.Тойнби выделяет различные виды вызовов, которые способствуют интенсивному развитию.

Пример ответа на вызов окружающей природно-климатической среды – возникновение так называемых «речных цивилизаций», позволившее народам организовать жизнь в условиях катастрофического уменьшения пищевой массы и спастись от голода и вымирания. А пример ответа на

воздействие окружающей социальной человеческой среды, который приводит Тойнби, – ислам как ответ на обширную экспансию Запада, его мощное давление, следствием которого стало возникновение «стимула удара» со стороны арабской цивилизации [Тойнби, 1991].

Анализ взглядов и концепций по проблематике развития цивилизаций, а также современной мировой практики, позволяет выделить следующую закономерность взаимоотношений, взаимодействия геоцивилизаций, имеющую методологическую значимость для геоцивилизационных исследований. Ее целесообразно учитывать для понимания особенностей взаимоотношений между геоцивилизациями. Локальным цивилизациям, взаимодействующим друг с другом, присуще, с одной стороны, взаимовлияние, сотрудничество, диалог, взаимообогащение изобретениями и достижениями, а с другой – соперничество, противоборство, столкновение, экспансия. Каждая из них стремится оказывать влияние и определенное давление в самых разных формах на соседнюю / соседние цивилизации, особенно если та / те слабее ее. При этом каждой из них имманентно, на уровне инстинкта, присуще такое качество, как экспансия (от лат. *expansio* – расширение, распространение (границ, влияния и пр.), постоянное стремление оказывать на соседние цивилизации воздействие в самых разных формах. Враждующим цивилизациям присуще, как метко выразился О.Шпенглер, «принцип экспансии» [Шпенглер, 1993].

Методология цивилизационной геополитики в настоящее время развивается, наполняясь новыми методами, методиками и иными научными инструментами исследований, присущими данной научной дисциплине. При этом всеобщим фундаментом методологии научных исследований в данной области научных знаний продолжает оставаться философия как универсальный метод, поскольку законы, принципы, категориально-понятийный аппарат философии определяют общее направление и стратегию исследования, охватывают все другие уровни методологии, воплощаясь, развертываясь в конкретной форме в каждом из способов исследования. Выбранный метод исследования, как правило, применяется не изолированно, а в сочетании с другими инструментами. Поэтому важно наиболее полно использовать потенциал каждой из сторон того или иного метода и всех их во взаимосвязи. Тот или иной метод используется с учетом изменения предметной области исследования. Поэтому недопустима универсализация метода исследования, в том числе распространение за границы его объективной применимости. В исследовательской работе в

рамках цивилизационной геополитики рекомендуется несколько иной порядок слов: используется не только комплекс методов и методик в их взаимосвязи и взаимообусловленности, но допустимо и применение методического инструментария из иных сфер деятельности, их экстраполяция на исследуемый предмет, особенно когда возникают пограничные методологические проблемы. Поэтому важно отслеживание и изучение новых научных методов в других науках.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

В основании концептуально-методологического фундамента цивилизационной геополитики лежит теория цивилизаций как локальных историко-культурно-социальных явлений, основателем которой по общемировому признанию является Н. Я. Данилевский. В книге «Россия и Европа» он первым заявил, что планета Земля, человеческое мироустройство структурно включает несколько цивилизаций / культурно-исторических типов, а не только европейскую цивилизацию. На планете существуют и другие «самостоятельные цивилизации [Данилевский, 1991]. Мировая история есть поступательное развитие цивилизаций как культурно-исторических типов больших общностей людей, объединенных своей самобытной культурой, число которых относительно небольшое по сравнению с числом существовавших и существующих государств. Таким образом, философ первым выступил против традиции широко бытовавшего тогда европоцентризма, согласно которой все европейское, западное считалось развитым, а восточное отсталым.

По методологическому пути Данилевского пошел немецкий философ О. Шпенглер, создавший свою теорию цивилизаций в «Закате Европы» (1920). Затем по этому пути пошли А. Тойнби («Постижение истории») и С. Хантингтон и другие мыслители.

В части, касающейся познания российской цивилизации и ее места в системе мировых цивилизаций и роли в мироустройстве, методологически важно учитывать *концепты отечественных философов XIX–XX веков*, их мысли о России, ее культуре-цивилизации, их поиски смысла истории и осмысление судьбы России. Общественная

мысль России имеет солидную традицию изучения геополитических и цивилизационных проблем, свою научную школу, к представителям которой можно смело отнести известных мыслителей – философов, историков, писателей – П. А. Чаадаева, А. С. Хомякова, И. И. Киреевского, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Д. И. Менделеева, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, братьев Е. и С. Трубецких, Н. Ф. Федорова, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, С. Л. Франка, В. Ф. Эрнста, С. Н. Булгакова, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Л. Н. Гумилева, И. А. Ильина и др., в произведениях которых геочивилизационное осмысление положения и состояния России и вытекающие отсюда следствия занимали одно из центральных мест. Это не случайно, поскольку, как отмечал П. Чаадаев в своих «Философических письмах», географическое и культурное положение России наложило печать на всю ее историю, отразилось как в сильных, так и в слабых сторонах российского государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цивилизационная геополитика как научная дисциплина исследует фундаментально-ценностный уровень международных отношений, спектр глубинных геополитических противоречий, позволяет объяснять геополитические и геочивилизационные сдвиги, которые проявляются в стратегиях глобальных держав в зависимости от складывающейся международной обстановки, определять культурно-цивилизационную платформу военно-политических союзов и их перспективу, преодолевать в анализе неопределенность международных отношений, характерную для сегодняшней усложняющейся геополитической ситуации.

Цель проведенного исследования заключалась в предложении признать цивилизационную геополитику самостоятельной научной и учебной дисциплиной. Для практической работы в данной сфере необходим методологический аппарат цивилизационной геополитики, включающей в себя методологические подходы, методы и модели, а также концептуальные положения из произведений классиков цивилизационной теории. Данная методология позволяет формировать более глубокую и полную геополитическую и геочивилизационную картину мира, выявлять вызовы и определять адекватные и достойные ответы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азаренкова А. А. Реализация геополитического проекта «Великая Румыния» в современных условиях // KANT: Social Sciences & Humanities. 2023. № 1 (13). С. 48–55.

2. Белозёров В. К. Контуры военной картины современного мира и место в ней России // Радиоэлектронные технологии. 2023. № 1. С. 10–15.
3. Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М.: Известия, 2002.
4. Киселев С. Г. Экономический и демографический аспекты сравнительного анализа геочивилизаций. М.: РАГС при Президенте Российской Федерации, 2000.
5. Киселев С. Г. Геочивилизация // Глобалистика: Энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 172–174.
6. Киселев С. Г. Метод цивилизационного анализа в геополитике и геостратегии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 1 (838). С. 34–41.
7. Соловьев В. С. Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
9. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // В. С. Соловьев. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635–762.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис (Политические исследования). 1994. № 1. С. 33–48.
11. Huntington S. If Not Civilization? What? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign Affairs, November / December 1993. Vol. 72. № 5. P. 186–194.
12. Хантингтон С. Запад и столкновение цивилизаций. М.: ВАГШ, 1997.
13. Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993.

REFERENCES

1. Azarenkova, A. A. (2023). Implementation of the geopolitical project "Great Romania" in modern conditions. KANT: Social Sciences & Humanities, 1(13), 48–55. (In Russ.)
2. Belozarov, V. K. (2023). Contours of the military picture of the modern world and the place of Russia in it. Radioelektronnye tekhnologii, 1, 10–15. (In Russ.)
3. Kiselev, S. G. (2002). Osnovnoj instinkt civilizacij i geopoliticheskie vyzovy Rossii = The Basic instinct of Civilizations and the Geopolitical challenges of Russia. Moscow: Izvestia. (In Russ.)
4. Kiselev, S. G. (2000). Geopolitical and geo-civilization challenges. Moscow: RAGS Presidential Academy. (In Russ.)
5. Kiselev, S. G. (2003). Geocivilizaciya = Geocivilization. Globalistika (pp. 172–174): enciklopediya. Moscow: Raduga. (In Russ.)
6. Kiselev, S. G. (2020). Method of civilization analysis geopolitics and geostrategy. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(838), 34–41. (In Russ.)
7. Solovyov, V. S. (1990). Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov = Poems. Prose. Letters. Memoirs of contemporaries. Moscow: Moskovsky Rabochy. (In Russ.)
8. Danilevsky, N. Ya. (1991). Rossiya i Evropa = Russia and Europe. Moscow: Kniga. (In Russ.)
9. Solovyov, V. S. (1988). Three conversations about war, progress and the end of world history. Essays (vol. 2, pp. 635–762): in 2 vols. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
10. Huntington, S. (1994). A clash of civilizations? Polis (Political Studies), 1, 33–48. (In Russ.)
11. Huntington, S. (1993). If Not Civilization? What? Paradigms of the Post-Cold War World. Foreign Affairs, November / December, 72(5), 186–194.
12. Huntington, S. (1997). Zapad i stolknovenie civilizacij = The West and the clash of Civilizations. Moscow: VAGSH. (In Russ.)
13. Toynbee A. (1991). Postizhenie istorii = Comprehension of history. Moscow: Progress. (In Russ.)
14. Spengler, O. (1993). Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii = The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Moscow: Mysl. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселев Сергей Георгиевич

доктор философских наук

профессор кафедры политологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kiselev Sergey Georgievich

Doctor of Philosophical Sciences
Professor, Department of Political Science
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University
Professor of the Department of International Security and Foreign Policy
of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Статья поступила в редакцию	05.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	27.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	30.09.2023	accepted for publication



«Мягкая сила» как инструмент внешней политики Турции на Балканах: на примере Сербии, Косово и Боснии и Герцеговины

Д. А. Москальчук

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
danila_moskalchuk@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются основные инструменты публичной дипломатии Турецкой Республики на Балканах на примере Сербии, Боснии и Герцеговины и Косово. Особое внимание уделяется структуре, функционированию и векторам развития гуманитарных организаций, которые выполняют роль инструментов «мягкой силы» Турции.

Ключевые слова: Турецкая Республика, гуманитарные организации, публичная дипломатия, Сербия, Косово, Босния и Герцеговина, «мягкая сила»

Для цитирования: Москальчук Д. А. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики Турции на Балканах: на примере Сербии, Косово и Боснии и Герцеговины // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 31–39.

Original article

“Soft Power” as an Instrument of Turkey’s Foreign Policy in the Balkans: the Case of Serbia, Kosovo and Bosnia and Herzegovina

Danila A. Moskalchuk

*St. Petersburg State University, School of International Relations, St-Petersburg, Russian Federation
danila_moskalchuk@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the main tools of public diplomacy of the Republic of Turkey in the Balkans, using the examples of Serbia, Bosnia and Herzegovina and Kosovo. Particular attention is paid to the structure, functioning and vectors of development of humanitarian organizations, which serve as instruments of Turkey’s “soft power”.

Keywords: Republic of Turkey, humanitarian organizations, public diplomacy, Serbia, Kosovo, Bosnia and Herzegovina, “soft power”

For citation: Moskalchuk, D. A. (2023). “Soft power” as an instrument of Turkey’s Foreign Policy in the Balkans: the case of Serbia, Kosovo and Bosnia and Herzegovina. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 31–39.

ВВЕДЕНИЕ

Балканы – место пересечения цивилизаций, которые на протяжении веков боролись за владычество на полуострове. С течением времени регион стал ареной политических баталий, которые до сих пор не утихают. Однако меняется характер этих баталий: на смену многочисленным открытым противостояниям и военно-политическим блокам – «жесткой силе» – пришла «мягкая сила», представленная множеством гуманитарных, культурных и образовательных программ. С помощью этого инструмента различные политические силы стремятся укрепить свое экономическое и культурное присутствие на Балканах.

Стратегическое положение Балканского полуострова не изменилось на протяжении веков. На сегодняшний день регион сохраняет свою значимость благодаря своему географическому положению, близости к торговым артериям Европы, Ближнего Востока и Африки. С формированием Европейского союза и расширением НАТО Балканские страны находятся под пристальным вниманием крупнейших внешнеполитических сил – Германии, Франции, США, Китая, России. Одной из таких сил на сегодняшний день является Турция.

С начала XXI века внешнеполитическая концепция Турецкой Республики стала постепенно меняться. Эта трансформация явилась следствием прихода к власти Реджепа Тайипа Эрдогана и его Партии справедливости и развития в 2002–2003 годах. Одновременно с оздоровлением внутренней политики администрация Эрдогана стала активно развивать внешние связи, в том числе со странами Западных Балкан, которые находились в кризисе после драматических событий конца XX века.

Арабский исследователь Мухамед Али называет «мягкую силу» Турции на Балканах культурной экспансией, которая играет важнейшую роль в определении образа Анкары в правительственных и неправительственных направлениях. По убеждению ученого, культурное сотрудничество Турции со странами Балкан сталкивается со множеством трудностей, одновременно являясь важнейшим элементом внешней политики. Поэтому Анкара отдает предпочтение именно гуманитарному сотрудничеству, благодаря которому может расположить к себе страны региона [Ali, 2020].

Подобное резюме характерно для той обстановки, в которой зародился проект гуманитарного сотрудничества Турции и Балкан. Развитие межэтнических взаимоотношений стоит подробно рассмотреть на примере Сербии, частично признанной республики Косово и Боснии и Герцеговины. В каждом из представленных случаев Анкара использует

уникальный подход, ориентируясь на аудиторию и запросы граждан этих стран. В частности, стоит выделить три основных инструмента влияния: гуманитарная помощь, поддержка мусульманских общин и предоставление образовательных грантов и стипендий. Прежде чем начать анализ положения стран западных Балкан в геополитических планах Турции, стоит отметить, что ни один из выделенных выше инструментов не используется в чистом виде. Напротив, уникальность «мягкой силы» Турции на Балканах заключается в том, что Анкара грамотно сочетает сразу несколько подходов и инструментов «мягкой силы», таким образом создавая индивидуальную модель публичной дипломатии по отношению к странам Балканского полуострова, в частности к Сербии, Боснии и Герцеговине и Косово.

ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В СИСТЕМЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЦИИ НА БАЛКАНАХ

Одним из главных проводников «мягкой силы» Турции на Балканах являются институты публичной дипломатии. После падения социалистического лагеря многие исламские общины, в том числе и на Балканах, оказались под влиянием Турции. Несмотря на участие других исламских государств в развитии новых независимых государств, именно Турецкая Республика оказала серьезную поддержку, предложив типографию и медресе для обучения имамов и распространения печатных религиозных материалов. Особое внимание стоит уделить деятельности таких организаций, как *Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı (TİKA)*, *Türkiye Diyanet Vakfı* и *Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı (YTB)*.

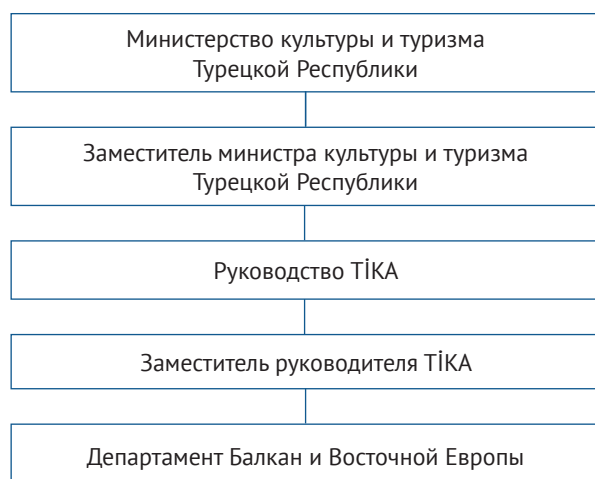
Одной из старейших организаций турецкой публичной дипломатии является Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (*Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı, TİKA*). Оно было создано в 1992 году в ответ на распад Советского Союза и окончание холодной войны. Согласно информации, размещенной на официальном сайте организации, агентство выполняло функции проводника турецкой культуры, прежде всего, на территории тюркских республик бывшего СССР.

В середине 1990 – начале 2000-х годов организация постепенно меняет географический вектор развития и обращает свое внимание на страны бывшей Югославии, которые уже с того момента Турция рассматривала в качестве перспективного направления. В 1995 году Турция открывает представительство TİKA в Сараево и постепенно начинает налаживать взаимоотношения с местными мусульманскими и турецкими общинами. В 2004 году, еще до официального признания

Анkarой независимости Косово, открывается центр TİKA в Приштине, а в 2009 году — в Белграде¹.

Агентство по сотрудничеству и координации позиционировало себя как гуманитарная организация, пришедшая помочь пострадавшим во время затянувшегося конфликта. С начала 2000-х и до настоящего времени TİKA реализует программы в области развития медицины, доставки гуманитарной помощи; занимается реставрацией памятников архитектуры, поддержкой малого бизнеса и незащищенных слоев населения. Одной из главных особенностей деятельности TİKA на Балканах является поддержка населения, проживающего на территориях бывшей Османской империи [Колесникова, 2019, с. 220–224].

Говоря о деятельности Турецкого агентства по сотрудничеству и координации, стоит детальнее рассмотреть структуру организации.



¹Hakkımızda // T. C. KÜLTÜR VE TURİZM BAKANLIĞI TÜRK İŞBİRLİĞİ VE KOORDINASYON AJANSI URL: <https://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda-14649>

Турецкое агентство по сотрудничеству и координации напрямую подчиняется Министерству культуры и туризма Турецкой Республики. В связи с этим финансирование всех программ, реализуемых TİKA, исходит из бюджета ведомства. В 2006 году Президиум TİKA вошел в состав Счетной палаты ТР, и с этого момента государственные чиновники и сотрудники агентства совместно проводят аудит финансовых операций организаций².

Другая примечательная деталь – структура организации. Помимо департаментов и управлений, координирующих общую работу, в TİKA существует пять департаментов, созданных по территориальному принципу. Один из них – Департамент Балкан и Восточной Европы.

Каждому департаменту выделяется определенный бюджет – сумма, которая идет на организацию и проведение гуманитарных акций. В этой связи особый интерес представляет динамика объема бюджетных средств Департамента Балкан и Восточной Европы, а также количество реализованных мероприятий и акций. Прежде чем начать анализ, стоит оговориться: статистические данные включают в себя показатели, не только балканских отделений TİKA, но и тех, которые расположены в Восточной Европе. Однако программы, которые реализуются в Молдавии, Украине и России (на полуострове Крым), не столь значительны и многочисленны по сравнению со странами бывшей Югославии, Болгарии и Албании.

Согласно данным, опубликованным в итоговых отчетах деятельности TİKA с 2018 года по 2022 год, бюджет Департамента Балкан и Восточной Европы

²2017 Yılı Faaliyet Raporu // T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/2018/2017%20Faaliyet%20Raporu/TİKA%20Faaliyet%20Raporu%202017.pdf>

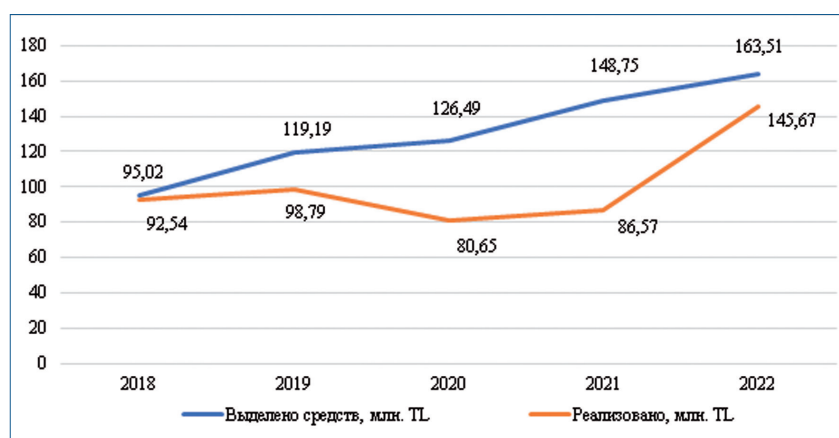


Рис. 1. Соотношение выделенных и реализованных средств на гуманитарные программы Департамента Балкан и Восточной Европы

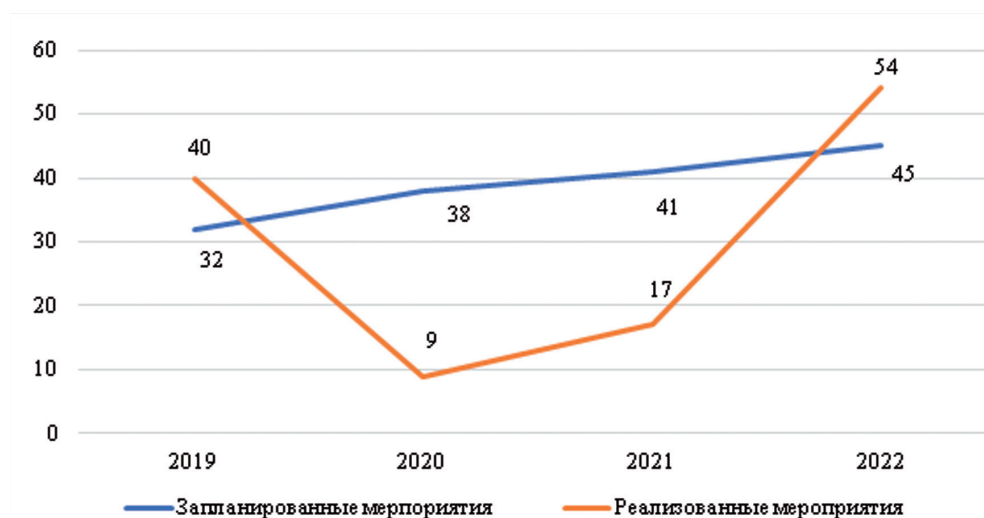


Рис. 2. Соотношение запланированных и реализованных мероприятий ТІКА, направленных на защиту общих культурных ценностей на Балканах

рос с каждым годом. Таким образом, за указанный период сумма выделенных средств выросла на 72 % или на 68,49 млн турецких лир. Сумма реализованных средств за тот же период выросла на 57,41 % или 53,13 млн турецких лир. Второй график, демонстрирующий динамику расходов, несмотря на восходящую линию тренда, показывает снижение в 2020 году. Это объясняется тем, что ряд запланированных мероприятий не были выполнены из-за наступления пандемии COVID-19.

Говоря о самой деятельности ТІКА на Балканах, стоит привести статистику запланированных и реализованных мероприятий. С 2018 по 2022 год руководство ТІКА постепенно увеличивало количество запланированных мероприятий. Сюда входили как разовые инициативы (укомплектование школ боснийцев в Санджаке или открытие лаборатории роботостроения в Сараево), так и постоянные (тренировки личного состава спасателей Боснии и Герцеговины). Вместе с тем в 2019 и 2022 годах сотрудники ТІКА провели гораздо больше мероприятий, чем было запланировано. Однако в 2020 году было реализовано лишь девять инициатив из 38, в 2021 – 17 из 41. Статистическое «седло», которое можно заметить на графике за 2020–2021 годы, сотрудники ТІКА объясняют пандемией COVID-19. Распространение коронавируса по всему миру внесло свои коррективы в работу Турецкого агентства по сотрудничеству и координации на Балканах. Прежние проекты были заморожены или отменены, и организация переклонила на доставку гуманитарной помощи, в том числе и лекарств. Одним из таких проектов стала передача Международному университету

в Сараево 3D принтеры для производства пластиковых прозрачных масок.

С ослаблением ограничений деятельность ТІКА возобновилась, и уже в 2021 году сотрудники провели в два раза больше мероприятий. Возобновились прежние проекты, такие как ремонт и оснащение культурного центра в боснийском Башчаршии, возведение центра для детей с речевыми отклонениями, а также организация лаборатории инноваций и информационных технологий CEZERI-LAB в Боснии и Герцеговине¹.

Статистическая выборка данных деятельности ТІКА за период 2018–2022 годов красноречиво говорит о следующих тенденциях в развитии Турецкого агентства по сотрудничеству и координации. За последние четыре года деятельность организации значительно увеличилась, о чем свидетельствуют показатели годовых бюджетов с 2018 по 2022 год, а также количество мероприятий, проведенных в указанный период. Говоря о количественных показателях, стоит упомянуть о качестве некоторых инициатив. Одним из главных реципиентов турецкой гуманитарной помощи на Балканах является Босния и Герцеговина. В 2018–2022 годах ТІКА спроектировала и спонсировала возведение ряда крупных зданий общественного назначения. Среди инициатив, реализуемых ТІКА, отдельно можно выделить ставшие традиционным учения спасателей Боснии и Герцеговины при участии отрядов местной полиции. Это одно из

¹2021 Yılı Faaliyet Raporu // T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/sayfa/FAALİYET%20RAPORU%202021/TİKA%202021%20İdare%20Faaliyet%20Raporu.pdf>

постоянных мероприятий, которое агентство проводит на территории изучаемых нами стран¹.

Что касается деятельности агентств в Сербии, то, анализируя ежегодные доклады ТІКА, можно сделать следующие выводы. Объект воздействия Турецкого агентства по сотрудничеству и координации меняется от страны к стране, обуславливая объемы и формы проектов. Так, например, все проекты, реализуемые в Сербии, направлены на исламское меньшинство республики, проживающее компактно на территории общин Прешево и Буяновац, а также Санджака. В данном случае наблюдается региональный подход к оказанию гуманитарной помощи. Однако, несмотря на то, что ТІКА работает преимущественно с мусульманским населением, сами благотворительные инициативы лишены религиозного подтекста. Примером того служат акции по передаче первоклассникам из числа бошняков (боснийские мусульмане. – *Прим. автора*) школьных учебников на боснийском языке.

В случае с Косово можно отметить, что Турецкое агентство по сотрудничеству и координации не сталкивается с каким-либо внутренним сопротивлением, как в Боснии, Герцеговине и Сербии. Основными критиками критиков турецкой «мягкой силы» в этих странах является немусульманское и нетурецкое большинство, которое выступает за сотрудничество с другими внешнеполитическими партнерами, в частности, правые сербские партии, призывающие к ориентации на Москву.

Косовские албанцы являются единственными реципиентами гуманитарных проектов ТІКА. В этой связи турецкая публичная дипломатия имеет полный карт-бланш для реализации различного рода инициатив: от доставки продуктов питания, до открытия Центра для детей с синдромом Дауна и центральной библиотеки. В 2021 году ТІКА расширила свои полномочия, подписав соглашение с Министерством регионального развития самопровозглашенной республики Косово. Согласно документу, власти в Приштине станут вести консультации в области развития общества с сотрудниками Турецкого агентства по сотрудничеству и координации².

Таким образом, на основе анализа деятельности ТІКА как одного из инструментов публичной дипломатии Турции на Балканах, можно сделать следующие выводы. Основной объект воздействия

Турецкого агентства по сотрудничеству и координации меняется в зависимости от страны-случая, что обуславливает определенный успех в реализации долгосрочных и краткосрочных инициатив. Индивидуальный подход к Боснии и Герцеговине, Сербии и Косово обусловлен рядом особенностей государств и, прежде всего, этническим составом стран. Однако в каждой из стран объектом воздействия являются те общности людей (боснийские мусульмане и косовские албанцы), которые имеют общее историческое прошлое с Турцией – преемницей Османской империи. Примечательно, что, несмотря на наличие пусть и малочисленной турецкой общины в Косово, Турция уделяет мало внимания именно этой этнической группе. Такое поведение подтверждает тезис об избирательном подходе по отношению к объекту воздействия в той или иной стране. В Косово турецкая публичная дипломатия не встречает никакого сопротивления в силу ряда объективных причин, поэтому в данном случае ТІКА ориентируется на массовость, чего невозможно сказать о проектах в Сербии.

В структуре религиозного сотрудничества Турции и мусульман Западных Балкан важное место занимает организация Türkiye Diyanet Vakfı (TDV) – исламский благотворительный фонд. Учреждение оказывает помощь не только физическим лицам. В портфолио фонда значится 103 мечети, построенных за рубежом³. На сегодняшний день сотрудники Türkiye Diyanet Vakfı возводят мечети в Приштине, Тиране и Скопье. Финансирование строительства идет частично из бюджета организации, которая в свою очередь получает помощь из казны правительства Турции и турецких граждан.

Одним из примеров сотрудничества Турции и Балканских стран в религиозной сфере является строительство Центральной мечети в Приштине. По словам советника по делам религии в посольстве Турции в Косово Бюньямина Албайрака, мечеть должна стать символом «многовекового братства турецких и албанских мусульман, которое длится вот уже более 600 лет»⁴. Первый камень в фундамент мечети был заложен еще осенью 2012 года. Однако активная фаза строительства началась спустя десять лет. Интересен этот проект еще и тем, что основным спонсором выступает не государство, а частное лицо. Финансирование возведения мечети осуществляется с помощью благотворительных вкладов. Общая сумма пожертвований на первоначальном этапе составила около

¹2022 Yılı Faaliyet Raporu // T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı URL: <https://www.tika.gov.tr/upload/old/2023/FAALİYET%20RAPORU/TİKA%202022%20İdare%20Faaliyet%20Raporu.pdf>

²Kosova Bölgesel Kalkınma Bakanlığı ile TİKA arasında iş birliği protokolü imzalandı // Anadolu Ajansı URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/kosova-bolgesel-kalkinma-bakanligi-ile-tika-arasinda-is-birligi-protokolu-imzalandi/2141762>

³Kosova Priştine Cami ve Külliyesi // Türkiye Diyanet Vakfı URL: <https://bagis.tdv.org/cami-mescit/kosova-pristine-cami-ve-kulliyesi-74>

⁴Kosova'nın en büyüğü olacak Priştine Merkez Camisi'nin inşası devam ediyor // Anadolu Ajansı URL: <https://bagis.tdv.org/cami-mescit/kosova-pristine-cami-ve-kulliyesi-74>

40 млн евро. Таким образом подчеркивается близость членов исламской уммы, которая не имеет национальных границ.

Религиозная связь косовских албанцев и турок выстраивается на наднациональном уровне. Турки, выступая в качестве организаторов строительства, называют Центральную мечеть Приштины подарком турецких мусульман мусульманам, проживающим в Косово. Апелляция к религиозной идентичности объясняется еще и тем, что среди национальных героев албанцев немало тех, кто в свое время выступал против Османского владычества на Балканах, начиная с восстания Георгия Кастриоти Скандербег.

Основные принципы гуманитарной деятельности Türkiye Diyanet Vakfı на Балканах несколько отличаются от TİKA. Основным объектом воздействия TDV является исламское население региона без национальной принадлежности. Благодаря такому подходу существует универсальный набор проектов, который религиозный благотворительный фонд реализует в Боснии и Герцеговине, Косово и Сербии. Одной из таких инициатив является доставка продуктов питания, товаров первой необходимости и религиозной литературы накануне Рамадана. Строительство мечетей и центров религиозного образования также можно отнести к числу «общих» инициатив [Henne, Ozturk, 2022].

Третьим элементом публичной дипломатии и «мягкой силы» Турции на Балканах, рассмотренным в работе, является *Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı*, YTB (Управление по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных сообществ), организованная в 2010 году. Основным направлением деятельности YTB является организация культурно-образовательных программ, направленных на популяризацию исторического наследия времен Османской империи. В отличие от TDV (религиозного фонда) и TİKA (платформы гуманитарных инициатив), Управление по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных сообществ занимается предоставлением учебных грантов студентам и преподавателям, в том числе из стран Балканского полуострова.

Формирование YTB стало ответом на глобальные процессы, протекающие на территории балканских стран. Одной из задач YTB является преобразование Турции в научный и культурный центр, объединяющий народы, некогда жившие на территории Османской империи. Особое внимание уделялось Балканам, где за умы молодежи бились другие образовательные программы, такие как Erasmus [Bayraktar, 2012].

Используя образование как один из элементов «мягкой силы», Турция создала множество различных программ обучения как для турок, проживающих за рубежом, так и для студентов из числа граждан балканских стран. Перед тем, как YTB было создано, правительство Турции подписало ряд договоров в сфере науки и образования с Боснией и Герцеговиной (2004), Косово (2004) и Сербией (2009), которые заложили базу для новых проектов и инициатив. Одним из крупных проектов стал «Балканский молодежный саммит», который проходит с 2016 года. В рамках саммита встречаются студенты из различных стран региона, в том числе из Боснии и Герцеговины, Сербии и Косова. Площадка стала традиционным местом, где студенты и молодые преподаватели обсуждают проблемы развития региона. Предваряет саммит «Школа балканской молодежи» – ряд семинаров и конференций, проводимых на территории каждой страны-участницы инициативы¹.

Помимо саммита, YTB предоставляет студентам из стран Балканского региона различные гранты и стипендии на обучение в турецких вузах, выделяемые в рамках таких инициатив, как «Türkiye Bursları», «Gençlik Çalıştayları» и «Türkçe Eğitim Programları». Вместе с тем существует ряд отдельных инициатив, которые направлены исключительно на граждан Боснии и Герцеговины и Косово – Косовско-турецкая лаборатория (Kosova Türkçe Atölyesi Projesi) и Школа османской молодежи в Боснии и Герцеговине (Bosna Hersek Osmanlı Gençlik Okulu).

В соответствии со стратегическим планом на 2023–2025 годы. YTB поставило пять целей развития Управления в ближайшие три года²:

1. Усиление связей с гражданами, проживающими за рубежом. Отдельное внимание уделяется детям и подросткам, которые плохо владеют или вовсе не владеют турецким языком.
2. Популяризация исторического общего и развитие культурных связей со странами, входившими в состав Османской империи.
3. Обеспечение развития стипендиальных программ иностранным студентам в соответствии с внешнеполитическим видением Турции.
4. Создание непрерывной и эффективной деятельности YTB для осуществления поставленных целей.

¹Türkiye'nin Yumuşak Gücü YTB'nin Balkan Politikalarına Bakış // Stratejik Düşünce Enstitüsü URL: <https://www.sde.org.tr/turkiyenin-yumusak-gucu-ytbnin-balkan-politikalarina-bakis-bolgesele-analiz-302>

²2023 Yılı Performans Programı // T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı URL: <https://dkp.blob.core.windows.net/kurumsal-multimedia/2023%20Yılı%20Performans%20Programı.pdf>

5. Развитие сотрудничества с другими международными организациями в соответствии с курсом внешней политики Анкары.

Поставленные цели будут достигнуты с помощью увеличения бюджета как внутреннего (финансирование сотрудников УТВ), так и внешнего (выделение средств на стипендии и гранты для соотечественников, проживающих за рубежом и иностранных студентов). На сегодняшний день общая сумма финансирования стипендиальных программ для обучения иностранцев в Турции составляет 222,2 млн турецких лир. Согласно стратегическому плану развития, эти цифры увеличатся практически в три раза к 2025 году и будут составлять 620,5 млн турецких лир¹.

Таким образом, подводя промежуточный итог, можно отметить, что образовательные программы, предоставляемые студентам из числа граждан балканских государств, являются универсальным инструментом «мягкой силы» Турции на Балканах. Анализ официальной документации говорит о том, что Управление по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных сообществ продолжает курс, взятый на расширение программ и количества ее участников.

К специфике УТВ как инструмента «мягкой силы» на Балканах можно отнести то, что организация равно представлена как в Боснии и Герцеговине, так в Сербии и в Косово. Такой подход, отличающийся от TİKA и TDV, не оставляет за рамками те категории населения, которые не подходят по параметрам религиозной или этнической принадлежности. В качестве единого подхода УТВ использует две категории: соотечественники, проживающие за рубежом, и иностранцы из числа тех стран, которые имеют некое культурное и историческое прошлое с Турцией. Такой подход качественно выделяет УТВ на фоне других организаций, занимающихся гуманитарной деятельностью.

В качестве примера можно привести Сербию. Если рассматривать в качестве единственных проводников «мягкой силы» Турции только TİKA и TDV, то за пределами деятельности этих структур остается подавляющее большинство населения, которое не относится ни к исламскому, ни к турецкому обществу. Эту лакуну занимают образовательные гранты, предоставляемые, прежде всего, УТВ. В купе с деятельностью Института Юнуса Эмре, образовательные программы становятся чуть ли не единственным инструментом распространения турецкого влияния в Сербии.

¹2023 Yılı Performans Programı // T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı URL: <https://dkp.blob.core.windows.net/kurumsal-multimedia/2023%20Yılı%20Performans%20Programı.pdf>

Говоря о деятельности Института Юнуса Эмре на территории Балканского полуострова, стоит указать основные цели и задачи, которые ставит перед собой организация. Главной миссией учреждения является популяризация Турции, ее культуры и истории через язык. Такой подход несколько схож с тем, который демонстрирует УТВ².

Другая деталь, которая делает похожими УТВ и Институт Юнуса Эмре – объект воздействия «мягкой силы». Институт предлагает курсы турецкого языка иностранным гражданам, которые выбирают Турцию для получения образования или в качестве пункта трудовой эмиграции. Часто основной аудиторией Института Юнуса Эмре становятся выпускники средних школ или студенты вузов Сербии, Боснии и Герцеговины и Косово. Однако, если боснийская и косовская молодежь могут получить гранты и стипендии для обучения через TDV, то для сербской молодежи существуют программы, предлагаемые УТВ или Институтом Юнуса Эмре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воздействие «мягкой силы» Турции на различные этнорелигиозные общности Балкан можно представить в виде следующей схемы:

Турки-мусульмане (общины на территории Боснии и Герцеговины и Косово)	Нетурки-мусульмане (боснийцы, косовские албанцы)
TDV, TİKA, УТВ	TDV, TİKA, УТВ, Институт Юнуса Эмре
Турки-немусульмане (малочисленные общины на территории Боснии и Герцеговины)	Нетурки-немусульмане (населения Сербии и Республики Сербской в составе Боснии и Герцеговины, косовские албанцы-католики)
TİKA, УТВ, Институт Юнуса Эмре	УТВ, Институт Юнуса Эмре

Таким образом, говоря о «мягкой силе» Турецкой Республики в Сербии, Боснии и Герцеговине и Косово, можно сделать следующие выводы. Анкара выбрала публичную дипломатию в качестве фундамента, на котором базируются принципы внешней политики Турции на Балканах. За последние тридцать лет, правительство Турции

²Faaliyet Raporu 2021 // Yunus Emre Enstitüsü URL: https://belgrad.yee.org.tr/sites/default/files/yayin/2021_faaliyet_raporu.pdf

создало множество различных учреждений и программ, которые предоставляют возможность с помощью гуманитарной поддержки налаживать контакты с местным населением стран на уровне публичной дипломатии. Каждое из учреждений – отдельный инструмент воздействия Анкары на население балканских стран, ориентирующийся на собственную аудиторию. Однако вкуче все организации – TİKA, TDV, YTB и Институт Юнуса Эмре – являются основой внешней политики Турции в регионе [Güzeldere, 2021].

Анализируя стратегии развития указанных выше органов публичной дипломатии Турции, логично отметить следующие тенденции. Правительство уделяет серьезное внимание гуманитарным проектам, увеличивая с каждым годом их финансирование, несмотря на ряд экономических трудностей, вызванных падением курса турецкой лиры и инфляцией. Вместе с бюджетом растет количество инициатив и проектов, которые органы публичной дипломатии запланировали в краткосрочный период.

Изучая приведенные статистические данные, можно отметить широкое участие населения Боснии и Герцеговины в проектах учреждений «мягкой силы» Турции на Балканах. Специфика этой балканской страны позволяет использовать ее в качестве плацдарма для апробирования новых инициатив. Также можно предположить, что Анкара сместила акцент своего внимания с Косово на Боснию и Герцеговину по ряду внешнеполитических причин, в том числе из-за продолжающегося конфликта между Белградом и Приштиной.

Вместе с этим турецко-косовские отношения, выстраиваемые с самого начала как отношения между подопечным и опекуном, потерпели ряд кризисов, вызванных внутреннеполитической нестабильностью Приштины. Несмотря на поддержку, которую Анкара оказывала и продолжает оказывать самопровозглашенной республике, неудавшийся переворот в Турции в 2016 году показал, что на территории Косова беспрепятственно действуют ячейки

FETÖ – политических оппонентов Реджепа Тайипа Эрдогана. Одновременно с усилением активности органов публичной дипломатии политическое руководство Турции несколько дистанцировалось от властей в Приштине, что можно проследить по позиции Анкары в урегулировании напряженности между Сербией и Косово в 2022 году.

Отдаление Анкары от процесса урегулирования споров между Белградом и Приштиной можно также объяснить нежеланием потерять экономические и политические связи, выстроенные с Сербией за последние несколько лет.

Сербия стала одним из главных экономических партнеров Турции на Балканах. Согласно статистическим данным, опубликованным на сайте Министерства иностранных дел Турецкой Республики, общий торговый объем между Турцией и Сербией за 2022 год составил 2,4 млрд долл. США. Кроме того, за последние десять лет объем турецких инвестиций в экономику Сербии увеличился в 400 раз (с 1 млн долл. США в 2012 году до 400 млн в 2022 году). Общая стоимость активов турецких компаний в Сербии составляет около 1 млрд долл. США. Все это делает Серию одним из ценных торговоэкономических партнеров Анкары в регионе¹.

Исходя из последнего положения и всего выше сказанного, следует отметить, что «мягкая сила» смогла не только преодолеть политические разногласия между Белградом и Анкарой, но и сблизить сербский и турецкий бизнес за сравнительно короткий промежуток времени. Параллельно укрепляется влияние Анкары как в Косово, так и в Боснии и Герцеговине. Это говорит о высоком уровне публичной дипломатии Турции в регионе и большом потенциале ее использования для осуществления различных турецких политических проектов на Балканах.

¹Türkiye-Sırbistan İlişkileri // T.C. Dışişleri Bakanlığı URL: https://www.tika.gov.tr/upload/old/2023/2023%20Yılı%20Performans%20Raporu_web.pdf

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ali, M. Turkey's Soft Power Policy Towards the Balkans: Challenges and Perspectives // *Journal of Liberty and International Affairs*. 2020. Vol. 8. № 2. P. 255–265.
2. Колесникова М. А. TİKA как основной инструмент турецкой «мягкой силы» в Африке // *Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы Международной научно-практической конференции* / под общ. ред. А. Я. Касюка, И. К. Харичкина. Москва, 16–18 апреля 2019 г. М.: ФГБОУ ВО МГУЛУ, 2019. С. 220–224.
3. Bayraktar, Z. Türkiye'nin Balkanlar'daki yumuşak gücü. Türk kültürü = Турецкая «мягкая сила» на Балканах. Турецкая культура // *Karadeniz Araştırmaları*. 2012. № 35. P. 181–189.
4. Güzeldere, E. E. Turkey's soft power in the Balkans reaching its limits // *Policy Paper, ELIAMEP*. 2021. № 72. P. 3–13.

5. Henne, P. S., Ozturk, A. E. The Practice of Soft Power // Religions, MDPI. 2022. Vol. 13. № 9. P. 1–14.

REFERENCES

1. Ali, M. (2022). Turkey's Soft Power Policy Towards The Balkans: Challenges and Perspectives. Journal of Liberty and International Affairs, 8(2), 255–265.
2. Kolesnikova, M. A. (2019). TIKa as the main tool of Turkish "soft power" in Africa. In Kasyuk, A. Ya., Kharichkin, I. K. (Eds.), *Sovremennaja Rossiya v mirovom politicheskom protsesse: global'noje i regional'noje izmerenije* (pp. 220–224): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
3. Bayraktar, Z. (2012). Türkiye'nin Balkanlar'daki yumuşak gücü. Türk kültürü = Turkey's soft power in the Balkans. Turkish culture. Karadeniz Araştırmaları, 35, 181–189. (In Turk.)
4. Güzeldere, E.E. (2021). Turkey's soft power in the Balkans reaching its limits. Policy Paper, Eliamep, 72, 3–13.
5. Henne, P. S., Ozturk, A. E. (2022). The Practice of Soft Power. Religions, MDPI, 13(9), 1–14.
6. Barusic S. (2020, February 08). Türkiye'nin Yumuşak Gücü YTB'nin Balkan Politikalarına Bakış = An Overview of Turkey's Soft Power YTB's Balkan Policies. Stratejik Düşünce Enstitüsü. <https://www.sde.org.tr/turkiyenin-yumusak-gucu-ytbnin-balkan-politikalarina-bakis-bolgesel-analiz-302>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Москальчук Данила Александрович

аспирант кафедры международных гуманитарных связей
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Danila Aleksandrovich Moskalchuk

Postgraduate Student
Department of International Humanitarian Relations
School of International Relations
St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию	01.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	30.09.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 327



Африканская политика Франции: поиск возможностей

Е. В. Петкова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mrsfreeman1892@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления внешней политики Франции в Африке. Анализируется сущность актуальной африканской политики Пятой Республики в контексте глобализации и многополярности. Особое внимание уделяется политике безопасности, экономическим, культурным и социальным взаимодействиям. Автор приходит к выводу, что актуальная неокOLONиальная французская политика в Африке не эффективна и требует нового подхода на базе равноправного партнерства.

Ключевые слова: Франция, Африка, внешняя политика, политика безопасности

Для цитирования: Петкова Е. В. Африканская политика Франции: поиск возможностей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 40–47.

Original article

French African Politics: the Search for Opportunities

Elena V. Petkova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mrsfreeman1892@gmail.com*

Abstract. The article examines the main directions of France foreign policy in Africa. Examination the essence of the Fifth Republic's current African policy in the context of globalization and multipolarity. Particular attention is paid to security policy, economic, cultural and social interactions. The author concludes that the current neocolonial French policy in Africa is ineffective and requires a new approach based on an equal partnership.

Keywords: France, Africa, foreign policy, security policy

For citation: Petkova, E. V. (2023). French African politics: the search for opportunities. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 40–47.

ВВЕДЕНИЕ

Современная внешняя политика Франции в Африке представляет особый интерес. Актуальное состояние франко-африканских отношений обусловлено историческими особенностями взаимодействия обеих сторон в период Колониальных империй и их трансформаций после провозглашения своей независимости африканскими государствами.

Франция является одним из первых европейских государств, которые вывели свои внешние интересы за рамки государственной политики. Для сохранения своих позиций на международной арене Франция активно применяла этот принцип своеобразного аполитизма. В особой степени он актуализировался после возникновения Пятой Республики [Леонтьева, 2017].

Спустя более 60 лет после обретения независимости странами Африки Франция по-прежнему широко представлена на континенте, в особенности к югу от Сахары. Французская Республика сохранила связи после деколонизации посредством соглашений о сотрудничестве, обороне и военной помощи через зону свободной торговли, финансовую, техническую помощь в совокупности с присутствием на местах [Chafer, Cumming, 2010]. Однако вместе с изменением политической повестки менялось и отношение Пятой Республики к бывшим колониям. Применялись методы экономического и политического давления и элементы «жесткой силы» в виде военных операций. Вместе с этим Францией предпринимались попытки дистанцироваться от африканских государств, что становилось довольно сложной задачей в силу исторических особенностей развития франко-африканских отношений. Французское колебание между активным участием в исторической жизни и игнорированием судьбы Африки не дает целостного понимания внешнеполитической стратегии бывшей метрополии [Nugon, 2016].

Для французского политолога Фредерика Шарийона «внешняя политика является инструментом, с помощью которого государство пытается сформировать свою международную политическую среду, но она больше не является просто вопросом отношений между правительствами» [Charillon, 2002, с. 437]. Тем не менее непоследовательность во внешней политике, которую практикует Франция, негативно сказывается на формировании подходящей для Пятой Республики международной среды.

Директор департамента стратегических отношений Французского агентства развития Жан-Марк Шатанье определяет африканскую политику как «реализацию интересов Франции на географическом пространстве, в котором она все еще

способна сохранить свое господство без ограничений со стороны других государств» [Châtaigner, 2006, с. 248].

В целом дать четкое определение африканской политике Франции довольно сложно, так как это совокупность различного рода взаимодействий, направленных в первую очередь на утверждение позиций Пятой Республики на Африканском континенте [Смирнова, Михеева, 2018] с возможностью получения наиболее обширного доступа к ресурсам и политической повестке, а не на формировании взаимовыгодных отношений между сторонами. Во внешней политике Франции в последние десятилетия особое внимание уделяется политике безопасности, проводимой на Африканском континенте.

Французская политика безопасности в Африке

Французская политика безопасности претерпевает значительные изменения. После объединения Министерства иностранных дел и Министерства сотрудничества с Африкой при МИД было создано Управление военного сотрудничества и обороны. Данная форма международного взаимодействия, одним из аспектов которой стало сотрудничество в области обороны, заложила два основных принципа. *Во-первых*, отмена понятия пре-Карре-африканского региона, который, по мнению французского правительства, нуждается в патронаже бывшей метрополии. Таким образом, Франция соблюдает свои обязательства, в данном случае соглашения по обеспечению безопасности, заключенные со своими основными партнерами, но теперь она намерена развивать отношения с другими партнерами на африканском континенте. *Во-вторых*, альтернативное сотрудничество, т. е. отказ от французского патронажа, должно постепенно уступить место равному партнерству с африканскими государствами. Цель правительства Пятой Республики состояла в том, чтобы увеличить потенциал африканских партнеров и дать им возможность обрести самостоятельность в соответствии со своими целями и возможностями. Наделение их полномочиями означает, что они должны сами определять свои приоритеты в партнерстве с Францией, строить индивидуальные проекты сотрудничества и, прежде всего, вносить в них свой вклад.

Основываясь на этих двух принципах, Франция ставит во главу угла три основные цели сотрудничества с Африкой в области безопасности и обороны.

Первая цель касается подготовки кадров или, точнее, подготовки военных элит на основе опыта, полученного в школе действующих офицеров в Сенегале, а также в Мали, в школе Генерального штаба.

Вторая цель – способствовать внутренней стабильности государств, помогая африканским партнерам, по мнению французской власти, лучше контролировать свое территориальное пространство. Таким образом, предполагалось поддерживать программу оснащения средствами связи в Сенегале, создания легкой авиации наблюдения в Мали и Нигере, а также механистических подразделений Национальной гвардии Мали. Кроме того, французским актом поощрения и одобрения верховенства права было создание Центра повышения квалификации мобильной жандармерии в Сенегале и учебного центра судебной полиции в Камеруне.

Третья цель направлена на обеспечение региональной стабильности путем оказания поддержки процессу региональной интеграции по трем направлениям. *Во-первых*, национальные школы с региональной направленностью, такие как школа миротворчества в Замбакро в Кот-д'Ивуаре, авиационный центр в Гаруа в Камеруне или школа разминирования в Уиде в Бенине. *Во-вторых*, Франция была готова оказывать поддержку региональным организациям, таким как ЭКОВАС, которые призваны более активно участвовать в предотвращении и разрешении конфликтов и контролировать процессы планирования и проведения операций по поддержанию мира. *В-третьих*, разрабатывалась и развивалась Французская концепция укрепления африканского потенциала в области поддержания мира (RECAMP)¹. Согласно позиции Пятой Республики, данная концепция отражала стремление позволить африканцам в большей степени брать на себя ответственность за свою собственную безопасность, и ни в коем случае эта концепция не была выражением стремления укрепить или расширить французское влияние в Африке [de Vaissière, 2003]. Субрегиональный подход в рамках RECAMP позволял сократить численность Вооруженных сил Франции, что довольно сильно могло снизить финансовые затраты государства, направленные на обеспечение безопасности на африканском континенте.

В целом военное сотрудничество должно было позволить завершить процесс деколонизации путем постепенного создания надежных национальных армий. Шестьдесят лет спустя французские предприниматели признают, что эта политика дала

неутешительные результаты практически во всех бывших колониях [Evrard, 2016]. Однако проблема безуспешности франкоафриканского сотрудничества в области обороны, в первую очередь, заключается в том, что Франция переходит из крайности в крайность – от интенсивного присутствия к практически полному игнорированию исторических обстоятельств на африканском континенте.

В 2013 году во Франции вышла новая Белая книга по обороне и национальной безопасности. В данном документе важную роль отвели Африке. Районами приоритетных интересов Франции были обозначены Сахело-Сахарская зона, Африканский рог и Гвинейский залив. Необходимость обеспечения стабильности на африканском континенте была обоснована тем, что безопасность Европы напрямую зависит от развития Африке. Подобные идеи о взаимосвязи европейского и африканского благополучия обозначил действующий президент Франции Э. Макрон в ходе обсуждения положений о равноправном сотрудничестве, которые в последствии получили название «Доктрина Макрона».

В 2021 году Министр Вооруженных сил представила обновленную стратегию на 2021 год в своем обращении к вооруженным силам, в котором кроме общей информации о нестабильности в Сахело-Сахарском регионе нет никаких конкретных данных, о планах взаимодействия с африканскими государствами, о действиях Франции по разрешению конфликта или мер, способных снизить напряженность в регионе².

В 2022 году в Национальном стратегическом обзоре четко прослеживаются изменения интересов Франции. Вектор сместился в сторону Североатлантического альянса и Украины³. Соответственно, заявления президента о важности сотрудничества с Африкой в рамках «Доктрины Макрона» не находят своего отражения в актуальных доктринальных документах Пятой Республики.

В целом принципы французского партнерства в области обороны со странами Африки довольно изменчивы и легко поддаются влиянию актуальной политической повестки. Однако это не отменяет желания Франции экономически присутствовать на континенте.

Экономическое сотрудничество между Францией и Африкой

В последние десятилетия африканская политика Франции была направлена на различные секторы

¹Dulait A., Hue R. Rapport d'information № 450 (2005–2006). L'appropriation africaine : Le programme de Renforcement des capacités africaines de maintien de la paix (RECAMP) 2006, June .03. URL: <https://www.senat.fr/rap/r05-450/r05-4505.html>

²Ministère des Armées // L'Actualisation stratégique. 2021. P. 11–12.

³Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale // Revue nationale stratégique 2022.

с одной целью: сделать французское предложение конкурентоспособным в Африке. В течение длительного времени после обретения Африкой независимости французское военное присутствие было единственным эффективным способом обеспечения ее политических и экономических интересов в Африке. Столкнувшись с потерей значительной доли рынка и в целом своего влияния в Африке, Франция пытается создать «дипломатию экономического восстановления» которая сталкивается с беспрецедентной геополитической и геоэкономической конкуренцией со стороны США, Китая, России и Великобритании.

Многие французские эксперты-консерваторы, так называемые реалисты считают, что первоначальная модель проецирования французского влияния на Африку, основанная на «*Rex Gallica*» мироустройстве, в котором Франция занимает доминирующие позиции, унаследованная от колонизации, позволила сохранить значительное стратегическое влияние на африканском континенте. Так называемые реалисты хотят вернуться к этой первоначальной модели. Она заключается в поддержке «дружественных Франции» режимов, основанной на геополитической «лояльности» [Bansept, Tenenbaum, 2022]. Хотя эта стратегия позволила Франции защитить свои политические интересы, она не была эффективной в подтверждении политической независимости Франции и ее преимущества перед другими державами. В масштабах всего континента эта стратегия усугубила в ряде стран кризис дефицита демократии и препятствия суверенитету государств. Ситуация, которая отчасти спровоцировала развитие антифранцузских настроений, широко распространенных (в так называемых широтах «Франс-Африк») во франкоязычных странах. Эти события легли в основу диверсификации экономических партнерских отношений на континенте с новыми конкурентами, которые не пренебрегли предложением альтернативных решений для развития торговли и инвестиций в Африке.

Столкнувшись с потерей влияния Франции в Африке и сокращением ее доли на рынке (*Les Echos*. 15.10.2018), правительство в последние годы предприняло шаги по активизации своей торговой политики в отношении континента. Стратегия относительно ясна: спустя шестьдесят лет после обретения независимости необходимо срочно перейти от классической концепции помощи к концепции инвестиций в целях развития¹. Данное решение вполне оправдано и согласуется с идеями французского правительства о новаторском сотрудничестве.

¹Gaymard H. Rapport au ministre de l'Europe et des Affaires «trangères et au ministre de l'Économie et des Finances. Paris, 2019.

Новая стратегия направлена на интеграцию «коммерческой дипломатии» (дипломатии, ориентированной на развитие бизнеса между странами) во внешнеполитическую доктрину Франции, которая предусматривает наиболее важную роль частных субъектов. Однако ее эффективность в долгосрочной перспективе будет зависеть, с одной стороны, от макроэкономических показателей Франции на национальном и международном уровнях, с другой – от конкурентоспособности и адаптивности французского предложения в Африке. На данный момент стратегия «наверстывания упущенного» в экономике способствует расширению инструментов помощи частному сектору и поощрению проникновения французских компаний на африканские рынки.

Например, в 2021 году отмечается рост торговли между Францией и Западноафриканским экономическим и валютным союзом (ЗАЭВС) на 10 % по сравнению с 2020 годом – до 4,6 млрд евро. По данным Управления казначейства, французский экспорт в страны зоны вырос на 10,8 % до 3,4 млрд евро, при этом две трети этого экспорта пришлось на Кот-д'Ивуар и Сенегал.

Кот-д'Ивуар остается крупнейшим импортером товаров и услуг из Франции в ЗАЭВС (вторым в странах Африки к югу от Сахары), уступая Сенегалу, в то время как продукция аграрно-продовольственной и фармацевтической промышленности остается первой позицией продаж Франции в ЕС. Импорт Пятой Республики из этой зоны также увеличился на 7,5 % до 1,1 млрд евро. Этот импорт на 73 % поступает из Кот-д'Ивуара (третьего по величине поставщика в странах Африки к югу от Сахары) и в основном состоит из продукции сельскохозяйственной и пищевой промышленности. Таким образом, положительное сальдо торгового баланса Франции увеличилось (12,6 %) до 2,3 млрд евро на региональном уровне, из которых 32 % приходится на торговый баланс с Сенегалом.

Крупнейшие африканские импортеры французских товаров и услуг с точки зрения экономических показателей по состоянию на 2019 год находятся в Северной Африке. На долю Алжира приходится 4,9 млрд евро, Марокко – 4,75 млрд, Туниса – 3,3 млрд и Египта – 2,3 млрд. Южная Африка, которая не относится к этой географической зоне, также является одним из крупнейших потребителей с рекордным значением в 5,2 млрд евро.

Что касается французских закупок, то Северная Африка по-прежнему возглавляет рейтинг вместе с Марокко (5,5 млрд евро), Тунисом (4,5 млрд) и Алжиром (4,2 млрд). Сразу за этими странами в Северной Африке следуют Нигерия (3,7 млрд), Ливия (1,4 млрд) и Южная Африка (1,3 млрд).

При сравнении традиционных зон французского влияния на Западную и Центральную Африку, статистика показывает, что продажи в ЗАЭВС значительно превышают экспорт в страны ЦАЭВС¹, что, однако, очень далеко от показателей французского экспорта в Северную Африку.

Новая внешняя экономическая политика Франции в Африке также предполагает активное использования инвестиций для интенсификации своего присутствия на континенте. Среди ключевых секторов инвестиций в Африке можно в первую очередь отметить стратегический углеводородный сектор, который занимает ведущее место в рейтинге инвестиций в Африке. Однако во Франции наблюдается постепенная диверсификация инвестиций в направлении секторов строительства, обрабатывающей промышленности, фармацевтики, пищевой промышленности, транспорта, а также электроэнергетики и технологий, информации и коммуникаций. Актуальная внешнеэкономическая политика Франции, направленная на Африку, охватывает большое количество секторов, и уклоняться от стремления Пятой Республики укоренить свои позиции в рамках экономического присутствия на континенте довольно сложно.

Помимо экономического и инвестиционного влияния Франция активно использует культурную и социальную политику. Во-первых, чтобы понизить уровень антифранцузских настроений и добиться общественного расположения в африканских странах. Во-вторых, чтобы стабилизировать положение французских элитарных предпринимательских групп (подразумеваются ведущие французские сотрудники и самостоятельные предприниматели) представленных, в Африке.

Французская культурная и социальная политики в Африке

Культурная политика является важнейшим из инструментов для реализации внешнеполитических целей Франции по всему миру.

Культурная деятельность Франции в Африке обладает особым статусом по сравнению с деятельностью, которую она проводит на других континентах, будь то Европа, Азия, Америка или Океания. «Фактически является элементом преемственности администраций обеих Французских колониальных империй и имеет место в современном внешнеполитическом курсе Пятой Республики» (см.: [Coquery-Vidrovitch, 2016, с. 164]).

¹Центральноафриканское валютно-экономическое сообщество.

Соответственно, независимость, предоставленная Францией в 1958–1960 годах всем ее бывшим колониям и странам, находящимся под ее опекой (таким как Камерун) в Африке, не привела к исчезновению привилегированных связей, которые были установлены между колониальной администрацией и поддерживавшими ее местными элитами. Они служили вспомогательными средствами для установления и поддержания уже постколониального порядка. «Знание французского языка позволяло получить среднее и высшее образование, а члены африканской элиты, воспользовавшиеся этой возможностью, фактически составляли политический и Административный персонал постколониальных государств» [там же, 2016, с. 181]. Таким образом, они способствовали интеграции национальных обществ в языковое пространство Франкофонии, приняв французский в качестве официального языка обучения и предоставления общественной информации.

Франкоязычные страны Африки к югу от Сахары, бывшие французские и бельгийские колонии представляют особый интерес для культурной деятельности Франции. В действительности речь идет о геополитическом пространстве, где продвижение французского языка является результатом действий африканских государств, которые после обретения независимости приняли его в качестве официального языка. Таким образом, механизмы, созданные и финансируемые французским государством, начали укореняться уже в независимых государствах Африки и продолжали продвигать основные внешнеполитические приоритеты Пятой Республики. Организация Альянс Франсез была создана для того, чтобы французский язык оставался официальным в бывших африканских колониях, а также для его распространения в других государствах на разных континентах. Однако продвижению французского в Африке мешает существование в каждой стране множества используемых языков, некоторые из которых имеют статус национальных языков [Mpegna, 2014].

Другими словами, практика французского языка здесь является результатом функционирования как школьных учреждений и местных средств массовой информации, неправительственных организаций, так и иных механизмов в рамках культурной политики, которую ведет Франция.

Культурная политика Франции в основном включает в себя несколько ключевых видов деятельности: культурное продвижение, продажа аудиовизуальной продукции и преподавание французского языка [Писарева, 2006]. Они реализуются двумя сетями учреждений: сетью *Instituts Français*, которая является «внешней службой»

Министерства иностранных дел, и сетью *Alliances Françaises*, представляющая собой автономные культурные ассоциации, зависящие от финансирования через пожертвования различных элитарных групп (в основном французских, особенно заинтересованных в развитии своего бизнеса в Африке) и, следовательно, подчиняются местному законодательству страны, в которой они работают [Kessler, 2018].

Таким образом, эти два культурных объекта представляют собой значимую инфраструктуру для культурной деятельности за рубежом, которая должна выделять Францию среди других демократических государств. Представляется важным отметить, что помимо культурной политики Пятая Республика активно форсирует социальную помощь для повышения своей привлекательности и авторитетности на Африканском континенте.

На современном этапе социальная политика Франции в Африке в основном сконцентрирована на медицинской и продовольственной помощи странам Африки.

Следует также отметить, что создан специальный механизм запроса социальной помощи, которым могут воспользоваться африканские государства. Получение различного рода поддержки сопровождается рядом процедур: для начала необходимо заполнить специальную форму, размещенную на сайте Генерального консульства Франции в Йоханнесбурге. Затем запрос рассматривается МИД Франции. Далее принимается решение.

В рамках стратегии Франции в области глобального здравоохранения «Африка считается одним из важнейших приоритетов, особенно в борьбе с младенческой смертностью, распространением вирусов ВИЧ / СПИД, туберкулеза и прочих заболеваний»¹. Помимо этого, была возобновлена и усилена борьба против поставок некачественных и фальсифицированных медикаментов. В связи с этим было принято решение увеличить объем французских частных инвестиций в Африку, чтобы открыть качественные клиники и развить кадровые ресурсы среди медицинских работников, необходимые для решения проблем здравоохранения и демографии в регионе.

Франция также принимает активное участие в миссии по обеспечению продовольственной безопасности (FARM)², направленной на ослабление напряженности на сельскохозяйственных рынках,

сохранении поставок зерновых культур. Африка не первое десятилетие нуждается в обеспечении продовольственной безопасности, так как не все слои населения могут позволить себе достойный продуктовый набор, способный удовлетворить базовые потребности [Garcin, Peltier, 2012]. До формирования миссии FARM разрабатывались различные стратегии по продовольственной безопасности в Алжире, Эфиопии, Малави, Сьерра-Леоне, однако данная проблема все еще остается не решенной³. Согласно данным, Регионального обзора состояния продовольственной безопасности и питания 2021 года, за последние десять лет количество людей, страдающих от недоедания, в Африке растет. Данная ситуация определяется рядом пересекающихся факторов, а именно: военные конфликты, экономический спад, бедность и неравенство, погодные условия и неадекватная политика местных правительств. Тем не менее довольно сложно определить уровень влияния каждого фактора в отдельности⁴, а их совокупность обуславливает тот факт, что Африка переживает периодические продовольственные кризисы и отсутствие продовольственной безопасности, приводящие к серьезным социальным и экономическим трудностям для многих стран и сообществ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сущность современной африканской политики Франции можно понять в контексте глобализации, многополярности и диверсификации партнеров со стороны африканских государств. Бывшие колониальные державы утратили былое влияние в Африке, но все еще присутствуют и иногда выполняют функции метрополии на континенте. Так как африканский потенциал в ресурсном обеспечении играет очень важную роль для технологического и инновационного развития не только европейских стран Америки, но и стран Востока [Сидорова, 2019]. Крупные африканские регионы характеризуются новым разделением зон присутствия и влияния между западными странами и развивающимися державами Азии и Латинской Америки. Соответственно, для сохранения и наращивания своих позиций Франции необходима новая стратегия взаимодействия с Африкой, которая воплотилась в программу равноправного сотрудничества – нового способа сохранить доступ к необходимым ресурсам на континенте. Однако

¹Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. Stratégie de la France en santé mondiale. Service de reprographie du MEAE – DIL – La Courneuve. 2017. P. 14–15

²FARM. Sécurité alimentaire: mise en œuvre de l'initiative FARM 2022, April 06. URL: <https://agriculture.gouv.fr/securite-alimentaire-mise-en-oeuvre-de-linitiative-farm>

³Rapport OMD 2013. Évaluation des progrès accomplis en Afrique dans la réalisation des objectifs du Millénaire pour le développement 2013

⁴FAO; CEA; CUA. Afrique – Aperçu régional de l'état de la sécurité alimentaire et de la nutrition 2021. Accra, Ghana 2021.

ее реализация напрямую зависит от актуальной политической повестки и стремительно меняющихся интересов Пятой Республики, а именно решение Украинского кризиса, который стал одной из основных причин обновления отношений с Североатлантическим альянсом, несмотря на то, что действующий президент Франции Э. Макрон в 2019 году заявил о «смерти мозга» НАТО, т. е. о неэффективности организации.

На современном этапе франко-африканские отношения активно развиваются в области обороны, экономики, социальных и культурных взаимодействиях. Политика безопасности основана на реализации следующих целей: *во-первых*, сохранение региональной безопасности и государственной стабильности; *во-вторых*, расширение

возможностей африканских партнеров в самостоятельной реализации и в развитии. Экономическое сотрудничество основано не только на импорте и экспорте товаров и услуг, но и на французских инвестициях, направленных на развитие различных сегментов макроэкономики. Социальное и культурное сотрудничество Франции с Африкой основано на медицинской помощи, языковой политике, на поставке аудиовизуальной продукции. Таким образом, реализуется задача повышения имиджа Франции в африканских странах.

В целом актуальное французское взаимодействие с Африкой направлено на расширение присутствия Пятой Республики на континенте. Однако процесс трансформации франко-африканских отношений еще не завершен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леонтьева О. А. Концептуальные основы внешней политики Франции в период Пятой Республики // Таврический научный обозреватель. 2017. № 2 (19) С. 36–41.
2. Chafer T., Cumming G. Cinquante ans de politique africaine de la France. Un point de vue britannique // Afrique contemporaine. 2010. № 3 (235). С. 53–62.
3. Hugon Ph. La politique africaine de la France: Entre relations complexes et complexées // La revue géopolitique. 2016, March 08. URL: <https://www.diploweb.com/La-politique-africaine-de-la.html>
4. Charillon F. Politique étrangère: nouveaux regards. Paris: Presse de Sciences Po, 2002.
5. Châtaigner J. Principes et réalités de la politique africaine de la France // Afrique contemporaine. 2006. № 4 2(20), P. 247–261.
6. Смирнова Е. С., Михеева Н. М. Военно-политические аспекты реализации современной внешнеполитической стратегии Франции в Африке к югу от Сахары // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2018. Т. 9. № 2 (34) С. 150–163.
7. de Vaissière F. La coopération entre la France et L'Afrique en matière de sécurité et de défense. Quelles perspectives pour l'avenir // Revue internationale et stratégique. 2003. № 1 (49). P. 13–16.
8. Evrard C. Retour sur la construction des relations militaires franco-africaines // Relations internationales. 2016. № 165. P. 23–42.
9. Bansept L. et Tenenbaum É. Après Barkhane: repenser la posture stratégique française en Afrique de l'Ouest // Focus stratégique. 2022. № 109. С. 14–17.
10. Cf. Coquery-Vidrovitch C. Petite histoire de l'Afrique. Paris: La découverte, 2016.
11. Mpegna B. La politique française de coopération culturelle en Afrique. L'exemple du Cameroun. Paris: L'harmattan, 2014.
12. Писарева М. В. Внешняя культурная политика Франции на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2006. №4. С.147-154
13. Kessler M. La diplomatie culturelle в Кн.: in Th. Balzacq, F. Charillon, F. Ramel. Manuel de diplomatie. Paris: Presses de SciencesPo, 2018.
14. Garcin M., Peltier G. Relever le défi de la sécurité alimentaire en Afrique subsaharienne: sous quelles conditions les fonds d'investissement peuvent-ils y contribuer? Techniques Financières et Développement. 2012. № 1(110). P. 19–27.
15. Сидорова Г. М. Африка в Мировой политике // Вестник Дипломатической академии МИД России и мир. 2019. № 2 (20). С. 11–25.

REFERENCES

1. Leontieva, O. A. (2017). Konceptual'nye osnovy vneshnej politiki Francii v period Pjatoj Respubliki = Conceptual foundations of French foreign policy during the Fifth Republic. Tavrisheskyi nauchnii obozrevateli, 2 (19), 36–41. (In Russ)
2. Chafer, T., Cumming, G. (2010). Cinquante ans de politique africaine de la France: Un point de vue britannique. Afrique contemporaine, 3(235), 53–62.

3. Hugon, Ph. (2016, March 08.) La politique africaine de la France : Entre relations complexes et complexées. La revue géopolitique. <https://www.diploweb.com/La-politique-africaine-de-la.html>
4. Charillon, F. (dir.) (2002). Politique étrangère : nouveaux regards. Paris: Presse de Sciences Po.
5. Châtaigner, J. (2006). Principes et réalités de la politique africaine de la France. *Afrique contemporaine*, 4(220), 247–261.
6. Smirnova, E. S., Mikheeva, N. M. (2018). Modern french foreign policy in Sub-Saharan Africa- politico-military aspects of its implementation. *Nauchnie trudi Cevero-Zapadnogo instituta upravleniya RANHIGS*, 9, 2(34), 150–163. (In Russ.)
7. de Vaissière, F. (2003). La coopération entre la France et l'Afrique en matière de sécurité et de défense. Quelles perspectives pour l'avenir. *Revue internationale et stratégique*, 1(49), 13–16.
8. Evrard, C. (2016). Retour sur la construction des relations militaires franco-africaines, *Relations internationales*, 165, 23–42.
9. Bansept, L. et Tenenbaum, É. (2022). «Après Barkhane : repenser la posture stratégique française en Afrique de l'Ouest », *Focus stratégique*, 109, 14–17.
10. Cf. Coquery-Vidrovitch C. (2016) Petite histoire de l'Afrique. Paris: La découverte.
11. Mpegna, B. (2014). La politique française de coopération culturelle en Afrique. L'exemple du Cameroun. Paris: L'harmattan.
12. Pisareva, M. V. (2006). The foreign cultural policy of France at the present stage. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 4, 147–154. (In Russ.)
13. Kessler, M. (2018) « La diplomatie culturelle », in Thierry Balzacq, Frédéric Charillon, Frédéric Ramel, Manuel de diplomatie. Paris: Presses de SciencesPo.
14. Garcin, M., Peltier, G. (2012). Relever le défi de la sécurité alimentaire en Afrique subsaharienne: sous quelles conditions les fonds d'investissement peuvent-ils y contribuer? *Techniques Financières et Développement*, 1(110), 19–27.
15. Sidorova, G. M. (2019). Africa in World Policy. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia*, 2(20), 11–25. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петкова Елена Васильевна

аспирант кафедры политологии

Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petkova Elena Vasilevna

PhD Student at Department of Political Science

Institute of International Relations and Social and Political Sciences
of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.08.2023
21.09.2023
22.09.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Отношения России и США в начале 2020-х годов: новые перспективы для формирования незападоцентричного мирового порядка

Т. А. Шаклеина

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия
Shakleina-tania@yandex.ru*

Аннотация. Отношения между Россией (СССР) и США всегда имели глобальное значение. В начале 2020-х годов они по-прежнему остаются ключевыми для будущего развития не только двух держав, но и мирового сообщества. Политика США вступила в решающую порядкоформирующую фазу, поставившую мир на грань большого конфликта. Перед Россией и Китаем, а также сторонниками незападной модели мирового порядка стоит весьма актуальная задача начать процесс формирования институциональных основ полицентричного незападоцентричного порядка, тем самым нейтрализовав возможности США и их союзников по дальнейшей дестабилизации международных отношений.

Ключевые слова: Россия, США, мировой порядок, российско-американские отношения

Для цитирования: Шаклеина Т. А. Отношения России и США в начале 2020-х годов: новые перспективы для формирования незападоцентричного мирового порядка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 48–55.

Original article

Russia and the United States at the Beginning of 2020s: New Perspectives for the Formation of Non-West World Order

Tatiana A. Shakleina

*Moscow State Institute of International Relations of Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Shakleina-tania@yandex.ru*

Abstract. Relations between Russia (USSR) and America has always had global dimension and influence. At the beginning of 2020s Russian-American relations remain of key importance for the future world development. American policy aimed at establishing liberal world order has entered a new phase bringing instability and threat of a big conflict. Russia and China representing non-Western approach to new world order formation are facing an opportunity and challenge to take initiative and start establishing new institutions as a base for polycentric world order, to neutralize policies of the United States and its followers, and stop further destabilization of international relations.

Keywords: world order, Russia, United States, Russian-American relations

For citation. Shakleina, T. A. (2023). Russia and the United States at the Beginning of 2020s: New Perspectives for the Formation of Non-West World Order. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 48–55.

ВВЕДЕНИЕ

Рассуждения о том, закончилась или не закончилась холодная война, начались почти сразу после роспуска Советского Союза и продолжались одновременно с нарастанием противоречий в отношениях двух держав. Надежда на здравый смысл американских (да, и европейских) политиков оставалась, немало американских и российских политологов говорили о возможности развития неконфронтационных российско-американских отношений на основе позитивного опыта времен холодной войны, когда удалось избежать большого конфликта [Шаклеина, 2002]. Однако позитивный сценарий мирового развития и развития двусторонних отношений не был реализован, и причина этого кроется не столько в ошибках и иллюзиях элит двух стран, сколько в том, что ни Россия, ни Америка не собирались менять свои исторически сложившиеся парадигмы – великодержавные. Американская идеология и политическая культура, прежде всего, стремление к глобальному доминированию и управлению (миссия) получили новый импульс после окончания биполярного порядка [Баталов, Журавлева, Хозинская, 2009]. Новый либеральный мировой порядок, который начали формировать Соединенные Штаты, приобрел формат «либеральной диктатуры» или «либерального крестового похода за демократию во всем мире», не мог не вызывать противодействия не только со стороны расширившейся группы ведущих мировых держав, но и большего числа стран разного уровня и статуса. Осознание и оценка действий США происходили постепенно, и Россия одна из первых заявила о неприятии американского проекта нового мирового порядка. В начале 2020-х годов появляется альтернативная система международных отношений, которая может привести не только к глобальному конфликту политических парадигм, но и открыть новые возможности для реализации незападной модели полицентричного мирового порядка, что обеспечит стабильность и прочный долгий мир. В этом и состоит ключевая дилемма начала третьего десятилетия XXI века. Необходимо, чтобы элиты стран осознали серьезность ситуации, важность правильного выбора, продемонстрировали приверженность к миру и стабильности, а не к войне. Россия и Китай, а также Индия и Бразилия могут и должны проявить инициативу по строительству нового мирового порядка, обеспечивающего мир и стабильность. Для успеха реализации незападной модели порядка решающее значение имеет исход российско-американского противостояния. Что же такое отношения России и США после тридцати лет постбиполярного взаимодействия?

ПЕРВЫЕ СИГНАЛЫ БИФУРКАЦИИ: КОНФЛИКТ В ЮГОСЛАВИИ

Одной из главных причин ухудшения отношений между Россией и США чаще всего называют расширение НАТО, продвижение военного альянса к российским границам. Конечно, количественный рост альянса, изменение его стратегии до глобального уровня – весомые факторы. Однако, на наш взгляд, этот институт стал лишь одним из важнейших инструментов реализации глобальных планов США, идеи глобального управления и преобразования мира до торжества «Американской мечты» и установления «Американского золотого века» в формате нового либерального мирового порядка.

Тревога в связи с расширением НАТО отодвинула на второй план более важную проблему формирования основ мирового порядка XXI века. Для России в ее новом субъектном и статусном положении после роспуска СССР это был ключевой вопрос, на котором ей не удалось своевременно сосредоточиться из-за внутривнутриполитических проблем и сопутствовавших роспуску огромной страны процессов. Тем не менее отдельные политологи, а также политики, например, Е. М. Примаков, улавливали главное: России нельзя оставаться в стороне от этого важнейшего мегатренда, даже невзирая на сократившиеся возможности и внутренние проблемы [Примаков, 1996; Примаков 1998]. Именно поэтому Е. М. Примаков развернул самолет в Атлантике, а российский воинский контингент высадился в Приштине в 1999 году. Большинство политологов и политиков называли высадку российского воинского контингента «авантюрой», не приветствовали действия министра иностранных дел. Другие – меньшинство – называли эти действия демонстрацией организационного ресурса России, которые хотя и не оказали решающего влияния на разрешение югославской проблемы, обозначили конец короткого периода беспрепятственных действий США по реализации своего либерального плана. Действия России показали, что историческая сущность Российского государства как ведущей мировой державы со своим видением процессов мирового развития сохранилась. Немало американских политологов также заявляли, что действия России были ответом на то, что США перешли так называемые красные линии в своей политике, и реакция России была предсказуемой и оправданной.

Действия России стали неожиданными для многих американских политиков и политологов. США были уверены, что их действия законны. Так как ни одна страна, в том числе Россия, не выразили протеста, когда США и НАТО объявили всю территорию некогда нейтральной и неприсоединившейся

страны «зоной ответственности блока, и это понималось как передача Америке и НАТО функций по «принуждению к миру» и «поддержанию мира» [Россия и США после холодной войны, 1999, с. 27].

Именно в ходе урегулирования югославского кризиса и подписания Дейтонских соглашений стало предельно ясно, что «партнерство» с Россией понимается США только как «совещательно-согласительное». Оно утверждается американским истеблишментом при полном игнорировании как российских интересов, так и интересов любых игроков, если они не совпадают с американскими. Американцы действовали в рамках исторически сложившейся политической культуры, мессианской парадигмы, которая не предполагает толерантности к интересам и амбициям других игроков. Следовало это учитывать и не ждать исключения для России: «В тот момент, в 1992 году требовалось понимание того, что не только коммунистическая идеология породила глобальное столкновение интересов двух держав, но и многое другое, в частности, борьба за влияние в мире, и поэтому совсем необязательно, что с уходом коммунистической идеологии с политической сцены отношения между Россией и США обретут безоблачный характер» [Кременюк, 2015, с. 29]. Ошибочным было игнорирование российской исторической великодержавной культуры, к которой Россия вернулась довольно быстро. Лишь немногие американские и российские политологи указывали на опасность и ошибочность игнорирования истории и традиций Российского государства [Kennan, 1995; Huntington, 1999; Gaddis, 1998; Шаклеина, 1997].

Действия Е. М. Примакова и операция в Приштине в 1999 году действительно поставили логическую точку в дискуссиях о международной деятельности России и надеждах на «равноправное» партнерство с США. Россия показала, что связь с историей не разорвана и начинается новый этап великодержавной деятельности.

Становилось всё более очевидным, что отношения Российского государства в любой его ипостаси и Американского государства, прежде всего, определялись тем, как державы позиционируют свою роль в мировом процессе, в международных отношениях, как совмещаются или расходятся их интересы на всех уровнях мировой политики. В отношениях Америки с любой великой державой не может быть полного взаимопонимания и аккомодации, если только другая держава не встроится в стратегию Соединенных Штатов, помогая ее реализовывать. Так произошло со старыми великими державами – Великобританией, Францией, Германией, которые, оставаясь частью трансатлантического сообщества, действуют в русле

американской политики. Соединенные Штаты объявили, что либеральный порядок уже существует, и задача состоит в закреплении его основ и защите от стран-ревизионистов. В отношениях с другими ведущими мировыми державами США были готовы пойти лишь на временные тактические взаимодействия на американских условиях, от чего они могли легко отказаться. США мыслят себя только безоговорочным гегемоном, что они определяют как глобальное лидерство незаменимой державы, способным и имеющим право все решать и все менять, во все вмешиваться и всех наказывать или награждать [Баталов, 2009]. При такой политической культуре никакого реального партнерства быть не может, и как писал Зб. Бжезинский, Америке – империи нового типа нужны только вассалы, а лидеры не приветствуются, с ними они борются [Brzezinski, 1997].

Россия не приняла статуса вассала даже в ослабленном состоянии после 1991 года и начала постепенно наращивать свой потенциал во всех сферах деятельности, а главное, начала все более решительно заявлять о своей альтернативной позиции относительно того, каким должен быть мировой порядок и какая роль должна отводиться ей и другим растущим державам. К концу 1990-х годов оформился раскол в отношениях России и США, который многие или не замечали, или не хотели замечать, но уже в первой половине 2000-х годов вынуждены были констатировать, что российско-американские отношения вошли в привычное традиционное русло *колеблющегося противостояния* [Арбатов, 1994]¹.

Анализируя 1990-е годы, следует вспомнить, что в силу сложности ситуации в Российской Федерации и на постсоветском пространстве недостаточно внимания уделялось тому, что писали о планах США в XXI веке представители ведущих «мозговых центров», прежде всего, в отношении стран ЦВЕ, Евразии и Украины. Так, американский военный эксперт, работавший в 1990-е годы в Школе перспективных международных исследований Университета Джонса Гопкинса, Ш. Гарнет, оценивая ситуацию, в Европе в связи с расширением НАТО, указывал на то, что этот процесс, в который будут вовлекаться страны ЦВЕ, приведет к росту влияния НАТО на ЕС и Украину, Молдову, страны Балтии, к укреплению двусторонних и многосторонних отношений без участия России. Ш. Гарнет особо отмечал значение Польши для реализации американских планов, чья роль должна была неуклонно возрастать при помощи США,

¹См. также: Арбатов Г. А. Холодная война снова может стать реальностью // Независимая газета. 17.06.1998; А. Д. Богатуров, В. А. Кременюк. Сами американцы не остановятся никогда // Независимая газета. 29.06.1996.

и она должна была занять положение, аналогичное тому, которое занимала Германия в годы холодной войны. Польше была уготована роль «страны переднего края НАТО». Подчеркивая возрастающую роль Польши, американские политологи отмечали, что слабость России, ее ограниченные возможности участия в международных организациях, долговременный характер преобразований, который растянется на много десятилетий, лишают ее возможности играть важную роль в формирующейся системе безопасности [The New Russian Foreign Policy, 1998].

Результаты американской политики в отношении Польши, стран Балтии, Украины сказались уже в 2000-е годы, превратив Польшу в форпост политики НАТО и США в Европе и на российском направлении. Украинская ситуация также вписывается в реализацию тех планов, которые были разработаны американскими стратегами и политологами в конце 1980 – начале 1990-х годов. Не осталась без внимания и Белоруссия, о чем вполне четко заявил один из ведущих американских политологов Р. Легволд: «Белоруссия является тем местом, которое определяет, станут ли перемены в бывшем Советском Союзе фактором стабильности и сотрудничества или приведут к нестабильности и конфликтам в мире. Вопрос состоит в том, будет ли Белоруссия, которая скоро станет «прифронтовым государством» на границе расширяющегося НАТО, мостом или слагаемым, местом встречи друзей или врагов» [Белоруссия на перепутье ... 1998, с. 13–32].

Американцы добились определенных успехов в реализации своих планов на Украине и в Европе. Произошло ослабление роли ЕС в качестве самостоятельного центра глобального уровня, статус ЕС существенно понижен из-за полной подчиненности политике США. В отношении Белоруссии планы не осуществились, но общая ситуация, созданная в Европе, способствовала тому, что прифронтовые слагаемые появились вопреки желаниям России и Белоруссии.

В 1990-е годы теоретически оставалась возможность отойти от конфронтационной модели двусторонних отношений, признать потребность коллективного глобального управления. США не захотели быть лишь одной из великих держав даже в статусе сверхдержавы. Характеризуя позицию США, Э. Я. Баталов отмечал следующее, что отражало главное для понимания позиции Америки в решении вопроса о мировом порядке и в отношении к России: «В отличие от стран с многовековой, а тем более многотысячелетней историей, которые имеют богатый опыт – в том числе, негативный – военно-политического взаимодействия со своими соседями ... и которые научились

разумно пользоваться своей силой и выработали определенную культуру силового саморегулирования и самообуздания, Америка такой культурой и таким опытом не располагает и рационально пользоваться своей силой не умеет» [Баталов, 2005, с. 349]. Политолог обратил внимание на то, что отсутствие такой культуры при наличии огромной силы и беспредельных амбиций делает внешнеполитическую стратегию, осуществляемую Америкой, – реальной угрозой миру.

Выбор был сделан, и два видения мирового развития и роли в нем Америки (Запада) и России были предельно ясно представлены в 2006–2007 году¹. Эту фиксацию противоречий в двусторонних отношениях определили как начало новой холодной войны. Так ли это?

НОВАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ИЛИ ВОЙНА НОВОГО ТИПА?

К середине 2000-х годов США сделали для себя только один вывод: у них появилось серьезное для реализации глобальных планов и с этим препятствием нужно бороться, нужно его устранить любыми средствами, в том числе, путем дестабилизации стран по периметру российских границ [Friedman, 2010]. Методы, которыми США действовали в бывшей Югославии, где они апробировали инструмент военного вмешательства, стали использоваться в постсоветских странах, странах Арабского Востока, в Латинской Америке, в АТР (Тайвань). Более широкомасштабными стали действия по подготовке политических революций («цветные революции») и внутривнутриполитической дестабилизации, что в годы холодной войны классифицировалось как «тайные операции за рубежом». В XXI веке был задействован весь арсенал инструментов внешнего воздействия, ставший более масштабным, более технологически богатым. Если в 1970-е годы подобные действия американского правительства вызвали резкую критику и привели к кризисным ситуациям в политической жизни США, то в XXI веке политика вмешательства и подавления стала более открытой и не вызывает такой резкой реакции американцев как в прошлом [Wise, 1973; Schlesinger, 1973; Fulbright, 1966]. Исчезновение сильного конкурента – Советского Союза способствовало росту ощущения конечности (конец истории), неограниченности действий и безоговорочной правоты Соединенных Штатов.

¹Russia's Wrong Direction: What the United States Can and Should Do. Report of an Independent Task Force. Council on Foreign Relations, 2006; Мюнхенская речь Путина. 10 февраля 2007 // Откровенная речь Путина в Мюнхене / <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

Такие настроения стали характерными как для правящей элиты, так и для многих американцев.

«Идеологическая завеса», скрывавшая истинный смысл политики демократизации, постепенно рассеивалась. Америка начала так называемые полувойны (semiwars) или войны нового типа в разных уголках мира, объясняя такие действия стремлением обеспечить мир и благополучие [Bacevich, 2010; Введение в прикладной анализ, 2017]. Не столь откровенно говорилось о том, что главная цель США – закрепление доминирующего статуса в мире, возможность программировать развитие мира и стран, блокировать или тормозить их развитие, особенно если они способны бросить вызов Америке. Отдельные государства были готовы стать частью империи нового типа, что можно сказать о странах – членах НАТО и ЕС и сопутствующих стран.

После воссоединения Республики Крым с Российской Федерацией дискуссии о холодной войне получили новый импульс. Вместо идеологического противостояния: коммунизм – капитализм, диктатура – демократия было объявлено о ценностном противостоянии стран с либерально-демократическими западными ценностями и Россией, не имевшей и не принимавшей эти ценности. В русле американской пропаганды считались неприемлемыми нелиберальный политический режим, агрессивная внешняя политика, «энергетический шантаж», слишком большое присутствие в Арктике, неправильная агрессивная имперская политика в Евразии, попытки помешать политике США сформировать мировой порядок, т. е. претензии к России были мирорегулирующего, геостратегического порядка.

Американские политологи и политики открыто заявляют, что существующие в XXI веке угрозы безопасности США самые серьезные за всю историю существования Америки. Так считает Р. Гейтс, в прошлом министр обороны и директор ЦРУ: «Никогда раньше Америке не противостояли четыре антагонистические страны – Россия, Китай, Иран и Северная Корея, чей коллективный ядерный арсенал через несколько лет может стать в два раза больше, чем у США. Впервые после Корейской войны Соединенным Штатам противостоят военные противники в Европе и Азии»¹. При этом Р. Гейтс не упоминает того, что Америка целенаправленно нагнетала и даже создавала такую ситуацию, которая выгодна стране, удаленной от разворачивающихся фронтов действий. В Вашингтоне не

учли того, что Россия возродится и бросит вызов Америке, что созданный Соединенными Штатами экономический гигант Китай станет непослушным игроком, что неподвластные США Иран и КНДР выстоят под американскими санкциями [Jones, 2014]. Не учли и того, что американская неоимперская политика вызовет рост национального самосознания у многих стран среднего уровня и малых стран, которые задумываются над своим будущим и необязательно готовы принять гегемонию США [Mearsheimer, 2018].

Р. Гейтс заявляет, что без надежного американского лидерства мир станет миром «авторитарных хищников», в котором остальные страны станут жертвами, поэтому Америка должна оставаться надежным (!) глобальным лидером, спасти и защитить людей, их свободу. Странными кажутся слова Р. Гейтса: «Китай и Россия думают, что мир принадлежит им. <...> Чтобы противостоять таким противникам, нужно усилить действия на всех направлениях. Только тогда можно будет сдерживать Си и Путина. Опасность у нашего порога»². Трудно ожидать каких-либо других слов от американского политика, который в той или иной степени несет ответственность за действия администрации Дж. Буша-мл. и Б. Обамы, однако его слова отражают общую позицию американской правящей элиты.

Р. Хаасс, авторитетный американский политолог, чьи взгляды находятся в русле школы неореализма, также говорит о необходимости сохранения американского глобального лидерства. Р. Хаасс, как и Р. Гейтс, обеспокоен многофакторной и многоуровневой угрозой позициям США в мире: «Соединенные Штаты не просто какая-то страна в сообществе других стран: американское лидерство поддерживало порядок, который существует уже 75 лет, и остается центром этого порядка по сей день» [Haass, 2022]. Его пугает перспектива возникновения войн между ведущими мировыми державами в Европе и ИТР, растущий потенциал Ирана, что может привести к нестабильности на Среднем Востоке. По его мнению, в мире сложилась самая опасная ситуация со времен окончания Второй мировой войны, которую он определяет как – буря (шторм, ураган).

Р. Хаасс видит главный провал деятельности американских администраций в том, что США не удалось максимально использовать результаты холодной войны и транслировать свое глобальное лидерство в прочный мировой порядок. Еще одна ошибка состояла, по его мнению, в том, что после распада Советского Союза, когда Россия была слабой, никто не предугадал, что спустя 30 лет международные отношения и отношения двух стран вернутся к взаимной

¹ Gates R. M. The Dysfunctional Superpower. Can a Divided America Deter China and Russia? Foreign Affairs. 29.09.2023. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/robert-gates-america-china-russia-dysfunctional-superpower?utm_medium=promo_email&utm_source=special_send&utm_campaign=dysfunctional_superpower_Prospects&utm_content=20230929&utm_term=promo-email-prospects

² Там же

враждебности. Американским политикам не хочется признавать, что мир принадлежит не только Америке, но и всем странам, число которых существенно превышает трансатлантическое сообщество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия целенаправленно выступала против американских правил игры, пыталась обратить на это внимание других стран, однако лишь в начале 2020-х годов наметился небольшой сдвиг в позициях КНР, Бразилии, ряда стран среднего уровня. Осознание важности коллективных действий для формирования мирового порядка, отличного от предлагаемого США, еще не достигло нужного масштаба и интенсивности. Поэтому именно действия России, ее борьба с коллективными силами под управлением США, могут сыграть решающую роль для серьезного поворота в процессе строительства незападоцентричного мирового порядка. Это понимают и в США. Не случайно во всех официальных заявлениях и публикациях главным тезисом является тезис о победе над Россией и общем противостоянии с Россией и Китаем.

Отношения России и объединенной группы США + страны НАТО и их сторонники не укладываются в понятие «холодная война». Это также не гибридная война. Можно определить политику США в отношении России как «война нового типа». В ней задействованы все средства, кроме прямого столкновения российских и американских вооруженных сил на поле боя. Эпоха холодной войны закончилась, Объявлена борьба с Россией до конца¹.

Речь идет о многоуровневом, комплексном, максимально ультимативно-жестком противодействии России, борьбе с ней всеми доступными методами. Цели открыто провозглашаются, оказывается воздействие на другие страны (вплоть до запугивания и санкций) с целью создать антироссийскую

коалицию. Следует говорить о геостратегической, глобальной, цивилизационной борьбе за существование Российского государства, о борьбе за другой, более справедливый мировой порядок без американо-европейской гегемонии.

США вступили в период своей международной деятельности, который отличается полной непримиримостью и нетерпимостью ко всему, что не укладывается в рамки американского либерального проекта. Воинственность нарастает, и необходимо искать пути выхода за пределы влияния США, лишить их возможности полностью контролировать развитие других стран. Ответ совсем необязательно должен быть воинственным, достаточно заняться автономной созидательной коллективной деятельностью по формированию незападных институтов, защищающих интересы незападных стран и обеспечивающих их прогрессивное развитие. Возможности у остального мира есть, его ресурс материальный и организационный намного превышает потенциал Запада. А лидерами в этом процессе могут стать Россия и Китай [Шаклеина, 2023; Шаклеина, 2022].

Вариант конкурентного сосуществования либерально-западных и незападных институтов вполне реализуем.

Мегатренд по структурной переконфигурации мира набирает силу и остановить его вряд ли удастся даже такой мощной державе как Америка. С одной стороны, в мире растет тревога, вызываемая ростом нестабильности и угрозой начала большого конфликта, но с другой стороны, открываются большие возможности сконструировать новый порядок, который ограничит возможности США по дестабилизации мирового развития и расширит возможности для стран не-Запада решить важные этнические и глобальные проблемы.

Американская политика вступила в противоречие с объективными законами мирового развития: мир разнообразен и неподвластен силовой унификации, Запад более не является эталоном, западные ценности не могут быть общемировыми. Право людей на жизнь и выбор пути является главной ценностью, и именно это универсальное право могут защитить Россия и Китай, более активно вместе работая на поприще порядкоформирующей деятельности и вовлекая в этот процесс все больше заинтересованных стран.

¹Anthony H. Cordesman with the assistance of Grace Hwang. The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. 06.01.2021 / The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy (csis.org) ; Mark F. Cancian. Inflicting Surprise Gaining Competitive Advantage in Great Power Conflicts. CSIS, January 2021. www.csis.org ; Dobbins, J. et al. Extending Russia. Competing from Advantageous Ground. RAND corporation. 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаклеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М.: ИСКРАН, 2002.
2. Баталов Э. Я., Журавлева В. Ю., Хозинская К. В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке». Образы современной России в работах американских авторов. 1992–2007 гг. М.: РОССПЭН, 2009.

3. Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3–13.
4. Примаков Е. М. Россия в мировой политике // Международная жизнь. 1998. № 6. С. 3–9.
5. Россия и США после холодной войны / отв. ред. В. А. Кременюк. М.: Наука, 1999.
6. Кременюк В. А. Уроки холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2015.
7. Kennan G. F. On American Principles // Foreign Affairs. 1995 (March / April). Vol. 74. № 2. P. 116–136.
8. Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999 (March / April). Vol. 78. № 2. P. 35–49.
9. Layne, Ch. From Preponderance to Offshore Balancing. International Security. 1997. № 22 (1). (Summer). P. 86–112.
10. Gaddis J. L. History, Grand Strategy and NATO Enlargement // Survival. 1998 (Spring). Vol. 40. № 1. P. 145–151.
11. Шаклеина Т. А. Российская внешнеполитическая мысль: в поисках национальной стратегии. М.: МОНФ, 1997.
12. Баталов Э. Я. Русская идея и Американская мечта. М.: Прогресс–Традиция, 2009.
13. Brzezinski Zb. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N.Y.: Basic Books, 1997.
14. Арбатов Г. А. Российско-американские отношения: проблемы и задачи // США – экономика, политика, идеология. 1994. № 12. С. 3–12.
15. The New Russian Foreign Policy / Ed. by M. Mandelbaum. N.Y.: Council on Foreign Relations, 1998.
16. Белоруссия на перепутье: в поисках международной идентичности. М: Московский центр Карнеги, 1998.
17. Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005.
18. Friedman G. The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century. N.Y.: Anchor Books, 2010.
19. Wise D. The Politics of Lying. Government Deception. Secrecy, and Power. N.Y.: Vintage Books, 1973.
20. Schlesinger A. Jr. The Imperial Presidency. N.Y.: Houghton Mifflin, 1973.
21. Fulbright J. W. The Arrogance of Power. N.Y.: Random House, 1966.
22. Bacevich A. J. Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y.: A Metropolitan Book, 2010.
23. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т. А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2017.
24. Jones B. Still Ours to Lead. America, Rising Powers, and the Tension Between Rivalry and Restraint. Washington, D.C.: Brookings Institution, 2014.
25. Mearsheimer J. J. The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. New Haven: Yale University Press, 2018.
26. Haass R. The Dangerous Decade. A Foreign Policy for a World in Crisis // Foreign Affairs. 2022 (September / October). URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/dangerous-decade-foreign-policy-world-crisis-richard-haass>
27. Шаклеина Т. А. Россия и США. К новому мировому порядку. М.: Аспект Пресс, 2023.
28. Шаклеина Т. А. Россия и США в современных международных отношениях. М.: Аспект Пресс, 2022.

REFERENCES

1. Shakleina, T. A. (2002). Rossiya i SShA v novom mirovom porjadke = Russia and the USA in the New World Order. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshhestvakh Rossii i SShA (1991–2002). Moscow: ISKRAN. (In Russ.)
2. Batalov, E. Ya, Zhuravleva, V. Yu, Khozinskaya, K. V. (2009). «Rychashhij medved'» na «dikom Vostoke». Obrazy sovremennoj Rossii v rabotah amerikanskikh avtorov. 1992–2007 = “Roaring Bear” in the “Wild East”. Images of Contemporary Russia in American Publications. 1992–2007. Moscow: ROSSPJeN . (In Russ.)
3. Primakov, E. M. (1996). Mezhdunarodnye otnosheniya nakanune XXI veka: problemy, perspektivy = International Relations on the Virge of 21st Century: Problems and Perspectives. International Life, 10, 3–13. (In Russ.)
4. Primakov, E. M. (1998). Rossiya v mirovoj politike = Russia in World Politics. International Life, 6, 3–9. (In Russ.)
5. Kremenyuk V. A. (ed.) (1999). Rossiya i SShA posle holodnoj vojny = Russia and the United States after the Cold War. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Kremenyuk, V. A. (2015). Uroki holodnoj vojny = Lessons of the Cold War. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
7. Kennan, G. F. (1995 March / April). On American Principles. Foreign Affairs, 74(2), 116–136.
8. Huntington, S. (1999 March-April). The Lonely Superpower. Foreign Affairs, 78(2), 35–49.
9. Layne, Ch. (1997 Summer). From Preponderance to Offshore Balancing. International Security, 22(1), 86–112.
10. Gaddis, J. L. (1998 Spring). History, Grand Strategy and NATO Enlargement. Survival, 40(1), 145–151.
11. Shakleina, T. A. (1997). Rossijskaja vneshnepoliticheskaja mysl': v poiskah nacional'noj strategii = Russian Foreign Policy Thinking: In Search of National Strategy. Moscow: MONF. (In Russ.)
12. Batalov, E. Ya. (2009). Russkaja ideja i Amerikanskaja mehta = Russian Idea and American Dream. M.: Progress–Tradiciya. (In Russ.)
13. Brzezinski, Zb. (1997). The Grand Chessboard: American Primacy And Its Geostrategic Imperatives. N.Y.: Basic Books.

14. Arbatov, G. A. (1994). Rossijsko-amerikanske otnosheniya: problemy i zadachi = Russian-American Relations: Problems and Tasks. SShA – jekonomika, politika, ideologija, 12, 3–12. (In Russ.)
15. Mandelbaum, M. (ed.). (1998). The New Russian Foreign Policy. N.Y.: Council on Foreign Relations.
16. Belorussiya na pereput'e: v poiskah mezhdunarodnoj identichnosti (1998) = Belorussia at the Crossroads: In Search of International Identity. Moscow: Moskovskij centr Karnegi. (In Russ.)
17. Batalov, E. Ya. (2005). Mirovoe razvitie i mirovoj porjadok = World Development and World Order. Moscow: ROSSPJEN. (In Russ.)
18. Friedman, G. (2010). The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century. N.Y.: Anchor Books.
19. Wise, D. (1973). The Politics of Lying. Government Deception. Secrecy, and Power. N.Y.: Vintage Books.
20. Schlesinger A., Jr. (1973). The Imperial Presidency. N.Y.: Houghton Mifflin.
21. Fulbright J. W. (1966). The Arrogance of Power. N.Y.: Random House.
22. Bacevich A. J. Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y.: A Metropolitan Book, 2010.
23. Shakleina T. A. (ed.) (2017). Introduction to Applied International Analysis. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
24. Jones, B. (2014). Stil Ours to Lead. America, Rising Powers, and the Tension Between Rivalry and Restraint. Washington, D.C.: Brookings Institution.
25. Mearsheimer, J. J. (2018). The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. New Haven: Yale University Press.
26. Haass, R. (2002 September / October). The Dangerous Decade. A Foreign Policy for a World in Crisis. Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/dangerous-decade-foreign-policy-world-crisis-richard-haass>
27. Shakleina, T. A. (2023). Rossiya i SShA. K novomu mirovomu porjadku = Russia and the USA. Towards New World Order. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
28. Shakleina, T. A. (2022). Rossiya i SShA v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah = Russia and the USA in Contemporary International Relations. M.: Aspect Press. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаклеина Татьяна Алексеевна

Заслуженный деятель науки РФ
доктор политических наук, профессор
заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем
Московского института международных отношений МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shakleina Tatiana Alekseevna

Honorable scientist of the Russian Federation
Doctor of Political Science (Dr. habil.), Professor
Head of the department of applied international analysis
Moscow State Institute of International Relations of Ministry of Foreign Affairs

Статья поступила в редакцию	08.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	08.10.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 94(47).047+94(477)+328.188.5



Борьба за гетманство в Войске Запорожском в 1672 году и позиция Москвы

А. С. Алмазов

*Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия
al.almazov@yandex.ru*

Аннотация. В работе предпринята попытка реконструкции политической борьбы за гетманскую булаву, развернувшейся в Войске Запорожском в 1672 году. Для реконструкции предполагаемых старшинских групп, участвовавших в этой борьбе, использована концепция патроната. Кроме того, в статье проанализирована роль Москвы в этих событиях. В результате проведенного исследования удалось установить, что царская власть позволила казацкой старшине самой решить, кто будет гетманом.

Ключевые слова: гетман, Войско Запорожское, патронат, генеральная рада, царская власть

Для цитирования: Алмазов А. С. Борьба за гетманство в Войске Запорожском в 1672 году и позиция Москвы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 56–63.

Original article

The Struggle for the Hetman's Title in the Zaporozhian Host in 1672 and the Position of Moscow

Aleksandr S. Almazov

*State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia
al.almazov@yandex.ru*

Abstract. There is attempt of reconstruction of political struggle for the Hetman's title in the paper, which conducted in the Zaporozhian Host in 1672. The concept of patronage is used to reconstruct groups of starshyna involved in the struggle. In addition, the article analyzes the role of Moscow in these events. As a result of the research, it was possible to argue that the tsar government allowed the Cossack starshyna to decide who would be elected the hetman.

Keywords: hetman, the Zaporozhian Host, patronage, General Council, tsar's power

For citation: Almazov A. S. (2023). The struggle for the hetman's title in the Zaporozhian Host in 1672 and the position of Moscow. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 56–63.

ВВЕДЕНИЕ

В ночь с 12 на 13 марта 1672 года в Батурине, который был тогда столицей Войска Запорожского, состоялся переворот – старшина арестовала и отстранила от власти гетмана Демьяна Многогрешного. Период, когда гетманский пост оставался вакантным, закончился 17 июня, спустя три с лишним месяца, когда на Конотопской генеральной раде был выбран новый гетман. Однако к этому времени выборы гетмана на генеральной раде в значительной степени превратились в формальность, поскольку старшина стремилась решать вопрос о власти в своем узком кругу, без участия не только мещан и селян, но и рядового казачества. Так, Д. И. Многогрешный был избран гетманом на Новгород-Северской старшинской раде в декабре 1668 года, а Глуховская генеральная рада в марте 1669 года только подтвердила его избрание [Таирова-Яковлева, 2011].

В 1672 году вопрос о том, кто будет избран новым гетманом, также решался на радах и съездах старшины. В рамках данной темы наибольший интерес представляет проблема того, как проходила борьба в старшинской среде по этому вопросу, а также какую роль в этом процессе играла Москва. Период отстранения от власти гетмана Д. И. Многогрешного до Конотопской рады привлекал внимание исследователей истории Войска Запорожского начиная со второй половины XVIII века. Однако борьба за гетманский пост в 1672 года оставалась за рамками интереса историков вплоть до второй половины XIX века. Так, про нее ничего не сказано в работе Д. Н. Бантыш-Каменского [Бантыш-Каменский, 1830].

Ситуация изменилась, когда В. О. Эйнгорн ввел в научный оборот отписки черниговского воеводы Ивана Желябужского и присланные им «расспросные речи» в качестве источника по данной теме, и перечислил на его основе следующих претендентов на гетманский престол [Эйнгорн, 1890].

Наконец, Л. А. Окиншевич уже в советский период использовал обширную цитату из документа, чтобы проиллюстрировать на примере старшинской рады от апреля 1672 года, как на таких радах происходили дебаты [Окиншевич, 1930]. Однако исследователь ошибочно полагал, что старшинская рада в Батурине 21 апреля 1672 года только предварительно намечала кандидата, а окончательно гетмана уже выбирали на генеральной раде [там же].

Недавно к теме избрания нового гетмана в 1672 году также обратился В. С. Великанов. Исследователь сделал вывод, что якобы Иван Самойлович был безальтернативным кандидатом, но, не имея поддержки старшин, исключительно опирался на помощь Москвы, прежде

всего, – на 16-тысячное войско во главе с боярином Григорием Ромодановским, присланное на Конотопскую раду [Великанов, 2021]. Возможно, тот вывод неверен, аргументация будет представлена ниже, однако мы также в своей прежней работе ошиблись, посчитав И. Самойловича последовательно промосковским старшиной [Алмазов, 2012].

ПОЗИЦИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ ПО ПОВОДУ ВЫБОРОВ НОВОГО ГЕТМАНА

В своем новом исследовании И. Б. Бабулин убедительно показал, что И. Самойлович отнюдь не всегда был сторонником Москвы. Во время восстания украинских казаков против царской власти во главе с гетманом И. М. Брюховецким в 1668 году И. Самойлович, который был тогда черниговским наказным полковником, осаждал гарнизон русских «ратных людей» в малом городке в Чернигове с конца января по сентябрь. При этом, в сентябре, когда русское войско во главе с Г. Г. Ромодановским пришло освобождать русский гарнизон от осады, будущий гетман с верными ему казаками продолжали борьбу даже тогда, когда большая часть осаждавших была разгромлена – казаки укрылись в «Третьяке», сравнительно небольшом секторе городских укреплений, где оборонялись еще 10 дней, после чего сдались и позднее получили царское прощение [Бабулин, 2021]. Данный эпизод биографии будущего гетмана скорее выдает в нем противника Москвы, нежели ее сторонника.

В период гетманства Д. И. Многогрешного И. Самойлович занимал должность генерального судьи. С 1669 по 1672 годы он только однажды ездил во главе делегации Войска Запорожского в Москву в апреле 1669 года. После этого вплоть до марта 1672 года, как справедливо отметил Б. Н. Флоря, не прослеживаются дальнейшие контакты генерального судьи с главой Малороссийского приказа Артамоном Матвеевым [Флоря, 2021], отвечавшим в это время за царскую политику в отношении Войска Запорожского. В течение того же периода также ничего не известно о личных контактах И. Самойловича с каким-либо иным представителем царской власти. Позднее, после отстранения Д. И. Многогрешного от власти официальные «листы» царю Алексею Михайловичу неизменно подписывались им в составе тройки, совместно исполнявшей обязанности гетмана, куда помимо него входили генеральный обозный Петр Забела и генеральный судья Иван Домонтович, или даже более широкий круг старшины [Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, 1877].

Кроме того, нет свидетельств того, что войско во главе с боярином Г. Г. Ромодановским было отправлено на Конотопскую раду, чтобы обеспечить необходимый Москве результат выборов гетмана. В наказе боярину предписывалось присутствовать на раде во время «гетманского обирания», но ничего не было сказано про необходимость обеспечить нужный результат выборов [Акты относящиеся к истории ... 1877].

Сохранилось только одно прямое царское указание по поводу вмешательства в выборы: боярину было предписано не допустить избрание новым гетманом кошевого атамана Запорожской Сечи Ивана Серко [там же]. Но, как отмечалось в указе, это делалось по просьбе старшины, поэтому не могло ограничить ее в возможности выбрать какого-нибудь кандидата, который не был бы промосковским.

Более того, об отсутствии стремления Москвы повлиять на выборы нового гетмана свидетельствует то, что она не использовала возникшие тогда поводы форсировать инкорпорацию Войска Запорожского в состав Русского государства, которые появились весной 1672 года. В частности, 12 апреля черниговскому воеводе И. А. Желябужскому новый черниговский полковник Василий Дунин-Борковский заявил, что казачье восстание в 1668 году вспыхнуло из-за недовольства старшины тем, что мещане и селяне перешли из-под его власти во власть царя (имеется в виду де-факто перевод мещан и селян под власть царских воевод по условиям Московских статей 1665 года). Теперь же, по словам полковника, «мужиики» снова хотят перейти под власть царя, от чего «старшине... будет худо жить» (РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1671 г., д. 11, л. 492). Кроме того, шляхтич Петр Ворошила 20 апреля общал воеводе, что в Черниговском полку «чернь», т. е. мещане и селяне, желает освободиться от власти старшины, считая налоговую нагрузку непомерной, хочет перейти под непосредственную власть царя, а если им не удастся поучаствовать в Генеральной раде, то она устроит бунт (там же). Таким образом, в Войске Запорожском налицо был социальный конфликт между посполитыми и казацкой старшиной, в котором Москва, как ни странно, не поддерживала своих очевидных сторонников.

Более того, царская власть в этом конфликте приняла сторону старшины. Так, 26 мая к Батурину пришла толпа около 400 человек, которые потребовали срочно провести раду для выборов нового гетмана в поле у города. После того, как в проведении рады им отказал генеральный обозный П. М. Забела, просители обратились к голове московских стрельцов в Батурине Григорию Неелову. Тот дал на соответствующее предложение уклончивый ответ, а затем

приказал запереть батуринский замок и не впускать подозрительных личностей [Костомаров, 1882; Акты относящиеся к истории ... 1877]. Затем царская власть по просьбе старшины предписала боярину Г. Г. Ромодановскому и другим своим представителям на генеральной раде срочно выехать к месту ее проведения [Акты относящиеся к истории ... 1877], что, очевидно, было необходимо для того, чтобы рада прошла по сценарию, определенному старшиной.

Весной 1672 года в Гетманщине возник еще один конфликт, который Москва могла бы использовать для целей инкорпорации Левобережной Украины. 2 мая В. К. Дунин-Борковский говорил И. А. Желябужскому, что у старшины было совещание, на котором представители Стародубского и Полтавского полков предлагали перейти в непосредственное управление царя, как это было устроено в слободских полках. По утверждению полковника, эту идею поддержали рядовые казаки, но часть старшины выступила против (РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1671 г., д. 11, л. 501). В данном случае речь идет о том, что было предложено ликвидировать единое Войско Запорожское, не выбирать гетмана и генеральную старшину, а подчинить каждый полк напрямую царю. До нас дошло еще одно свидетельство об этом конфликте. Хотя его датировка не известна из-за пропущенных листов в деле, можно предположить, что оно относится к рубежу мая–июня, поскольку следующее свидетельство датировано 4 июня. Согласно этим сведениям, старшина и рядовые казаки Стародубского полка собрались вместе и высказались за получение полком такого же статуса, который имеют слободские полки (РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1671 г., д. 11, л. 527).

Возможно, в данном случае авторами инициатив по выходу соответствующих полков из состава Войска Запорожского под непосредственное царское управление были местные полковники, стремившиеся таким способом, во-первых, увеличить власть в своих полках, а во-вторых, избавиться от дополнительных высших инстанций над ними в лице гетмана и генеральной старшины. На такую мысль наталкивает дело стародубского полковника Петра Рославца, который в 1676 году во время поездки в Москву предложил переподчинение Стародубского полка непосредственно царю [Костомаров, 1882; Алмазов, 2012].

Почему же Москва не воспользовалась удобными поводами для урезания автономии Войска Запорожского? Представляется, что царь и его окружение решили сменить стратегию в отношении Гетманщины после восстания украинских казаков под руководством гетмана Ивана Брюховецкого в 1668 году. Об этом, в частности, говорит отказ Москвы после Глуховской рады 1669 года

от сбора налогов в царскую казну и ограничение числа гарнизонов в украинских городах до пяти. Что же касается причины того, почему царская власть не пыталась привести к гетманству своего сторонника, то насколько можно судить, она сделала ставку на встраивание уже избранного гетмана в систему родственных и имущественных связей, существовавших в то время в среде московской служилой элиты (см. подробнее о том, как такое встраивание происходило в отношении гетмана И. Самойловича [Кочегаров, 2012]).

БОРЬБА МЕЖДУ КАНДИДАТАМИ В ГЕТМАНЫ ВЕСНОЙ 1672 ГОДА

К сожалению, неизвестно, велась ли в какой-либо форме борьба за гетманство в марте, но, определенно, в апреле она уже была в разгаре. Так, 12 апреля черниговскому воеводе поведала черниговская полковая старшина, в это время избрания в гетманы добивались генеральный судья И. Самойлович и генеральный писарь К. И. Мокриевич, «только де в войске их мало любят», а больше не из кого выбирать в гетманы, потому что «все люди лихие и мелкие» (РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1671 г., д. 11, л. 492). К тому времени уже были выдвинуты две кандидатуры на гетманский пост. Скорее всего, это выдвижение происходило на старшинских радах или съездах в Батурине.

Новую порцию донесений черниговский воевода И. А. Желябужский отправил 3 мая с отпиской, пришедшей в Москву 14 мая (РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1671 г., д. 11, л. 497). Согласно этим сообщениям, 21 апреля в город приехали сотники Черниговского полка, сообщившие, что в Батурине состоялась старшинская рада, на которой решался вопрос о том, кому стать гетманом (РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1671 г., д. 11, л. 498). Рада состоялась накануне, возможно, 20 или 19 апреля. Сотники сообщили, что некие старшины, выдвинувшие свои кандидатуры на гетманский пост, настаивали, чтобы выборы гетмана состоялись до присылки царского представителя. Кроме того, на раде говорили старшинам (из текста неясно, кто говорил, вероятно, генеральная старшина), что нужно выбрать судью И. Самойловича, а иные предлагали кандидатуры киевского полковника Константина Солонины и писаря Карпа Мокриевича; также переяславский полковник Родион (Райча) Дмитрашко сам выдвинул свою кандидатуру. Затем генеральный судья И. М. Домонтович предложил дожидаться приезда на раду царского представителя и уже тогда выбирать гетмана, и с ним согласились многие сотники, атаманы и казаки. Но с судьей начал перепалку К. И. Мокриевич, требуя, чтобы рада приняла решение о выборе гетмана до

царского указа. Не соглашаясь с ним, И. М. Домонтович заявил, что К. Мокриевич не то, что гетманом, но и писарем быть недостоин. После этого ссора переросла в драку: генеральный писарь генеральному судье выдрал половину бороды, из-за чего обозный П. М. Забела хотел разобрать этот спор в войсковом суде, но за К. И. Мокриевича вступились Р. Г. Дмитрашко и К. Д. Солонина, и это дело «так покинули», т. е. оставили без решения. В кулуарах рады названные полковники и генеральный писарь решили объединиться на выборах гетмана, чтобы выбрали кого-то из них, а в случае, если их кандидатуры будут отвергнуты, они договорились совместно поддержать какую-либо иную кандидатуру (РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1671 г., д. 11, л. 498).

25 апреля в Чернигов приехал казак из Переяславля, который, по сообщению воеводы, публично рассказывал, что переяславский полковник собирает войска к раде, потому что хочет побороться за гетманство. Этот казак также подтверждал наличие соглашения между Р. Г. Дмитрашко, К. Д. Солониной и К. И. Мокриевичем с целью совместной борьбы за гетманство (РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1671 г., д. 11, л. 499).

Дальнейшие обстоятельства борьбы за власть среди старшины неизвестны. Насколько можно судить, выборы гетмана на Конотопской раде были формальностью, поскольку старшина выбрала гетмана заранее. В частности, в летописи Самуила Величко указано, что И. Самойловича избрали «единогласним Войска Запорожского словом и вотами» [Величко, 1851]. Таким образом, поскольку на Конотопской раде не было борьбы за гетманскую булаву, старшина, вероятно, согласовал единственную кандидатуру на гетманский пост до ее начала.

Интересно, что представленная картина борьбы за гетманский пост позволяет с разной степенью уверенности выявить группы старшины, объединившиеся для этой борьбы. Ниже будет предпринята попытка их реконструкции, для чего вначале необходимо обратиться к теории, объясняющей устройство подобных групп.

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭЛИТНЫХ ГРУПП

Пожалуй, наиболее популярной в историографии теорией, осмысливающей политическую борьбу и формирование элитных групп, участвовавших в ней в раннее Новое время, является концепция патроната (клиентелизма). В своей работе, ставшей классической, Ш. Кеттеринг определяет отношения между патроном и клиентом как двусторонние, личные и эмоциональные, неравные (патрон должен быть выше по статусу), предполагающие

добровольность отношений и взаимную выгоду [Kettering, 1986]. Последняя выражалась, как правило, в том, что патрон предоставлял клиенту материальные ресурсы и (или) возможность продвижения по службе, а в ответ получал нематериальную выгоду — прежде всего, лояльность [там же].

Самым точным методом, широко используемым в исследованиях патроната, который, в том числе, позволяет определить круг участников клиентской сети того или иного патрона, является исследование эпистолярных источников. Именно в письмах патроны и клиенты использовали специфические термины взаимной дружбы, верной службы и вознаграждения за нее [Kettering, 1986; Augustyniak, 2001]. Однако почти полное отсутствие личной переписки между старшинами Войска Запорожского в рассматриваемый период не исключает возможности выявить патрон-клиентские связи. Их можно вычислить по косвенным признакам: родственным отношениям, служебным связям (патроны продвигали своих клиентов по службе, а клиенты помогали патронам добиться их политических целей через электоральную или силовую поддержку), общим материальным интересам (например, коррупционным), финансовому вознаграждению от патрона клиенту или наоборот [Kettering, 1986; Augustyniak, 2001].

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОСТАВА СТАРШИНСКИХ ГРУПП, БОРОВАВШИХ ЗА ВЛАСТЬ В ГЕТМАНЩИНЕ ВЕСНОЙ 1672 ГОДА

Исходя из того, что К. И. Мокриевич, К. Д. Солонина и Р. Г. Дмитрашко, решили добиваться избрания в гетманы кандидата, согласованного ими совместно, есть основания полагать, что они составляли старшинскую группу. Вероятно, генеральный писарь, киевский и переяславский полковники были вынуждены объединиться, так как они поняли, что проигрывают борьбу за власть, поэтому вряд ли имеет смысл поиск других, устойчивых, неформальных связей между ними. Косвенно в пользу неустойчивости этой группы свидетельствует то, что К. Д. Солонина и Р. Г. Дмитрашко сохранили свои посты после Конотопской рады и, видимо, позднее смогли интегрироваться в систему патроната И. Самойловича, в то время как К. И. Мокриевич потерял свой пост уже на самой раде [Акты относящиеся к истории ... 1877]. Определенно, они не составляли единой группы после Конотопской рады. Это, в частности, подтверждается тем, что во время конфликта гетмана И. Самойловича со стародубским полковником П. И. Рославцем и нежинским протопопом Симеоном Адамовичем в 1676 году они оказались по разные стороны баррикад: киевский полковник выступил в качестве доверенного лица гетмана, отправился

в Москву с миссией доказать несправедливость обвинений против гетмана со стороны стародубского полковника, а Р. Г. Дмитрашко и К. И. Мокриевич были обвинены в участии в антигетманском заговоре [Костомаров, 1882; Алмазов, 2012].

Другая старшинская группа сформировалась вокруг будущего гетмана. И. Самойлович смог получить гетманскую булаву еще и потому, что его кандидатуру поддержали обозный П. М. Забела и судья И. М. Домонтович. В пользу такого предположения, в частности, свидетельствует то, что они втроем совместно управляли Гетманщиной вплоть до избрания нового гетмана на Конотопской раде. Не случайно, после Конотопской рады 1672 года И. М. Домонтович оставался генеральным судьей, как минимум, до 1681 года [Акты относящиеся к истории ... 1877; Заруба, 2007], а П. М. Забела оставался на своем посту до 1687 года [Заруба, 2007]. К сожалению, сложно реконструировать их связи, существовавшие в период до 1672 года, но, определенно, они существовали после Конотопской рады. Так, П. М. Забела и И. Самойлович породнились друг с другом: внучка генерального обозного вышла замуж за брата жены гетмана — Константина Голуба, генерального бунчужного в 1678–1687 годах [Модзалевский, 1910; Кривошея, 2008]. И. М. Домонтович вскоре после Конотопской рады получил с. Кудровка с мельницами [Модзалевский, 1908].

Также, вероятно, в ту же группу входили ряд старшин рангом ниже. В частности, Леонтий Полуботко, избранный на Конотопской раде генеральным бунчужным [Акты относящиеся к истории ... 1877], мог входить в группу старшин, поддержавших избрание И. Самойловича гетманом. Весной 1672 года Л. А. Полуботко был черниговским сотником. Он имел перспективы быть обвиненным в пособничестве отстраненному гетману Д. И. Многогрешному и его брату, прежнему черниговскому полковнику Василию Многогрешному. Во-первых, воевода И. А. Желябужский в отписке, присланной в Москву 20 мая, обвинил Л. А. Полуботко в том, что тот, «пристав к Демковой и Васкиной злой мысли», перекрыл плотинной водный путь между реками Стриж и Десна (РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1671 г., д. 11, л. 510–511), что снижало обороноспособность черниговского замка, где располагался гарнизон «ратных людей». Кроме того, к судебному делу Д. И. Многогрешного было приобщено письмо В. И. Многогрешного к черниговскому сотнику с приказанием до его приезда подьячего и кого-то еще из состава черниговского гарнизона посадить в тюрьму [Акты относящиеся к истории ... 1877]. Вероятно, Л. А. Полуботко избежал наказания из-за покровительства И. Самойловича. В период его гетманства бывший черниговский сотник стал одним из его самых доверенных старшин [Алмазов, 2012].

К тому же, вероятно, под патронатом нового гетмана с самого начала пребывали избранные на Конотопской раде генеральным писарем и генеральным есаулом Савва Прокопович, и Иван Лысенко (последний был черниговским полковником, когда И. Самойлович стал генеральным судьей в 1669 году) [Кривошея, 2008], черниговский полковник с весны 1672 года. В. К. Дунин-Борковский [Кривошея, 2008].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, имеются основания считать неверным представление о том, что И. Самойлович был

избран гетманом в результате вмешательства Москвы, якобы стремившейся добиться этого поста для прорусского старшины. Наоборот, его избрание стало возможным потому, что царская власть отдала этот вопрос на откуп казацкой старшине.

В старшинской среде весной 1672 года разгорелась острая борьба за власть, в ходе которой обозначились как минимум две группы, имевшие своих кандидатов на гетманскую булаву. Группа, кандидат которой победил, сформировавшаяся вокруг И. Самойловича, после Конотопской рады сохранилась и расширилась в систему гетманского патроната, а проигравшая группа, вероятно, распалась.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Таирова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве. М. ; СПб.: Центрполиграф : Русская тройка-СПб, 2011.
2. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России: в 3 ч. Ч. 1–3. М.: Тип. С. Селивановского, 1830. Ч. 2. От присоединения сей страны к Российскому государству до избрания в гетманы Мазепы.
3. Эйнгорн В. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М.: Университетская тип., 1890.
4. Окиншевич Л. О. Центральні установи України-гетьманщини XVII–XVIII ст.: у 2 ч. Київ: Друкарня Всеукраїнської академії наук, 1929–1930. Ч. 2. Рада старшини.
5. Великанов В. Конотопский поход 1672 года для «гетманского обирания» // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9. № 3. С. 1025–1041.
6. Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687). М.: б.и., 2012.
7. Бабулин И. Б. Война за возвращение Украины 1668–669 гг. М.: Русские витязи, 2021.
8. Флоря Б. Н. Украинская старшина в контактах между Россией и Левобережным гетманством в годы правления Демьяна Многогрешного (1669–1672) // *Славянский альманах*. 2021. № 3–4. С. 12–27.
9. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 15 т. (1861–1892). Т. 9 (1668–1672) / под ред. Н. И. Костомарова. СПб.: Тип. М. Этингера, 1877.
10. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования Николая Костомарова: в 20 т. (1872–1886). Т. 15. Руина. Историческая монография (1663–1687). Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича. СПб.: Тип. М. О. Вольфа, 1882.
11. Кочегаров К. А. Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М.: [б. и.], 2012.
12. Величко С. В. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке: в 4 т. Киев: Временная комиссия для разбора древних актов (1848–1864), 1851. Т. 2.
13. Kettering Sh. *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*. New York ; Oxford: Oxford University Press, 1986.
14. Augustyniak U. *Dwor i klientela Krzysztofa Radziwilla (1585–1640): Mechanizmy patronatu*. Warszawa: Semper, 2001.
15. Заруба В. М. Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького у 1648–1782 рр. Дніпропетровськ: ПП Ліра ЛТД, 2007.
16. Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник: в 4 т. Киев: Тип. Товарищества Г. Л. Фрацкевич и Ко., 1908–1914. Т. I (А–Д); II (Е–К).
17. Кривошея В. В. Козацька еліта Гетьманщини. Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень імені І. Ф. Кураса, 2008.

REFERENCES

1. Tairova-Iakovleva, T. G. (2011). *Getmany Ukrainy. Istorii o slave, tragediiakh i muzhestve* = *Hetmans of Ukraine. Stories about glory, tragedies and courage*. Moscow ; SPb.: Tsentrpoligraf : Russkaia troika-SPb. (In Russ.)
2. Bantysh-Kamenskii, D. N. (1830). *Istoriia Maloi Rossii* = *The History of Little Russia*: in 3 parts. (Part 2. From the joining of this country to the Russian state to the election of Mazepa as hetman) Moscow: Tip. S. Selivanovskogo. (In Russ.)
3. Eingorn, V. (1890). *O snosheniakh malorossiiskogo dukhovenstva s moskovskim pravitel'stvom v tsarstvovanii Alekseia Mikhailovicha* = *About the relations of the Little Russian clergy with the Moscow government during the reign of Alexei Mikhailovich*. Moscow: Universitetskaia tip. Publ. (In Russ.)
4. Okynshevych, L. O. (1930). *Tsentrāl'ni ustanovy Ukraїny-het'manshchyny XVII–XVIII st.* = *Central institutions of Ukraine-hetmanate in the XVII–XVIII centuries*: in 2 parts. (Part 2. The Council of starshyna). Kyiv: Drukarnia Vseukraїns'koї akademii nauk. (In Ukr.)
5. Velikanov, V. (2021). The Konotop Campaign of 1672 to "Elect a Hetman". *Quaestio Rossica*, 9(3), 1025–1041. (In Russ.)
6. Almazov, A. S. (2012). *Politicheskii portret ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v kontekste rusko-ukrainskikh otnoshenii (1672–1687)* = *Political portrait of the Ukrainian Hetman Ivan Samoylovich in the context of Russian–Ukrainian relations (1672–1687)*. Moscow. (In Russ.)
7. Babulin, I. B. (2021). *Voina za vozvrashcheniye Ukrainy 1668–1669 gg.* = *The War for the Return of Ukraine 1668–1669*. Moscow: Russian Knights. (In Russ.)
8. Florya, B. N. (2021). The Cossack elite in relations between Russia and the Left Bank Ukraine during the ruling of the hetman Dem'ian Mongogreshny (1669–1672). *Slavic Almanac*, 3–4, 12–27 (In Russ.)
9. Kostomarov, N. I. (Ed.) (1877). *Akty, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoj i Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* = *Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission*: in 15 Vols. (1861–1892). Vol. 9 (1668–1672). St. Petersburg: Tip. M. Jettingera, 1877.
10. Kostomarov, N. I. (1882). *Istoricheskije monografii i issledovaniia Nikolaia Kostomarova* = *Historical monographs and studies of Nikolai Kostomarov*: in 20 vols. (Vol. 15. *The Ruin. Historical monograph. 1663–1687. The Hetmanate of Brukhovetsky, Mnogogreshny and Samoilovich*) St. Petersburg: Tip M. O. Vol'fa. (In Russ.)
11. Kochegarov, K. A. (2012). *Russkoje pravitel'stvo i sem'ia ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v 1681–1687 gg.* = *The Russian government and the family of the Ukrainian Hetman Ivan Samoilovich (1681–1687)*. Moscow. (In Russ.)
12. Velichko, S. V. (1851). *Letopis' sobytii v lugo-zapadnoi Rossii v XVII veke* = *Chronicle of events in Southwestern Russia in the XVII century*: in 4 vols. (Vol. 2) Kyiv: Vremennaia komissiiia dlia razbora drevnikh aktov (1848–1864). (In Russ.)
13. Kettering, Sh. (1986). *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*. New York; Oxford: Oxford University Press.
14. Augustyniak, U. (2001). *Dwor i klientela Krzysztofa Radziwilla, 1585–1640: Mechanizmy patronatu*. Warszawa: Semper.
15. Zaruba, V. M. (2007). *Administrativno-terytorial'ny' ustri' ta administratsiia Vi's'ka Zaporoz'koho u 1648–1782 rr.* = *The administrative-territorial structure and administration of the Zaporozhian Host in 1648–1782*. Dnipropetrovsk: PP Lira Ltd.
16. Modzalevskii, V. L. (1908, 1914). *Malorossiiskii rodoslovnik*: in 4 vols. (Vol. 1: A–D); (Vol. 2 Ye–K). Kyiv: Tip. Tovarishchestva G. L. Fratskevich i Ko. (In Russ.)
17. Kryvosheia, V. V. (2008). *Kozats'ka elita Het'manshchyny* = *Cossack elite of the Hetmanate*. Kyiv: Instytut politychnykh i etnonatsional'nykh doslidzhen' imeni I. F. Kurasa. (In Ukr.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алмазов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук

доцент кафедры источниковедения и специальных исторических дисциплин

Государственного академического университета гуманитарных наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr Sergeevich Almazov

PhD (History)

Associate Professor of the Department of Source Studies and Auxiliary Sciences of History
the Historical Faculty, State Academic University for the Humanities

Статья поступила в редакцию	13.07.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.08.2023	approved after reviewing
принята к публикации	01.09.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 323.1



Внешняя политика объединенной Германии: от «Новой восточной политики» к новому центральноевропейскому пространству (1990–1994)

К. Б. Божик

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kristina_bozhik@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется восточноевропейское направление внешней политики объединенной Германии в 1990–1994 годы. Рассмотрены вехи внешней политики Германии в начале 1990-х годов: осознание ею новизны положения; выстраивание отношений с постсоциалистическими странами Восточной Европы; новую военную политику в период первой фазы югославского конфликта и сомалийского кризиса.

Ключевые слова: объединение Германии, ФРГ, Россия, внешняя политика, дипломатия, Центральная и Восточная Европа, НАТО, Югославия

Для цитирования: Божик К. Б. Внешняя политика объединенной Германии: от «Новой восточной политики» к новому центральноевропейскому пространству (1990–1994) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 64–70.

Original article

The Foreign Policy of United Germany: from the New Eastern Policy to the New Central European Space (1990–1994)

Kristina B. Bozhik

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kristina_bozhik@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the Eastern European direction of the united Germany's foreign policy in 1990–1994. The author examines the milestones of the early 90s German foreign policy: Germany's awareness of the own power; the building of relations with the post-socialist countries of Eastern Europe; the new Germany's military policy in the Yugoslav conflict's starting period and during the Somali crisis.

Keywords: unification of Germany, Germany, Russia, foreign policy, diplomacy, Central and Eastern Europe, NATO, Yugoslavia

For citation: Bozhik, K. B. (2023). The foreign policy of United Germany: from the new eastern policy to the new central european space (1990–1994). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 64–70.

ВВЕДЕНИЕ

Объединение Германии в 1989–1990 годы, произошедшее одновременно с исчезновением советского блока в Восточной Европе, привело к смене приоритетов внешней политики Федеративной Республики. В повестку дня вошли вопросы об избираемом обновленным государством внешнеполитическом курсе и его инструментах, о приверженности объединенной Германии сотрудничеству в системе НАТО, об интеграции в рамках ЕЭС (с 1992 года – ЕС). Именно в 1990-е годы ушло в прошлое парадоксальное утверждение, в целом верное для 1960–1980-х годов: «ФРГ – экономический гигант, но политический карлик»¹. После десятилетий табуированности для ФРГ темы наращивания влияния в мире, а затем – робкого ввода ее через констатацию значительности вклада Бонна в мировую экономику, вопрос о месте в мировой политике новой Германии стал формулироваться в открытую.

В зарубежной (по отношению к России) Европе Германия закрепила за собою место первого по численности населения государства (свыше 80 млн человек) и, опередив Италию, стала третьей по территории (357 тыс. кв. км – после Швеции, Франции и Испании).

Стереотипное восприятие внешней политики объединенной Германии начала 1990-х годов вне проблемы создания ЕС фокусируется либо на германо-российских отношениях либо на югославской проблеме. Однако «берлинская республика» затратила значительные усилия на выстраивание новых отношений в восточноевропейском регионе.

Цель данной работы – рассмотреть условия и основные вехи формирования внешнеполитического курса объединенной Германии в начале 1990-х годов на восточноевропейском направлении: осмысление германским политическим классом нового положения своей страны, выстраивание новых отношений с Москвой и восточноевропейскими столицами, опыт участия ФРГ в югославском кризисе, а за пределами Европы – в сомалийском кризисе. Данный опыт значителен для новой самопрезентации Германии как центра военной силы.

При написании работы использованы сборники документов «Der Fischer Weltalmanach 1998», «Der Fischer Weltalmanach 2001», «Deutschland als Aufgabe. Grundwertkommission der SPD», работы российского германиста В. Н. Павлова, историка и советского политического деятеля В. М. Фалина, германского историка К. Хакке, исследователей

военной политики ФРГ В. К. Белозёрова, Н. П. Пархитко и Ф. О. Трунова.

Автор приходит к выводу, что в результате стремительных перемен в Восточной Европе и энергичной политики элит ФРГ, объединенная Германия заняла естественное для себя место регионального лидера.

НОВАЯ КАРТА К ВОСТОКУ ОТ РЕЙНА

Выстраивание германской внешней политики в указанный период проходило на фоне серьезного внутреннего кризиса. Победное для ФРГ решение «германского вопроса», тем не менее, повлекло за собою возникновение трудностей, связанных со сложной и затратной адаптацией миллионов новых граждан ФРГ, бывших жителей ГДР. Проблема носила социально-психологический и, еще в большей степени, экономический характер. Он коренился в серьезном отставании централизованной и плановой экономики Восточной Германии, завязанной на нерыночные связи внутри соцлагеря, льготы от СССР (в 1980-е – кредиты ФРГ). Эти кредиты возникали в системе рыночной экономики ФРГ. Отставание усугубилось в последние годы ГДР, когда на смену энергичному развитию 1970-х годов при «раннем Хонеккере» пришла «жизнь в долг». В дальнейшем социалистическая экономика сколлапсировала вместе с другими институтами ГДР. Обычно в этом винят нетерпимость западногерманского государства ко всему социалистическому, корыстные интересы корпораций ФРГ, заинтересованных в поглощении либо уничтожении субъектов восточногерманской экономики, и недооценивают объективную глубину экономического кризиса восточных земель, моральную незаинтересованность многих восточных немцев в сохранении прежнего уклада, пусть и осужденную ими впоследствии.

В 1990-е годы Федеративной Республике потребовались огромные, достигавшие 150 млрд марок ежегодные вливания в реконструкцию инфраструктуры, промышленности, сельского хозяйства и других отраслей экономики в новых землях ФРГ, в затратную реновацию Берлина как новой столицы, продиктованную как практическими, так и идеологическими соображениями. Необходимо было также поддерживать социальную сферу на сравнительно высоком уровне, от чего зависела, в том числе, социальная стабильность в стране. (В частности, критики воссоединения упускают из внимания осуществлявшуюся уже в 90-е масштабную программу модернизации типового жилья ГДР.)

В этих условиях правительство канцлера Г. Коля, партии ФРГ и ее политические институты

¹URL: <https://www.nytimes.com/1971/10/24/archives/germany-in-our-time-a-political-history-of-the-postwar-years-by.html>

в 1990-е годы оказались перед проблемой определения приоритетов новой внешней политики. Такая задача возникла не только в связи с исчезновением «германского вопроса», но и была вызвана другими существенными переменами в Европе и мире.

Прежде всего, прекратилась «холодная война». В ходе нее ФРГ и ГДР играли роль застрельщиков в первых рядах враждебных блоков. Именно на немецкой земле после 1945 года противостояли друг другу войска западных союзников и Советского Союза, а в дальнейшем – НАТО и ОВД. В итоге развития тенденций, очевидных уже в 1989 году, а к концу 1990 года выражавшихся в потере управляемости и явной децентрализации, в конце 1991 года прекратил существование СССР. Но уже в 1990 году было понятно, что вскоре последний военный служащий в советской форме покинет немецкую землю, тогда как армии восточноевропейских стран ОВД (де-факто уже прекратившего существование) больше не являются противниками НАТО.

С объединением Германии утратили силу права четырех держав победительниц, полностью исчез их прямой и косвенный контроль над германской политикой, внутренней и внешней. Все их многочисленные общие и раздельные приказы и постановления, включая и решения «большой тройки», теперь принадлежали истории (кроме решений о внешних германских границах).

На месте «боннской республики», урезанной и смещенной к исторической рейнской границе, с территорией 248 тыс. кв. км и населением, составлявшим в 1990 году 63 млн человек, и «демократической Германии» (109 тыс. кв. км и более 16 млн человек) возникла новая единая Германия. Ее восьмидесятимиллионное население уже на момент объединения склонялось к депопуляции из-за низкой рождаемости, что компенсировалось стабильным пополнением за счет миграции (в том числе – за счет репатриантов из бывшего СССР). В геополитическом плане ФРГ как бы сдвинулась на восток. Объединенная страна получила более протяженное балтийское побережье и могла с большим правом чувствовать себя морской державой.

В лице воссоединенной Германии мир получил в начале 1990-х годов новый центр силы. Поворот (или крен) этого центра в ту или иную сторону отражается на всей системе глобальных отношений между государствами. Хотя в первой половине 1990-х годов, вопреки страхам западных и советских «лидеров мнений» (букв. от Франсуа Миттерана и Маргарет Тэтчер до Валентина Фалина и Эдуарда Лимонова) заметны были осторожность

руководителей ФРГ, их стремление не спешить с использованием новых возможностей Германии, т. е. не выдвигать к соседним (и другим) государствам каких-либо требований.

Было ясно, что Германии предстоит пережить трудный период, но почти никто не сомневался в том, что она станет новым политическим силовым центром Европы.

«СТРАНА ВСТРЕЧ И ПОСРЕДНИЧЕСТВА»

Появление на карте Европы объединенной Германии, распад соцлагеря и СССР привели к радикальному пересмотру отношений Федеративной Республики с Москвой. Поначалу на отношении германских политиков и общества к России сказывалась инерция признания решающей роли Москвы, восторжествовавшей в Кремле доброй воли в победоносном для «колевской» ФРГ объединении. В тяжелые для России 1990-е годы Германия заняла первое место среди ее торговых партнеров. Германия нередко выступала в эти годы в международных финансовых учреждениях в роли ходатая за российские интересы.

Эти новые факторы внешней политики должны были учитывать представители политических сил ФРГ – СДПГ, ХДС / ХСС, свободных демократов, а также лидеры новых политических организаций, возникших в ГДР в 1989–1990 годы. В верхах СДПГ имелись и «условные противники» объединения – точнее это были сторонники постепенного, планомерного сближения «двух Германий». К этому кругу принадлежал премьер-министр Саара (1985–1998), заместитель председателя партии (1987–1995) и ее председатель в 1995–1999 годы, Оскар Лафонтен, а также ряд других деятелей партии и Объединения немецких профсоюзов. Причиной такой (непопулярной с осени 1989 года) позиции были опасения, что стремительное (по словам В. М. Фалина – «в два присеста») [Фалин, 1999], объединение обречет Германию на большие трудности в экономике, уронит уровень жизни как «осси», так и «веси».

Стоит остановиться и на позиции экс-канцлера Вилли Брандта (СДПГ). Нет сомнения, что в принципе он был за преодоление раскола страны, именно он своим новым подходом к отношениям с СССР в годы своего канцлерства (1969–1974) проложил путь к будущему объединению Германии. Но когда это объединение свершилось, он заговорил о том, что ликвидация Германской Демократической Республики означала одновременно «поражение социализма».

Но если это и было поражение социалистической идеи в целом, то вина за это лежит на

конкретной попытке воплощения социализма – его восточноевропейской модели, сложившейся после 1917 и 1945 годов, – с однопартийной (в ГДР – де-факто однопартийной «блоковой») системой, в которой партийные органы полностью сращивались с исполнительной властью и лишали реальных полномочий законодательную, с дефицитом гражданских свобод и демократии, со сверхцентрализованной государственной экономикой.

Социал-демократическая партия Германии выступила в мае 1991 года с публикацией материалов Комиссии по основным ценностям, где шла речь и об отношениях ФРГ с другими государствами. В разделе «Германия – вчера и сегодня» говорится: «Если немцы на Востоке и на Западе снова говорят “мы немцы”, что они этим хотят сказать?»

1) Мы принадлежим друг другу. История, которая нас объединяет, намного длиннее и более пестрая (bunte), чем 40 лет насильственного разделения... быть немцем означает быть частью и соучастниками этой общей истории, с ее взлетами и падениями...

2) С принятием нашей истории мы несем вместе также ответственность за историческую вину немцев. Не могут быть забыты наши особые обязательства перед еврейским народом. Если мы хотим добиться добрососедства по отношению к нашим восточным соседям, подобного тому, которое есть по отношению к британцам и французам, мы должны иметь в виду, какие глубокие раны оставила там нацистская воля к порабощению и истреблению. Германия должна стать страной встреч и посредничества... Немецкое объединение обязывает нас поощрять и европейское единство»¹.

«ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ПО-НОВОМУ

В чем же заключалась теперь, после объединения Германии политика ее правительства в отношении стран к востоку и югу от немецких границ? Ряд этих стран, расположенных неподалеку от виртуальной линии Берлин – Москва, еще со времен сколачивания Версальской системы имел сомнительное счастье стать участником большой геополитической игры Запада против Советской России. Запад создал «санитарный кордон» против распространения коммунизма, овладевшего Россией. После Второй мировой войны эти страны бывшей малой Антанты (в первую очередь, Польша и Чехословакия) вынуждены были повернуть фронт на

180 градусов и создать вместе с СССР и другими социалистическими странами «защитный вал» социализма. В 1990-е годы после развала СССР все недавние «братские» страны и три бывшие прибалтийские советские республики повернулись «кругом» и начали интеграцию в западные структуры. Для кандидатов в новые члены евроатлантического сообщества Германия стремилась брать на себя роль проводника и ходатая, стараясь в наборе «мягкой силы» нагнать Вашингтон, не уступать Лондону, опередить Париж.

Следует отметить особое стремление политической элиты и общественности ФРГ к сближению со странами, которые в прошлом стали первыми жертвами гитлеровской агрессии.

При определении приоритетов внешней политики молодого объединенного Германского государства особая роль отводилась Польше. В отношении этого наиболее крупного постсоциалистического государства (за пределами СНГ) с самого начала 1990-х годов проводилась активная политика сближения. Славянская страна, еще недавно бывшая членом ОВД и союзницей Советского Союза, теперь последовательно рвала прежние связи и демонстративно поворачивалась спиной к Москве. В июне 1990 года, через несколько недель после роспуска Организации Варшавского Договора и еще до завершения ликвидации ГДР Польская Республика подписала с ФРГ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Вместе с ним был также подписан Договор об учреждении организации по молодежным обменам между Польшей и Германией.

Стремясь опередить американцев и британцев, имевших сильные позиции в тех слоях польского общества, из которых в 1989–1990 годах формировалась элита Третьей Речи Посполитой, немцы со своими французскими партнерами сознательно вложились в «повышение уровня» польской внешней политики. 28 августа 1991 года в Веймаре министры иностранных дел ФРГ (Г.-Д. Геншер), Франции (Ролан Дюма) и Польши (Кшиштоф Скубишевский) подписали соглашение о регулярных встречах, положившее начало «Веймарскому треугольнику» – по сей день существующей заметной институции европейской политики.

Еще стараниями Вилли Брандта после Московского Договора 1970 года был заключен договор 1971 года между ФРГ и ЧССР, в котором стороны объявили «ничтожным» злое Мюнхенское соглашение 1938 года. Теперь, в конце января 1997 года, тот договор был дополнен Заявлением о чешско-германском примирении, подписанным главами правительств ФРГ и Чехии. В этом документе германская сторона заявила, что признает свою ответственность за несправедливости,

¹Deutschland als Aufgabe. Grundwertkommission der SPD. Berlin, 1997. P. 231.

совершенные в отношении Чехословакии в период Второй мировой войны, и «сожалеет о страданиях, причиненных чехам и словакам», вследствие преступной политики нацистов¹.

Со своей стороны Чехия впервые официально признала изгнание немцев после 1945 года и выразила сожаление о страданиях, причиненных судетским немцам. Президент Чехии Вацлав Гавел и Президент ФРГ Роман Херцог договорились о создании совместного фонда финансирования проекта, направленного на дальнейшее примирение двух стран. Оба президента выступили в парламентах другой стороны. Нельзя, однако, обойти молчанием тот факт, что в Германии против заявления двух президентов резко выступило землячество судетских немцев, считающих, что массовое насилие против немецкого населения в послевоенной Чехословакии, завершившееся насильственной депортацией немцев в Германию, заслуживает симметричного осуждения и компенсации.

Экономические консультации и соглашения между Польшей и Чехословакией, с одной стороны, и Германией – с другой уже с 1990–1991 годов оговаривали переориентацию бывших стран СЭВ с погружавшегося в кризис и всё менее платежеспособного советского рынка на германский.

Для 1990-х годов был характерен закономерный закат «восточной политики» [Павлов, 2012]. «Восточная политика», проводившаяся правительством ФРГ, кроме жесткости, проявлявшейся как К. Аденауэром, так и Г. Колем, требовавшая сдержанности и моральных жертв, принесенных в ходе «новой восточной политики» В. Брандта, изощренности и материальных затрат в ходе «политики притягательного магнита», увенчалась успехом: «германский вопрос» в старом значении, просуществовавший более четырех десятилетий, ушел из европейской жизни. Патриотическая цель большинства немцев была достигнута, расколу Германии был положен конец, на всей ее территории утвердились права и свободы, как их понимали основатели Федеративной Республики.

Вместе с тем к востоку (и югу) от новой Германии по-прежнему располагались Россия, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, страны Балтии, Украина, Белоруссия. «Восточная политика» для нового немецкого государства продолжалась в ином виде. Однако «восточная политика» покинула центральное место в немецком сознании, в прежнем смысле она пропала из политической повестки Федеративной Республики. В течение нескольких десятилетий государственные деятели и публицисты ФРГ, используя слова «восточная политика»,

имели в виду весь европейский социалистический блок. Теперь он исчез, и сам термин «восточная политика» исчезает в 1990-е годы из немецкого политического словаря. Ему на смену приходит формулировка «отношения со странами Центральной и Восточной Европы».

Стоит привести процитированное Н. В. Павловым высказывание Г.-Д. Геншера. Вице-канцлер ФРГ (1974–1992) и глава немецкой дипломатии (1982–1992) писал в 1995 году: «Я постоянно возражал против бездумного использования слов “Восточная Европа”; “холодная война” откладывала преимущественно идеологический отпечаток на понятия Восток и Запад и, таким образом, и Польшу, и Чехословакию причисляли к Восточной Европе. По этой причине я не переставал утверждать: Польша является центральноевропейским государством. На польской восточной границе начинается Восточная Европа, а не Западная Азия» (прив. по: [Павлов, 2017]).

Во время распада Югославии объединенная Германия заняла активную антисербскую позицию, продиктованную как пристрастиями католических германских кругов, так и стремлением экономических и политических элит избавиться от небольшого, но своевольного югославского центра силы; возможно, на первых порах неоглашаемую роль играли и реваншистские настроения старшего поколения немцев, увидевшего, что Германия может выступить против наследников прежнего противника – сербских коммунистов – с позиции моральной правоты и при одобрении мирового сообщества. Вину за разжигание и эскалацию сербскохорватского конфликта летом 1991 года правительство Германии сразу возложило исключительно на Сербию; антисербскую позицию ФРГ в дальнейшем занимала во всех конфликтах на территории бывшей Югославии. 19 декабря 1991 года Германия первой из стран – членов ЕС признала независимость Словении и Хорватии.

Договоры Федеративной Республики о дружбе и сотрудничестве были подписаны в 1991–1992 годы с Болгарией, с Венгрией (о дружбе, сотрудничестве и партнерстве), с Чехословакией (о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве), с Румынией (о дружбе, сотрудничестве и партнерстве в Европе). С Литвой в июле 1993 года ФРГ подписала совместное заявление об основах двухсторонних отношений.

ВОЕННЫЙ ДЕБЮТ БУНДЕСВЕРА

Преувеличением представляется утверждение профессора Университета бундесвера в Гамбурге К. Хакке, что Германия «превратилась в образец

¹Der Fischer Weltalmanach 1998. Frankfurt a. Main., 1998.

международного разоружения» [Хакке, 1995]. Однако уход войск трех держав (США, Великобритании и Франции) из Западного Берлина в 1990 годы, вывод с территории ФРГ к июлю 1993 года канадского контингента и к осени 1994 года – российской Западной группы войск, сопровождался серьезным сокращением бундесвера. Если вооруженные силы обоих немецких государств на момент объединения насчитывали более 700 тыс. военнослужащих, то к концу XX века в штате вооруженных сил ФРГ числилось уже 347 тыс. человек¹. При этом на территории Германии остались американские военные базы, где были постоянно расквартированы десятки тысяч военнослужащих; осталась инфраструктура НАТО, расширившаяся за счет военных объектов СССР и ГДР.

К концу первой после объединения legislatury Г. Коля наблюдалась известная активизация внешней политики Германии страны в связи с конфликтами за ее пределами. В 1993 году корабли военно-морского флота ФРГ зашли в Адриатическое море для контроля за соблюдением эмбарго на поставки вооружений в зону югославского конфликта.

Важным опытом для внешней и военной политики ФРГ стала миротворческая операция под флагом ООН и под руководством США в Сомали в 1993–1995 годы. С 1988 года в этой республике на Африканском роге шла гражданская война, а с 1991 года произошел фактический распад государства, вызвавший гуманитарную катастрофу, широко освещавшуюся мировыми СМИ. В 1993 году в Сомали был направлен контингент бундесвера для участия в миротворческой операции. 21 апреля 1993 года Бундестаг удовлетворил запрос кабинета Г. Коля и К. Кинкеля на использование германских войск в миротворческой операции.

Немецкие военные как осуществляли транспортно-логистические задачи, так и с оружием в руках охраняли склады, пункты раздачи воды, продовольствия и медикаментов. С участием военных бундесвера и германских гуманитарных организаций были снижены критические лишения для десятков тысяч сомалийцев в ряде районов страны.

Однако операция закончилась неудачей. В октябре 1993 года вооруженные силы США понесли потери, впечатлившие общественность. Враждующие кланы не удалось склонить к миру, страна осталась в состоянии распада. В Вашингтоне администрацией президента Б. Клинтона было принято решение об эвакуации американского

воинского контингента, и в 1994–1995 годы все международные силы, действовавшие под флагом ООН, были выведены из страны, в том числе, и контингент ФРГ. Как отмечает Ф. О. Трунов, из противоречивого сомалийского опыта политический класс Германии сделал вывод, что без опоры на местные «хотя бы условно демократические силы» внешнее вмешательство обречено на неудачу [Трунов, 2017].

Тем не менее эта операция стала зарубежным дебютом бундесвера. 12 июля 1994 года Конституционный суд ФРГ отменил запрет на использование бундесвера за рубежом республики, после чего был принят закон, позволивший направлять германские войска в «горячие точки» как в составе сил ООН, так и самостоятельно, но с согласия бундестага [Пархитко, 2010]. Символично, что уже 31 августа 1994 года досрочно прекратила свое существование российская Западная группа войск. В дальнейшем, с учетом решаемых вооруженными силами ФРГ задач, менялось и управление ими [Белозёров, 2012].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первые годы после объединения Германия, несмотря на серьезные внутренние трудности и на конкурентные действия своих западных союзников, бывших держав-победительниц, проявила себя как энергичный внешнеполитический игрок, осваивающий новые поля, в том числе, как претендент на неформальное лидерство в новой Восточной Европе. Спешно заполняя политический и экономический вакуум, возникший после распада социалистического блока, декларируя при этом верность принципам примиренческой политики В. Брандта, но и заявив о себе в миротворческих операциях (несмотря на их спорные итоги) как о центре военной силы, новая ФРГ уже к моменту окончания вывода российской Западной группы войск в 1994 году своим влиянием в значительной мере переформатировала регион. Вообще, по мнению специалистов, в новых условиях Германия постепенно конструирует свою стратегическую культуру, заявляя о своих притязаниях [Белозёров, 2023]. На сложившуюся в итоге мировых войн идею Восточной Европы, после распада социалистического блока сохраняемую в ходе негласного соперничества Вашингтона, Лондона и Парижа, наложилась продвигаемая Берлином идея Центральной Европы как сферы лидерства германской «мягкой силы».

¹Der Fischer Weltalmanach 2001. Frankfurt a. Main, 2001.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М.: Республика, 1999.

2. Павлов Н. В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения, 2012.
3. Павлов Н. В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017.
4. Хакке К. Великая держава поневоле (внешняя политика Федеративной Республики Германии) / пер. с нем. М.: Буклет, 1995.
5. Трунов Ф. О. Участие ФРГ в борьбе с международным терроризмом на территории Сомали // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 710–726.
6. Пархитко Н. П. Эволюция военной политики ФРГ после объединения страны // Вестник МГИМО(У). 2010. № 5 (14). С. 320–326.
7. Белозёров В. К. Примат политики в действии. Об изменениях в системе руководства и управления вооруженными силами ФРГ // Вестник Академии военных наук. 2012. № 4. С. 25–29.
8. Белозёров В. К. Германия конструирует стратегическую культуру. Размышления после выхода Стратегии национальной безопасности ФРГ // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5 (123). С. 166–177.

REFERENCES

1. Falin, V. M. (1999). Bez skidok na obstojatel'stva: Politicheskie vospominaniya = Without discounts on circumstances: Political memories. Moscow: Respublika. (In Russ.)
2. Pavlov N. V. (2012). Istoria vneshnei politiki Germanii ot Bismarka do Merkel = The history of German foreign policy from Bismarck to Merkel Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
3. Pavlov, N. V. (2017). Rossiya i Germania: Nesostoyavshiysya al'ans (istoria s prodolzheniem) = Russia and Germany. A failed alliance (a story with a sequel). Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
4. Hakke, K. (1995). Velikaya derzhava po nevole (vneshnyaya politika Federativnoy Respubliki Germanii) = The Great Unwilling Power (Foreign Policy of the Federal Republic of Germany): trans. from German. Moscow: Buklet. (In Russ.)
5. Trunov, F. O. (2017). Participation of the FRG in the fight against international terrorism on the territory of Somalia. Bulletin of the RUDN, series: International Relations, 17(4), 710–726. (In Russ.)
6. Parkhitko, N. P. (2010). The evolution of the German military policy after the unification of the country. MGIMO (U) Bulletin, 5(14), 320–326. (In Russ.)
7. Belozarov, V. K. (2012). Primacy of politics in action on changes in the system of command and control of the armed forces of the federal republic of Germany. Bulletin of the Academy of Military Sciences, 4, 25–29. (In Russ.)
8. Belozarov, V. K. (2024). Germany is building strategic culture. Reflections after the release of the National Security Strategy of Germany. Russia in global affairs, 5(123), vol. 21, 166–177. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Божик Кристина Богдановна

кандидат исторических наук
доцент кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических исследований
Московский государственный лингвистический университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bozhik Kristina Bogdanovna

PhD in History
Associate Professor of the Department of Political Science
of the Institute of International Relations and Social-Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.09.2023
20.10.2023
25.10.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Стратегии национальной безопасности США об отношениях с Россией (1994–2022)

Т. В. Каширина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Kashirina73@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция стратегических подходов США к России, обусловленных становлением российской самостоятельной внешней политики, осознанием себя евразийской государством-цивилизацией и, с другой стороны, усилением активности Вашингтона в контексте украинского кризиса.

Ключевые слова: международные отношения, российско-американские отношения, внешняя политика

Для цитирования: Каширина Т. В. Стратегии национальной безопасности США в контексте об отношениях с Россией (1994–2022) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 71–79.

Original article

US National Security Strategies on Relations with Russia (1994–2022)

Tatyana V. Kashirina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Kashirina73@mail.ru

Abstract: The article examines the evolution of the US strategic approaches towards Russia, conditioned by the formation of Russia's independent foreign policy, awareness of itself as a Eurasian state-civilization and, on the other hand, the increased activity of Washington in the context of the Ukrainian crisis.

Keywords: international relations, Russian-American relations, foreign policy

For citation: Kashirina, T. V. (2023) US National Security Strategies on Relations with Russia (1994–2022). Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 71–79.

ВВЕДЕНИЕ

Стратегия национальной безопасности США как документ исполнительной власти готовится в период президентства каждого нового главы американского государства. СНБ содержит основные внутри- и внешнеполитические ориентиры, цели и задачи, национальные и региональные приоритеты, перечень основных вызовов и угроз для американской безопасности. Само название документа – «стратегия» призвано указывать на долгосрочную и целеустремленную, организованную деятельность [Белозёров, 2023].

СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Б. КЛИНТОНА

Стратегия национальной безопасности США в период после окончания холодной войны, после долгих и споров американских ученых и политиков была окончательно сформулирована в 1994 году во время первого президентства Б. Клинтона.

СНБ США 1994 года, как и все последующие стратегии, утверждала стремление США к мировому лидерству, беспрецедентной военной мощи, сильнейшей экономике. В документе говорилось об уходе в прошлое противостояния с коммунистическим Советским Союзом, о необходимости предотвращения ядерной войны, но и о появлении новых вызовов и угроз. Согласно СНБ, США были настроены активно сотрудничать с бывшими противниками по холодной войне в решении глобальных проблем. Вашингтон выражал «обеспокоенность» результатами «мучительных» экономических и политических преобразований в России, в связи с чем будущее нашей страны Белому дому виделось неопределенным. Но при этом Соединенные Штаты выражали «поддержку» проводимым в бывших соцстранах реформам.

Большая часть документа (на российском направлении) посвящена сотрудничеству с Россией в сфере реализации Договора СНВ-1 (в частности, вывоза ядерного оружия с территорий Украины, Белоруссии и Казахстана) и ратификации Москвой Договора СНВ-2¹ [Каширина, 2013]. Помощник президента Э.Лейк заявил, что «поддержка реформ в России отвечала и отвечает американским национальным интересам, и мы намерены ее продолжать»².

¹Стратегия национальной безопасности США // США-ЭПИ. 1995. № 1. С. 122–125; № 2. С. 112–126.

²Карпов М. Клинтон о внешней политике // Независимая газета. 03.03.95.

В период 1995–1996 годов американская администрация сформулировала основы и принципы стратегии «расширения» – распространения демократии и свободного рынка на постсоциалистические государства, а также страны Западной Европы и АТР. Стратегия расширения предполагала оказание отпора странам, рассматриваемым американцами в качестве агрессоров и содействие либерализации стран, противящихся «рынку и демократии» (Ирак и Иран).

Великодержавный прагматизм новой американской стратегии выявлялся, в частности, при подходе к вопросу о том, какими путями осуществлять эту стратегию. Президент Б. Клинтон заявлял по этому поводу, что девиз США должен быть следующим: «Когда мы можем – действовать вместе со всеми, а когда должны – будем действовать самостоятельно»³. Как известно, такой подход получил в российской науке о международных отношениях наименование «плюралистическая однополярность», в основе которой лежало стремление США к единоличному решению международных проблем, но и готовность при необходимости учитывать мнение союзников.

После начала второго президентства Б. Клинтона в 1996 году новая стратегия «расширения» была представлена в 1996 году в СНБ⁴ и в 1998 году в «Стратегии национальной безопасности в новом столетии»⁵.

В СНБ 1996 года, как и в СНБ 1994 года, сохранялась заинтересованность Вашингтона в выполнении Россией Договоров СНВ-1 и СНВ-2; о присоединении Украины, Казахстана и Белоруссии к ДНЯО, об их согласии на вывоз Россией ядерного оружия со своей территории говорилось как о гаранте успеха американской дипломатии.. В документе сообщалось о существенном расширении поддержки США демократических и рыночных реформ в России, Украине и других новых независимых государствах бывшего Советского Союза. Эта политическая программа включала в себя всеобъемлющий пакет помощи Украине. С Россией Вашингтон был настроен продолжать процесс сокращения вооружений, но после ратификации Москвой Договора СНВ-2. В целом, в документе говорилось об исторической позитивной, но трудной, политической и экономической «трансформации» России⁶.

³A National Security Strategy for a New Century. October 1998. URL: <http://www.whitehouse.gov>

⁴National Security of the United States of America. 1996. URL: <http://www.whitehouse.gov>

⁵A National Security Strategy for a New Century. October 1998. URL: <http://www.whitehouse.gov>

⁶National Security of the United States of America. 1996. URL: <http://www.whitehouse.gov>

В Стратегии 1998 года основными целями американской политики объявлялись: укрепление безопасности государства; продвижение демократии за рубежом (в том числе развитие партнерских отношений с Россией и Украиной); экономическое процветание Америки. Центральным направлением американской стратегии объявлялось укрепление и адаптация отношений в области безопасности с ключевыми странами по всему миру и создание новых отношений и структур, одним из примеров которых являлся – Совместный постоянный совет Россия–НАТО.

Как и в СНБ 1994 года, в СНБ 1996 года уделялось внимание сфере сокращения российско-американских вооружений – важному значению Договора СНВ-1 и необходимости ратификации Договора СНВ-2.

США оставляли за собой право на односторонние действия. Стратегия предусматривала широко-масштабное регулирование международных отношений на глобальном и региональных уровнях, в том числе в сферах влияния России. США не собирались отказываться ни от одной из заявленных целей, что окончательно развеивало надежды на то, что интересы России будут приниматься во внимание.

В Стратегии был существенно понижен «российский фактор» – Россия упоминается в документе наряду с Украиной (а иногда и в связке с ней), Казахстаном и Белоруссией. Все эти упоминания идут в контексте присоединения стран к ДНЯО, в контексте программы Нанна-Лугара и укрепления сотрудничества с НАТО. Причем с Украиной уже планировалось создать такой же формат отношений, как у НАТО с Россией – Постоянный комитет Украина–НАТО. В документе выделялись четыре цели американской политики в отношении новых независимых государств: уменьшить угрозу ядерной войны, распространения ядерного оружия и любого оружия массового уничтожения; оказывать помощь этим государствам в развитии демократии и рыночной экономики, способствовать их интеграции в сообщество демократических государств; включить Россию, Украину и другие государства в новую систему европейской безопасности; оказывать помощь всем новым независимым государствам в разрешении этнических и региональных конфликтов, поддерживать их устремления к укреплению независимости. На российском направлении говорилось о важности переговоров и договоренностей о разделении ПРО на стратегическую и нестратегическую. Политика США в отношении балтийских стран объявлялась важной. Фактически страны СНГ объявлялись зоной жизненно важных интересов Соединенных Штатов¹.

¹A National Security Strategy for a New Century. October 1998. URL: <http://www.whitehouse.gov>

В качестве приоритета американской политики объявлялось сокращение торговых барьеров и принятие России в Парижский клуб и ВТО. Кроме того, в мае 1998 года Группа семи была официально преобразована в Группу восьми – «политическую восьмерку» [Wills, 1999; Каширина, 2013].

Несмотря на то, что к России высказывались серьезные претензии внутри- и внешнеполитического характера, существовали острые разногласия в связи с готовившимся расширением НАТО и другими вопросами безопасности, на официальном уровне Россия была признана ядерной сверхдержавой, которую невозможно было не учитывать при планировании внешней политики США.

СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖ.БУША-МЛ.

На рубеже 1990–2000-х годов российско-американские отношения существенно охладились в контексте политики Вашингтона и НАТО в Югославском конфликте, апогеем которой стали натовские бомбардировки Белграда.

Новые подходы во внешней политике и изменения в американо-российских отношениях, связанные с готовностью Москвы оказать помощь Вашингтону в борьбе с международным терроризмом после теракта 11 сентября 2001 года нашли отражение в «Стратегии национальной безопасности США» администрации Дж. Буша-мл. от 20 сентября 2002 года, которая была приурочена к годовщине террористической атаки и анонсирована более чем за месяц² [Каширина, 2013].

В СНБ 2002 года утверждалось, что отличительной чертой отношений США и России стал переход от конфронтации к сотрудничеству. И, как утверждалось в документе, дивиденды от этого очевидны: прекращение баланса террора, который разделял две страны; историческое сокращение ядерных арсеналов с обеих сторон; сотрудничество в таких областях, как борьба с терроризмом и противоракетная оборона, которые до недавнего времени, по мнению Белого дома, были немыслимы. При этом политика так называемых стран-изгоев – Ирак, Иран, Северная Корея – приравнивалась к деятельности террористов.

В СНБ 2002 года указывалось о строительстве с Россией новых стратегических отношений, основанных на центральной реальности XXI века: Соединенные Штаты и Россия больше не являются стратегическими противниками. Отмечалась важность Договора о сокращении стратегических

²September 2002. URL: <http://www.whitehouse.gov> (дата обращения 05.04.2002).

наступательных потенциалов (СНП) 2002 года, заключенного президентами Дж. Бушем-мл. и В. В. Путиным.

Также указывалось на то, что Россия проводит реалистичную внешнюю политику с учетом своих ресурсов, которые американская администрация оценивала как слабые. Сферой взаимных интересов объявлялось сотрудничество в глобальной войне с терроризмом. В документе традиционно говорилось о содействии России в вступлении в ВТО и углублении сотрудничества в области безопасности по линии Совета Россия–НАТО. При этом США были готовы продолжать укреплять независимость и стабильность государств бывшего Советского Союза, полагая, что, якобы, процветающее и стабильное соседство укрепит растущую приверженность России интеграции в евроатлантическое сообщество.

В документе акцентировалось недоверие ключевых российских элит к американской политике, также подспудно содержались обвинения России в нарушении режима нераспространения ОМУ.

К спорным и опасным моментам Стратегии национальной безопасности 2002 года следовало отнести стремление США действовать самостоятельно, без учета мнения международного сообщества; право на упреждающие действия даже в случаях, когда неясно происхождение угрозы; политика нераспространения ОМП была представлена как политика противораспространения ОМП, что предусматривало изъятие ОМП у «подозреваемых» стран.

В целом Дж. Буш и К. Райс в ряде официальных выступлений высоко оценили взаимодействие с Россией в антитеррористической коалиции¹ [Каширина, 2013].

Анализируя послание Дж. Буша, можно сказать, что теракты не только способствовали мобилизации американского государства, но усилили как политические, так и экономические позиции и притязания США, и подкрепили планы США по ПРО [там же].

Американское военное вторжение в Ирак в 2003 году, инициированное надуманными обвинениями режима С. Хусейна в обладании ядерным оружием, без санкции Совета Безопасности ООН было встречено мировым сообществом более критично. Несогласие выразили Россия, Германия, Франция. В этот же период усиливается внимание Вашингтона к постсоветскому региону в контексте смены политических режимов на прозападные.

В Стратегии национальной безопасности 2006 года объявлялось, что Америка находится в состоянии войны с терроризмом. СНБ

основывалась на двух «столпах». Первый – это продвижение демократии и свободного рынка. Второй – противостояние новым вызовам и угрозам – от угрозы пандемических заболеваний до рисков распространения оружия массового уничтожения, терроризма, торговли людьми и стихийных бедствий.

Согласно документу, Россия уже не считалась союзником в борьбе с терроризмом. Но указывалось на содействие российского руководства в денуклеаризации корейского полуострова.

В целом, США были настроены сотрудничать с Россией по стратегическим вопросам, представляющим общий интерес. Согласно документу, за Россией признавалось серьезное влияние в силу географии и мощи не только в Европе, но и на соседних по отношению к России территориях – на Ближнем Востоке, в Южной и Центральной Азии, а также – в Восточной Азии. Но характер дальнейших двусторонних отношений ставился в зависимость от «продвижения демократии» в России и от целей ее внешней политики².

В периоды президентства Дж. Буша-мл. США вышли из Договора по противоракетной обороне 1972 года, что позволило им начать активно создавать европейскую систему ПРО. Вашингтон принял активное участие в инициировании и финансовой поддержке «цветных революций» в Украине и в Грузии. Апофеозом политики США на постсоветском пространстве стала грузино-осетинская война 2008 года, ставшая первым региональным конфликтом, в котором столкнулись интересы США и России. Существенным дестабилизирующим фактором в отношениях Москвы и Вашингтона стало активное втягивание в орбиту НАТО Молдовы, Украины, Грузии.

СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Б. ОБАМЫ

В начале своего правления президент Б. Обама объявил о «перезагрузке» отношений с Россией. Но по мере усиления разногласий между двумя странами, связанных с урегулированием сирийского и украинского кризисов, стало понятным, что единственным важным достижением «перезагрузки» является заключение 8 апреля 2010 года в Праге Договора СНВ-3. Вашингтоном были несколько изменены планы строительства европейской системы ПРО. Новым президентом был объявлен четырехэтапный план создания эшелонированной

¹President Bush's State of the Union Address. September 2001

²National Security of the United States of America. March 2006. URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/strategii_nacionalnoj_bezopasnosti_ssha.pdf

системы ПРО, включающий в себя размещение морских и наземных противоракет в Восточной Европе, радаров в Турции и Японии. К 2020 году планировалось усовершенствовать ПРО для перехвата межконтинентальных баллистических ракет, которыми обладают только Россия и США.

В 2010 году была подготовлена Стратегия национальной безопасности США. Ее главной целью явилось национальное обновление для восстановления американского глобального лидерства. Но при этом важная роль отводилась реализации внутренней и внешней политики США в условиях научно-технического прогресса и цифрового пространства. В документе подчеркивалось и усиление роли России в качестве одного из ключевых центров влияния.

Довольно существенное место отводилось сотрудничеству с Россией в сфере контроля над вооружениями, особенно по реализации Договора СНВ-3, что было новацией по отношению к СНВ 2006 года. В СНВ 2010 года было обозначено стремление Вашингтона к более тесному партнерству с Россией в противостоянии насильственному экстремизму, особенно в Афганистане. Параллельно утверждалось, что Соединенные Штаты заинтересованы «в сильной, мирной и процветающей России, которая уважает международные нормы»¹. При этом Вашингтон будет готов поддерживать суверенитет и территориальную целостность соседей России [Каширина, 2016].

После начала украинского кризиса, воссоединения Крыма с Россией в феврале 2015 года вышла Стратегия национальной безопасности США, в которой нашли отражение произошедшие события и лейтмотив документа стал более жестким. Политика России в отношении Украины объявлялась агрессивной и нарушающей глобальную безопасность. В целях сдерживания России Вашингтон был готов идти на жесткие санкции.

В СНВ 2015 года содержались утверждения об американском лидерстве на глобальном энергетическом рынке и призыв к европейским странам и Украине стать более независимыми от поставок российских нефти и газа, которые Москва, согласно документу, использует как инструмент политического влияния, что является угрозой энергетической безопасности.

Согласно СНВ 2015 года, политика России в отношении Украины является угрозой европейской безопасности и не соответствует международным правилам и нормам. В ответ Вашингтон

консолидировал международные усилия по поддержке украинского народа, который «сам выбирает свое будущее и развивает свою демократию и экономику»². США были готовы усилить количество военных учений, а также свое военное присутствие в Центральной и Восточной Европе для сдерживания дальнейшей российской «агрессии». По сути, в документе содержится неприкрытое предложение США Европе заменить российские энергоресурсы на американские. Также США намерены поддерживать таких партнеров, как Грузия, Молдова и Украина, чтобы они могли лучше работать с Соединенными Штатами и НАТО, а также обеспечивать свою собственную оборону. В то же время, согласно документу, США готовы расширять сотрудничество с Россией в областях, представляющих общий интерес, если Москва «выберет другой путь – путь мирного сотрудничества, уважающего суверенитет и демократическое развитие соседних государств»³. По линии борьбы с ИГИЛ Соединенные Штаты собирались продолжать поддерживать и оснащать умеренную сирийскую оппозицию как противовес террористам, так и «жестокому режиму» Б. Асада⁴.

Таким образом, можно согласиться с утверждением, что в приведенных выше случаях – особенно СНВ 2002, 2006, 2010, 2015 годов – мы имеем дело с честным и открытым манифестом глобальной гегемонии, обоснованным изложением американского проекта современного миропорядка [Белозёров, 2023].

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США 2017 ГОДА ПРЕЗИДЕНТА Д. ТРАМПА

Избрание Д. Трампа в 2016 года в качестве нового президента США заставило многих задуматься о краткосрочных и долгосрочных планах евроатлантического истеблишмента. Президент попытался резко поменять приоритет с внешней на внутреннюю политику. В Европе это было сразу воспринято как некая политика «изоляциизма» и отход от активной внешней политики.

В декабре 2017 года вышла Стратегия национальной безопасности Д. Трампа. В документе была четко обозначена внешняя политика «Америка прежде всего» и ее реализация в духе «принципиального реализма», которая руководствуется

¹National security strategy of the United States. May 2010. Washington, DC. URL:http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

²National security strategy of the United States. Feb. 2015. Washington, DC. URL:http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf

³Там же.

⁴Там же.

результатами, а не идеологией. Одной из ее целей является установление в международных отношениях баланса сил в пользу Соединенных Штатов, американских союзников и партнеров.

В СНБ 2017 года заявлено, что Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаясь подорвать американскую безопасность и процветание. Россия и Китай, согласно документу, полны решимости сделать экономику менее свободной и менее справедливой, наращивать свои вооруженные силы и контролировать информацию и данные, чтобы подавлять свои общества и расширять свое влияние.

В борьбе за власть и влияние в мировой политике СНБ 2017 года определяет три основные группы соперников: ревизионистские державы Китай и Россия, государства-изгои Иран и Северная Корея и транснациональные организации, представляющие угрозу, особенно джихадистские террористические группировки. Все эти акторы, согласно документу, активно конкурируют с США и американскими союзниками и партнерами. Несмотря на различия по характеру и масштабам, эти соперники конкурируют на политической, экономической и военной аренах и используют технологии и информацию для ускорения этих состязаний, чтобы изменить региональный баланс сил в свою пользу. По мнению американской администрации, по сути, это политическое соперничество между теми, кто выступает за репрессивные системы, и теми, кто выступает за свободные общества.

Согласно СНБ 2017 года, Китай и Россия хотят сформировать мир, противоположный американским ценностям и интересам. Китай стремится вытеснить Соединенные Штаты в Индо-Тихоокеанском регионе, расширить сферу действия своей государственной экономической модели и изменить порядок в регионе в свою пользу. Россия стремится восстановить свой статус великой державы и создать сферы влияния вблизи своих границ. Намерения обеих стран, согласно документу, не обязательно совпадают. При этом Соединенные Штаты готовы сотрудничать с обеими странами в областях, представляющих взаимный интерес.

В СНБ Россия прямо обвиняется в том, что считает политику НАТО и ЕС угрозой для своих интересов; укрепляет свои ядерные системы вооружений, которые остаются наиболее значительной экзистенциальной угрозой для Соединенных Штатов; вкладывается в дестабилизирующие кибервозможности, используя модернизированные формы подрывной тактики; вмешивается во внутриполитические дела стран по всему миру. Россия и Китай, по утверждению Белого дома, оспаривают американские геополитические преимущества

и пытаются изменить международный порядок в свою пользу. Более того, согласно СНБ, сегодня Соединенным Штатам добиться сдерживания значительно сложнее, чем во времена холодной войны. Китай и Россия используют американские методы и средства ведения войны, включая киберинструменты. В связи с этим всеобъемлющее сдерживание, по мнению США, должно быть распространено на все эти области и должно отражать все возможные стратегические атаки. Согласно документу, Китай, Россия и другие государственные и негосударственные субъекты признают, что Соединенные Штаты часто рассматривают мир в бинарных терминах, когда государства находятся либо «в состоянии мира», либо «в состоянии войны», в то время как на самом деле это арена постоянной конкуренции.

Китай и Россия направляют свои инвестиции в развивающийся мир, чтобы расширить влияние и получить конкурентные преимущества перед Соединенными Штатами. Китай инвестирует миллиарды долларов в инфраструктуру по всему миру. Россия также проецирует свое влияние экономически, осуществляя контроль над ключевой энергетической и другой инфраструктурой в некоторых частях Европы и Центральной Азии. По сути, взамен китайским и российским инвестициям США предлагают свои активы.

Согласно СНБ 2017 года, Россия использует подрывные меры, чтобы ослабить доверие к приверженности Америки Европе, подорвать трансатлантическое единство и ослабить европейские институты и правительства. Своими «вторжениями в Грузию и Украину» Россия продемонстрировала свою готовность нарушать суверенитет государств региона. Как указывается в американском документе, Россия продолжает свою провальную политику времен холодной войны, поддерживая своих радикальных кубинских союзников, в то время как Куба продолжает репрессировать своих граждан¹ [Буденный, 2018].

В период президентства Д. Трампа, несколько снизившего внешнеполитическую активность и финансовые затраты на международную деятельность Соединенных Штатов, произошел выход Вашингтона из ряда международных договоров. В контексте замедлившихся, но продолжавшихся разработок европейской системы ПРО США в феврале 2019 года сначала заморозили свое участие в Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 года, а в августе 2019 года вышли

¹National security strategy of the United States. Dec. 2017. Washington, DC. URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/strategii_nacionalnoj_bezopasnosti_ssha.pdf

из него. Предлогом были традиционные обвинения России в нарушении данного Договора, в частности, модернизация оперативно-тактической ракеты «Искандер». Денонсация ДРСМД, по сути, сняла последние барьеры для американской стороны в совершенствовании ПРО. Д. Трамп также не собирался продлять действие Договора СНВ-3 под предлогом невозможности полного и достоверного контроля над реальным сокращением вооружений.

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США 2022 ГОДА ПРЕЗИДЕНТА ДЖ. БАЙДЕНА

Пришедший к власти в 2021 году президент США Дж. Байден ограничился в первый год президентства изданием Временного руководства по национальной безопасности и только в октябре 2022 года вышла Стратегия национальной безопасности. Такое затягивание объясняется попыткой отмежеваться от внешнеполитического курса своего предшественника Д. Трампа, против которого были выдвинуты судебные обвинения, и началом СВО России на территории Украины. Вашингтону предстояло выработать Стратегию с учетом серьезных изменений в российской внешней политике на постсоветском пространстве.

В Стратегии национальной безопасности США 2022 года определены два стратегических вызова для Америки. Первый – это окончание эпохи постхолодной войны и начало соперничества между крупными державами. Второй – это глобальные проблемы (климат, продовольственная безопасность, пандемии, терроризм, энергия и инфляция).

Как и в СНБ 2017 года, Россия и Китай объявляются странами с ревизионистской внешней политикой. Россия, в контексте «агрессивной войны против Украины», является угрозой существующей международной системе. США готовы влиять на Россию через страны глобального Юга, с которыми Москва активно налаживает связи¹.

Среди американских глобальных приоритетов Россия стоит на втором месте. КНР представляет собой самый серьезный геополитический вызов Америке. Согласно СНБ 2022 года, Россия угрожает европейской и глобальной безопасности, но ей не хватает тех ресурсов, которые есть у Китая. К 2030-м годам США собираются сдерживать уже две крупные ядерные державы, каждая из которых будет

располагать современными и разнообразными глобальными и региональными ядерными силами.

Согласно СНБ, война на Украине способствует развитию военно-промышленного и оборонного комплекса США и их союзников. И они готовы оказывать в рекордных масштабах весь спектр помощи Украине, включая военную поддержку.

В СНБ 2022 года отмечается сближение Китая и России между собой, но для Вашингтона они представляют разные вызовы. Поэтому Соединенные штаты будут стараться одержать верх в экономической конкуренции с Китаем, а в отношении России традиционно поддерживают политику сдерживания².

КНР, как заявлено в СНБ, обладает всем спектром мощи – военной, технологической, экономической, чтобы изменить мировой порядок.

Россия обвиняется в ведении империалистической внешней политики, нарушающей нормы международного порядка. Россия в тексте СНБ неоднократно обвиняется в развязывании войны на Украине, также в военной помощи Сирии, в разведывательном и кибернетическом влиянии на постсоветские страны и в подрыве демократии в Центральной Азии, Европе, США и во всем мире³.

США с союзниками, согласно СНБ, намереваются в контексте войны на Украине способствовать стратегическому провалу России. Соединенные Штаты будут продолжать поддерживать Украину и поощрять ее региональную интеграцию с Европейским союзом. НАТО и Европейский союз будут противостоять России в защите демократических ценностей. США собираются продолжать санкционную войну с Россией, ограничивая российские стратегические секторы экономики, включая оборону и аэрокосмическую отрасль. Согласно СНБ, Соединенные Штаты будут укреплять возможности НАТО в противостоянии с Россией в контексте политики комплексного сдерживания, включая ядерное⁴.

В СНБ 2022 года, несмотря на общую жесткую риторику и формирование в лице России образа врага, Вашингтон несколько сглаживает острые углы. В СНБ говорится об уважении к российскому народу за его вклад в науку, культуру и конструктивные двусторонние связи и готовности США развивать прагматичное взаимодействие с Россией во взаимовыгодных сферах двусторонних отношений. В целом России наряду с Китаем посвящено достаточно много места в СНБ 2022 года.

¹National security strategy of the United States. Oct. 2022. Washington, DC. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/>

²Там же.

³Там же.

⁴Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концептуально Стратегии национальной безопасности США, сохраняя дух *Pax Americana*, в отношении России претерпели эволюцию от «поощрения» российских демократических реформ в 1990-е годы, от признания России союзником по антитеррористической коалиции в начале 2000-х годов, до постепенного нагнетания обстановки вокруг российской политики на сирийском и украинском направлениях до формирования образа России как ревизионистской страны (наряду с Китаем), проводящей «империалистическую» внешнюю политику, покушающуюся, по мнению Вашингтона, на американоцентричный международный порядок. Стратегические обоснования политики США в отношении России происходили в русле активизации политики Белого дома на постсоветском пространстве вплоть до прямой военной помощи Украине.

Безусловно, концептуальные основы американо-российских отношений зависели и от процесса поиска нашей страной после окончания холодной войны своего места и роли в складывающейся

системе международных отношений; формирования и реализации самостоятельной внешней политики в начале 2000-х годов, осознания себя великой евразийской государством-цивилизацией в период усиления конкуренции великих держав (согласно американской терминологии) и в эпоху революционных перемен (согласно КВП России 2023 года).

Знакомство с доктринальными документами США должно способствовать избавлению России от беспочвенных иллюзий: нет разницы в том, кто находится у власти, будь то представитель демократов (Обама) или республиканцев (Буш). Обама успешно продолжил «дело Буша» по давлению на Россию и точно так же заявляет об избранности Америки. Нобелевский лауреат и миротворец нисколько не сомневается в праве его страны определять, что является, исходя из текущего момента, мировым злом, кто достоин права на существование, а кто – нет. Интересы безраздельного господства США всегда будут довлеть над любым хозяином Овального кабинета в Белом доме независимо от его партийной принадлежности и декларируемых намерений [Белозёров, 2015].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белозёров В. К. Стратегия как политическое явление и понятие // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 368–376.
2. Каширина Т. В. Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружений в американо-советских / российских отношениях в 1969–2010 годах. Воронеж: Научная книга, 2013.
3. Wills G. Bully of the Free World // Foreign Affairs. Vol. 78. No. 2 (March / April 1999). P. 50–59.
4. Каширина Т. В. Российско-американские отношения на современном этапе // Современная наука и инновации. 2016. № 3. С. 261–265.
5. Буденный А. А. Стратегия национальной безопасности Трампа // Вестник науки и образования. 2018. № 1. С. 94–97.
6. Белозеров В. К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. 2015. № 4. С. 19–24.

REFERENCES

1. BelozeroV, V. K. (2023). Strategy as a political phenomenon and concept. Bulletin of the RUDN. Series: Political Science, 25(2), 368–376. (In Russ.)
2. Kashirina, T. V. (2013). The problem of limitation and reduction of strategic weapons in American-Soviet / Russian relations in 1969–2010. Voronezh: Scientific book. (In Russ.)
3. Wills, G. (1999 March / April). Bully of the Free World. Foreign Affairs, 78(2), 50–59.
4. Kashirina, T. V. (2016). The russian-american relations at the present stage. Modern science and innovation, 3, 261–265. (In Russ.)
5. Budyonny, A. A. (2018). Trump's National Security Strategy. Bulletin of Science and Education, 1, 94–97. (In Russ.)
6. BelozeroV, V. K. (2015). The US National Security Strategy as a new manifesto of global hegemony. Vlast', 4, 19–24. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каширина Татьяна Владиславовна

доктор исторических наук, профессор

заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kashirina Tatyana Vladislavovna

Doctor of Historical Sciences, Professor

Head of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia

of the Institute of International Relations and Social-Political Sciences

Moscow State Linguistic University,

Статья поступила в редакцию	29.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.10.2023	approved after reviewing
принята к публикации	26.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 94(97)'1917/1991



Создание новой исторической реальности средствами украинской националистической пропаганды

А. В. Козлов

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
kozlov0170@mail.ru*

Аннотация. Автор публикации раскрывает основные способы и направления формирования новой исторической реальности на Украине, дает определение термину «украинская националистическая пропаганда». Фальсификацию истории Украины (1917–1991) исследователь рассматривает как способ переформатирования украинского общества с целью создания новой системы взглядов населения Украины на исторические явления и процессы.

Ключевые слова: фальсификация истории Украины, создание новой исторической реальности, украинская националистическая пропаганда, Организация украинских националистов, Украинская повстанческая армия, массовый голод на территории Украинской ССР

Для цитирования: Козлов А. В. Создание новой исторической реальности средствами украинской националистической пропаганды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 80–85.

Original article

Shaping a New Historical Reality by the Means of Ukrainian Nationalist Propaganda

Andrey V. Kozlov

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
kozlov0170@mail.ru*

Abstract. The author covers the main ways and directions of shaping a new historical reality in Ukraine, defines the term “Ukrainian nationalist propaganda”. The researcher considers the falsification of the Ukraine’s history (1917–1991) as a way of reformatting Ukrainian society.

Keywords: falsification of the Ukraine’s history, shaping a new historical reality, Ukrainian nationalist propaganda, forces and means of Ukrainian nationalist propaganda, Organization of Ukrainian Nationalists, Ukrainian Insurgent Army, mass famine on the territory of the Ukrainian SSR

For citation: Kozlov, A. V. (2023). Shaping a New Historical Reality by the means of Ukrainian Nationalist Propaganda. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 80–85.

ВВЕДЕНИЕ

Украинская националистическая пропаганда в 2014–2022 годах активно и достаточно эффективно влияла на массовое сознание и общественное мнение граждан Украины. Также в сферу ее информационно-психологического воздействия, как самостоятельные объекты, попадали: население России и население стран – союзниц Украины по антироссийской коалиции. С ее помощью в массовое сознание внедрялась мысль о том, что Россия и Советский Союз всегда являлись оккупантами, а украинские националисты – защитники своего отечества, жертвы тоталитарных режимов Сталина и Гитлера.

ЗАДАЧИ УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (2014–2022)

Под термином «украинская националистическая пропаганда» (УНП) автор понимает распространение массовой информации, эмпатии (чувственной оценки) и интеракции (призыва к действию) с использованием средств массовой коммуникации с целью оказать системное деструктивное воздействие на политическое сознание и общественное мнение объектов коммуникационного воздействия для достижения контроля над мышлением и поведением индивида, социума.

Задачи украинской националистической пропаганды (2014–2022) – актуализация событий истории Украины XX века до уровня идеологического противостояния с Российской Федерацией, цементирование нации, «национальное возрождение», вытравливание всего русского, православного, а значит – ментальное отделение Украины от России.

Антироссийские действия в информационном пространстве на Украине в исследуемый период включали: объявление России врагом; ограничение использования русского языка; исключение русских из списка коренных народов; запрет русскоязычных телеканалов; уничтожение памятников и других символов, связывающих Украину с Россией; борьба с Украинской православной церковью Московского патриархата; переписывание истории, формирование новой исторической реальности. Для решения последней задачи использовались силы и средства украинской националистической пропаганды.

Силы украинской националистической пропаганды включали: общественные организации патриотической и псевдоисторической направленности; государственные организации, учреждения

(например, Украинский институт национальной памяти). Средства УНП: неперiodические издания научного и научно-публицистического характера, учебная литература, традиционные средства массовой информации (СМИ), новые медиа, социальные сети и т. д.

Для создания новой системы взглядов населения Украины на исторические явления и процессы пропагандисты национализма активно использовали весь спектр указанных средств УНП, уделяя особое внимание:

- неперiodическим изданиям научного и научно-популярного характера;
- учебной литературе, созданной на основе «новых исследований».

Доступ российских исследователей к украинской националистической литературе упростился после того, как в ходе специальной военной операции на Украине в библиотеках освобожденных населенных пунктов было найдено большое количество современной научной и научно-популярной, учебной литературы [Гісем, Мартинюк, 2019; Червінський, Обушний, 2012; Яневський, 2013; Голодомор, голокост, ГУЛАГ ... 2014].

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анализ источников позволяет выделить основные направления фальсификации истории Украины (1917–1991). К ним относятся:

- искажение отдельных эпизодов Гражданской войны на Украине (1917–1920);
- показ массового голода 1932–1933 годов и 1946–1947 годов на территории Украинской ССР как явления характерного исключительно для Украины;
- искажение истории советского Крыма;
- фальсификация истории Организации украинских националистов (ОУН)¹;
- искажение истории Украинской повстанческой армии (УПА)² (1939–1953);
- фальсификация истории вооруженного сопротивления силовых структур СССР с вооруженным националистическим подпольем на западе Украины (1939–1953);
- показ «преступлений» Советской власти, правоохранительных органов СССР против видных представителей науки, культуры, активистов диссидентского движения и др.

Включение указанных тем в общественно-политический дискурс позволяет создать иллюзию

¹Деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

²Там же.

исторической правоты и актуализировать ее до уровня ментального противостояния с Россией на современном этапе.

Например, в целях фальсификации истории Украинской повстанческой армии (1943–1953) украинской националистической пропагандой разрабатываются следующие направления:

- фальсификация даты основания Украинской повстанческой армии (УПА);
- расширение круга лиц, состоявших в рядах УПА, по национальному признаку;
- расширение границ деятельности УПА за счет преувеличения масштабов вооруженного подполья в центральных, восточных и южных областях Украины;
- опровержение участия подразделений УПА в карательных операциях против польского населения и др. [Козлов, 2012].

Примером конкретных инструментов фальсификации истории Украины (1917–1991) являются украинские школьные учебники по истории [Власов, 2018]. Именно они призваны внедрять в сознание молодых украинцев исторические мифы, сглаживать неудобные страницы истории прошлого Украины. Прежде всего это касается истории воссоединения двух братских народов (Переяславская рада характеризуется в них как «формально вассальная зависимость»), характеристик нахождения украинцев и украинских земель в составе Российской империи (Украина показана как колония). Все националистические проявления в учебниках показаны как выражение «национального самосознания» и попытки «национального возрождения», а все преступления: Львовские погромы, Волынскую резню, зверства в отношении западных украинцев, не разделявших националистические взгляды земляков, как «советско-немецкие происки» [Сорочинська, Гісем, 2018, с. 230].

Фальсифицировать отдельные страницы истории Украины призвана литература научно-популярного характера. Яркий пример – каталог выставки «Голодомор, холокост, ГУЛАГ – трагедии XX века на украинской земле. Злодеяния тоталитарного режима против народа и человека» [Голодомор, голокост, ГУЛАГ ... 2014]. Издание вышло в свет в Харькове в 2014 году на украинском и английском языках. Сразу обратим внимание, что, по мнению авторов, и голодомор, и холокост – явления присущие исключительно одному и тому же тоталитарному режиму – сталинскому.

Для издания характерны:

- показ эпизодов массового голода в 1930–1940-х годах на территории Украинской ССР как явления, исключительно затронувшего украинские земли;

– заимствование примеров массового голода на Волыни и в Галичине (1932–1933) для иллюстрации голода на территории Советской Украины;

– показ еврейского населения как жертвы двух тоталитарных режимов – сталинского и гитлеровского;

– обвинения СССР в причастности к холокосту и т. д.

В издании опубликована карта, наглядно демонстрирующая уровень смертности населения Украинской ССР от массового голода (1930–1940) [там же]. На ней белым цветом отмечены местности, которые «не пострадали» от голодомора. Это Волынь и Галичина, которые не входили в состав Советской Украины. В то же время широко известно, что на Волыни и в Галичине (1932–1933) бушевал массовый голод.

Галицкие газеты того периода писали: «...[Н]а Прикарпатье население Западной Украины живет в жуткой нищете. В Калушском воеводстве есть села, где от голода вымирают целые семьи»¹. Польская газета «Новый час» сообщала, что на Гуцульщине число голодающих хозяйств в 1932 году достигло 88,6 % [там же]. Все эти факты авторы издания игнорируют, для придания истории голода на территории Украинской ССР исключительного, геноцидального характера.

Аналогичным образом делу переписывания истории служит карта «Сельские выступления 1930 года» [Голодомор ... 2014, с. 32]. На ней цветом наглядно отмечена повстанческая активность на территории Украинской ССР. Однако проигнорирована активность крестьянских восстаний на землях Восточной Польши (в Галичине и на Волыни). Этому авторы не замечают, хотя польские газеты того периода регулярно сообщали о массовых антиправительственных выступлениях голодных крестьян, разгромах ими помещичьих имений.

Для решения задачи по фальсификации истории Украины (1917–1991) используется целый ряд способов:

1. «Новое» прочтение и (или) искажение доступных для изучения архивных источников.

Авторы издания «Голодомор, холокост, ГУЛАГ – трагедии XX века на украинской земле...» используют примеры массового голода на Волыни и Галичине (1932–1933) для иллюстрации голода на территории Советской Украины.

2. Придание нацистским и оуновским газетам, брошюрам, листовкам значения исторических документов.

¹Журавлев П. Кто устроил голодомор на «несоветской» Украине? // Международная жизнь. 23 мая 2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/35330> (дата обращения: 16.09.2023).

Факты, заимствованные из пропагандистских и контрпропагандистских материалов, преподносятся читателям как «открытия», в корне меняющие историю Украины.

Например, «Приказ о депортации украинцев» или приказ № 0078/42 «О ликвидации саботажа на Украине...» – гитлеровская пропагандистская листовка на русском языке, изданная в 1944 году. Ее экземпляр хранится в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины¹. Агитационная листовка сегодня используется как исторический документ, подтверждающий планы И. В. Сталина по депортации всего украинского населения в Сибирь.

Однако подобным контрпропагандистским материалам украинские историки, политики и журналисты оказывают самое высокое доверие.

3. Подмена архивных документов сомнительными фактами из мемуаров, дневниковых записей руководителей Украинской народной республики (1917–1919), участников ОУН и УПА, активистов диссидентского движения.

Под документами и материалами по истории Украины (1917–1991) понимаются мемуары, дневники, публицистические зарисовки и воспоминания. На объективность их авторов рассчитывать не приходится.

4. Подмена архивных документов фактами из публицистических произведений.

Украинский учебник по всемирной истории для 10 класса рассказывает, как об историческом факте, о существовании плана «Гроза», о якобы готовящемся И. В. Сталиным нападении на Германию 6 июля 1941 года. Этот «документ», придуманный В. Резуном, призван внедрять в сознание школьников идею об упреждающем характере гитлеровской агрессии против Советского Союза [Гісем, 2018].

5. Подмена понятий, несущих основную смысловую нагрузку, и исключение альтернативных точек зрения в исследованиях.

Авторы украинских учебников предпринимают попытки уравнивать в глазах молодежи образы советских партизан и националистов [там же].

Применительно к участникам ОУН–УПА используется термин «партизаны», а к Украинской повстанческой армии – «сторона антигитлеровского фронта Второй мировой войны».

Составители учебной литературы избирают приводить цитаты, фокусируя внимание

читателей лишь на точке зрения одной из сторон [Мудрий, Аркуша, 2018].

6. Фальсификация фотоиллюстраций.

Авторы издания «Голодомор, холокост, ГУЛАГ – трагедии XX века на украинской земле...» используют широко известную фотографию львовских погромов 1941 года для иллюстрации раздела о холокосте [Голодомор ... 2014]. Но при этом они забывают упомянуть, что зафиксированное на фотографии изуверство, – это дело рук националистически зараженного галицкого населения. С 30 июня по 2 июля 1941 года открытую расправу над мирными жителями еврейской национальности чинили их соседи – украинцы.

Антироссийские действия украинской националистической пропаганды в информационной сфере подкреплялись активным противодействием российской пропаганде. Анализ доступных украинских источников показывает, что особое внимание украинские пропагандисты уделяли историческим аспектам принадлежности Крыма, истории передачи Крыма Украине, взаимодействию ОУН–УПА с нацистской Германией и др.

Яркий пример, методического инструмента фальсификации – брошюра «21 миф кремлевской пропаганды»². В ней в пропагандистских целях даются ответы на неудобные украинской стороне вопросы истории и современности Украины. Ее авторы пытаются аргументировано, на «научной основе» доказать, что Крым никогда не был российским, а Хрущев не дарил его Украине, что решение о передаче Крыма в состав Украинской ССР было должным образом законодательно оформлено и т. д.

Отсюда вытекает, что на современном этапе перечисленным выше болезненным для украинской националистической пропаганды темам российской стороной должно уделяться особое внимание в ходе информационно-психологического противоборства. Именно под них должны быть разработаны и проведены информационнокоммуникационные кампании уполномоченными органами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в 2014–2022 годах украинская националистическая пропаганда активно формировала новую историческую реальность в целях создания новой системы взглядов населения Украины на исторические явления и процессы.

¹Центральний державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ. – Прим. авт.

²21 міф кремлівської пропаганди // Брошура на українському мові без вихідних даних. Передположително видана в кінці 2014 г. или в 2015 г. 14 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гісем О. В., Мартинюк О. О. Всесвітня історія (профільний рівень) підручник для 11 класу закладів загальної середньої освіти. Харків, 2019.
2. Червінський В. І., Обушний М. І. Історія України: Джерельний літопис. 2012.
3. Яневський Д. Проект «Україна»: Жертва УПА, місія Романа Шухевича. Харків, 2013.
4. Голодомор, голокост, ГУЛАГ – трагедії ХХ століття на українській землі. Злодіяння тоталітарного режиму проти народу і людини. Харків, 2014.
5. Козлов А. В. Адвокаты дьявола. История вооруженного националистического подполья на Западной Украине в 40–50-х годах ХХ века: основные способы и направления фальсификации. 2-е изд., доп. М., 2012. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48035178> (дата обращения: 14.10.2023).
6. Власов В. С. Вступ до історії: підручник для 5-го класу. Київ: Генеза, 2018.
7. Сорочинська Н. М., Гісем О. О. Всесвітня історія [рівень стандарту]: підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2018.
8. Гісем О. В. Історія: Україна і світ: підручник для 10 класу. Харків: Ранок, 2018.
9. Мудрий М. М., Аркуша О. Г. Історія: Україна і світ: підручник для 10 класу. Київ: Генеза, 2018.

REFERENCES

1. Gisem, O. V., Martyniuk, O. O. (2019). Vsesvitnia istoriia (profilnyi riven) pidruchnyk dlia 11 klasu zakladiv zahalnoi serednoi osvity = World History (profile level) textbook for grade 11 of general secondary education institutions. Kharkiv.
2. Chervynskiy, V. I., Obushnyi, M. I. (2012). History of Ukraine: Source chronicle = History of Ukraine: Source chronicle.
3. Yanevsky, D. (2013). Proekt «Ukraina»: Zhertva UPA, misiia Romana Shukhevycha = Project "Ukraine": The Victim of the UPA, the Mission of Roman Shukhevych. Kharkiv.
4. Holodomor, holokost, HULAH – trahedii KhKh stolittia na ukrainskii zemli. Zlodiannia totalitarnoho rezhymu proty narodu i liudyny = Holodomor, Holocaust, Gulag – tragedies of the twentieth century on Ukrainian soil (2014). The crimes of the totalitarian regime against the people and the individual. Kharkiv.
5. Kozlov, A. V. (2012). Advokaty diavola. Ystoryia vooruzhennoho natsionalystycheskoho podpolia na Zapadnoi Ukrainy v 40–50-kh hodakh KhKh veka: osnovnye sposoby y napravleniya falsyfykatsyy = Devil's Advocates. History of the armed nationalist underground in Western Ukraine in the 40-50s of the twentieth century: the main ways and directions of falsification. 2nd edition, supplemented. Moscow. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48035178> (date of reference: 14.10.2023).
6. Vlasov, V. S. (2018). Vstup do istorii: pidruchnyk dlia 5-ho klasu = Introduction to history: a textbook for the 5th grade. Kyiv: Genesis.
7. Sorochynska, N. M., Gisem, O. O. (2018). Vsesvitnia istoriia [riven standartu]: pidruchnyk dlia 10 klasu zakladiv zahalnoi serednoi osvity = World History [standard level]: textbook for 10th grade of general secondary education. Ternopil: Educational book – Bogdan.
8. Gisem, O. V. (2018). Historiia: Ukraina i svit: pidruchnyk dlia 10 klasu = History: Ukraine and the World: a textbook for the 10th grade. Kharkiv: Morning.
9. Mudryy, M. M., Arkusha, O. G. (2018). Istorya: Ukraina i svit: pidruchnyk dlia 10 klasu = History: Ukraine and the World: a textbook for the 10th grade. Kyiv: Genesis.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлов Андрей Валерьевич

доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью
Института журналистики, коммуникации и медиаобразования
Московского педагогического государственного университета
профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса
Финансового университета при Правительстве РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozlov Andrey Valeryevich

Doctor of History (Dr. habil), Professor.

Head of the Department of Communication Management, Advertising and Public Relations
of the Institute of Journalism, Communication and Media Education
of the Moscow Pedagogical State University

Professor of the Department of Mass Communication and Media Business
of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	25.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.10.2023	approved after reviewing
принята к публикации	25.10.2023	accepted for publication



Генезис и перспективы языковой политики Испании

М. В. Пупышева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
pupysheva.maria@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется история развития языковой политики Испании с момента распада империи и отделения колоний. На основании материалов российских и зарубежных исследователей, а также статей в СМИ описывается три концепции объединения испаноязычных наций: испаноамериканизм, паниспанизм, испанидад, легшие в основу современной испанофонии. Анализируется современное состояние испанской языковой политики как внутренней, так и внешней и даются ее основные характеристики.

Ключевые слова: испаноамериканизм, паниспанизм, испанидад, испанофония, языковая политика Испании

Для цитирования: Пупышева М. В. Генезис и перспективы языковой политики Испании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 4 (853). С. 86–94.

Original article

Genesis and Prospectives of the Spanish Language Policy

Maria V. Pupysheva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
pupysheva.maria@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the history of the development of the Spanish language policy since the collapse of the empire and the separation of the colonies. Based on the materials of Russian and foreign researchers, as well as mass media articles, three concepts of the unification of Hispanic nations are described: Hispanoamericanism, Panhispanism, Hispanidad, which formed the basis of modern Hispanophony. The author analyzes the current state of the Spanish language policy, both domestic and foreign, and derive its main characteristics.

Keywords: Hispanoamericanism, Panhispanism, Hispanidad, Hispanophony, Spanish language policy

For citation: Pupysheva, M. V. (2023). Genesis and Prospectives of the Spanish Language Policy. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 86–94.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших дат в истории современной Испании является принятие Конституции в 1978 году. После смерти Франко новая администрация должна была найти ответ на болезненный вопрос об отказе от определения Испании как национального государства и найти приемлемую для всего населения страны модель административной организации. В 1978 году появилось государство автономий, уникальная политическая структура которого должна была удовлетворить, с одной стороны, требования к культурному и политическому единству Испании, с другой – требования автономности каталонских, галисийских и баскских националистов. Несмотря на Статью 3 Конституции, закрепляющую статус языков¹, собственные Статуты автономий и законы об языковой нормализации в некоторых автономных сообществах, споры о лингвистической политике происходят до сих пор: от тревоги из-за исчезновения из бытового обихода баскского до роли, которую играют говорящие куклы в развитии или забвении языка (*La Voz de Galicia*, 05.01.2007). Актуальность и политическая значимость этого вопроса несомненна, что подтверждается интересом как исследователей, так и представителей прессы [La lengua, 2007].

Анализ политического измерения данного феномена показывает смещение фокуса культурной и языковой политики с внутренней на внешнюю политику, связанное с реформами 1970-х годов, завершившими так называемую эпоху перехода. Новые стратегии разрабатывались на основе растущего участия Мадрида в основных международных форумах (в особенности в обсуждении проектов региональной интеграции) и борьбы за закрепление в глобальных стоимостных цепочках.

Радикальные изменения в политической системе страны, ее культурной и экономической деятельности, рост международного престижа не могли не повлиять на языковую политику: модернизация страны и стремление Мадрида и испанских ТНК играть более важную роль на мировой арене рождало новые лингвистические стратегии. Каталонские, галисийские и баскские националисты стремились к принятию населением соответствующих сообществ в качестве отдельных наций, узаконив, таким образом, автономное самоуправление при помощи языка: приоритетность использования каталонского, галисийского или баскского в административных учреждениях, в системе образования, СМИ и во всех сферах общественной жизни, закрепление языка в качестве национального символа,

а также утверждение языковых практик, отличающих «настоящих» граждан (каталонцев, галисийцев или басков соответственно) от обычных испанцев. В то же время столичное правительство и его лингвистические институты ощутили необходимость в создании привлекательного образа испанского языка как представителя Испании и Иberoамерики, который поддерживал бы планы модернизации, экономического роста и расширения политического влияния страны на мировом рынке, а также усилия по построению нации внутри границ.

ЗАРОЖДЕНИЕ ОБЩНОСТИ: ПАНИСПАНИЗМ

Усилия, предпринимаемые Мадридом для создания идентичности, общей с бывшими колониями, в особенности на американском континенте, восходят к концу XIX – началу XX века и могут быть отождествлены с культурной политикой испанизма или испаноамериканизма.

Окончание войн за независимость (в основном относящимся ко второму десятилетию XIX века) дало толчок напряженным переговорам о будущем языка (появятся ли на американском континенте новые), о его статусе (сможет ли он представлять единую ибероамериканскую культуру), об институтах, его контролирующих (будут ли латиноамериканские институты подчиняться Королевской академии). На решение данных вопросов повлияло два противоположно направленных вектора: с одной стороны привилегированное положение Испании как лидера языковой политики пошатнулось не только из-за распада империи, но и из-за связанного с ним падением имиджа метрополии, с другой – креольская элита понимала политическую ценность испанского языка и необходимость контроля над ним. Утрата колоний стимулировала в испанском обществе размышления о природе и стратегической ценности связей с Латинской Америкой, что привело к активизации дипломатической деятельности и к формированию идеологии, основанной на идее того, что культура испаноязычных народов по существу своему является испанской. Данная идеология стремилась к укреплению единства и развитию испаноамериканской общности, существующей на культурном, экономическом и политическом уровнях. Главный исследователь испанизма Исидро Сепульведа определил его как «основу для построения – и даже как свидетельство существования – испанского господства над обществами континента, которая может быть использована в качестве инструмента для создания престижной внешней политики, которая восстановила бы международную ценность Испании» [Sepúlveda, 2005, с. 22].

¹Constitución Española.

URL: [https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)/con)

В начале XX века испаноамериканизм состоял из двух отдельных направлений: так называемого «прогрессивного» и «консервативного» или паниспанизма. Получивший большую популярность паниспанизм рассматривал общность Испании с Латинской Америкой с точки зрения духовного объединения на базе единой религии – католичества. Термин был введен священником Закариасом де Вискаррой для обозначения «набора качеств, которые отличают носителей испанской крови и культуры от остальных народов мира» (*La lectura dominical*, 07.12.1929). Последователи этого течения подчеркивали великое колониальное прошлое Испании, значимость католической веры в объединении Испаноамерики, а также политическую нейтральность движения.

Трансатлантическое единство воспринималось среди влиятельных людей того времени как стратегическая ценность для Испании, поскольку оно защищало ее интересы в Латинской Америке, противодействуя влиянию таких стран, как Великобритания, Франция и, особенно, США. Основной целью паниспанизма становится создание единой федерации испаноамериканских государств в качестве ответа на североамериканскую политику (основанную доктрины Монро) и европеизм (провозглашавший превосходство французской культуры и требующий от испанских колоний отказаться от испанского языка для выхода на мировую арену). Сторонники данной политики были убеждены, что совокупное влияние всех ее членов больше, чем просто сумма влияния каждой из стран по отдельности за счет синергетического эффекта [Sepúlveda, 2005]. Означенное коллективное убеждение ляжет в основу испанофонии.

Ключевым моментом в развитии паниспанизма стало создание в 1885 году Ибероамериканского Союза. Согласно уставу, ассоциация должна была «укрепить привязанность, политические, социальные, экономические, научные и художественные отношения между Испанией, Португалией и американскими нациями, а также обеспечить самое сердечное взаимопонимание между этими братскими народами» [Unión Ibero-Americana, 1893, с. 5]. С этой целью поощрялось подписание торговых договоров, обмен интеллектуальной и промышленной собственностью, развитие единого гражданского и уголовного законодательства, взаимное признание образования, снижение почтовых и телеграфных тарифов. Как видно из устава, деятельность Союза была сосредоточена на экономических связях, согласно представлению о том, что Латинская Америка является естественным рынком для экспансии Испании [Valle, 2011].

Данный тезис будет использоваться на официальном уровне вплоть до начала XXI века.

Основа концепции испанофонии, определившая в свое время паниспанизм, идея о ценности и необходимости защиты единства испаноязычного общества, отчасти возникла в качестве ответа на популяризацию центробежных настроений, которые на протяжении XIX века бросали вызов построению испанской нации. С одной стороны, это угроза территориальной целостности страны, которую представляли зарождающиеся националистические движения в Каталонии, Стране Басков и Галисии, с другой – существенное снижение влияния, с которым Мадрид столкнулся после потери своих колоний. Последние, в свою очередь, также столкнулись с необходимостью нациестроительства, учитывающего культурную, языковую и социальную специфику конкретных территорий, необходимых для противостояния США. В данной ситуации паниспанизм предлагал, во-первых, утверждение и принятие национальной идентичности, во-вторых, единое культурное поле (и рынок), делающее возможным частичное сохранение колониальных привилегий.

Паниспанизм преследовал глобальную цель: построить сообщество на руинах империи, при этом по возможности избавившись от имперских коннотаций данного действия. Объединение было заявлено как воссоединение великой испанской семьи, а происхождение, религия, обычаи и язык – как основные элементы идентичности. По мере модернизации паниспанизма язык приобретал все большее значение, поскольку религия и обычаи были более чувствительны к идеологическим расхождениям из-за отличия в восприятии общей у колоний и метрополии истории. Язык же есть воплощение общественных ценностей, выражение этнической идентичности. Он является рабочим инструментом государства. Вне зависимости от религиозной принадлежности или локальных обычаев люди по обе стороны Атлантического океана просматривали одни и те же газеты, читали одни и те же книги.

Панспанизм способствовал сплочению испанского общества внутри страны, став одной из осей национализма. Если ранее испанские деятели предлагали консолидацию национального рынка на основе предполагаемой общей культуры, то паниспанизм предложил концепцию расширения означенного рынка на аффективной основе. Каталонская буржуазия, активные сторонники признания независимости латиноамериканских стран, была заинтересована в развитии торговли, появлении новых портов для разгрузки товаров и преференций, дешевой рабочей силы. Наиболее эффективным методом для этого стало

использование принадлежности к одной и той же культурной общности [Sepúlveda, 1994].

ИСПАНИДАД КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Концепция испанидад, зародившись в начале XIX века, претерпела наибольшие изменения по мере своего развития, в зависимости от автора, времени или континента. В качестве раннего выражения консервативных течений она была частью паниспанизма, поддерживая идею противостояния стран Латинской Америки влиянию США и Франции, превознося испанское колониальное прошлое, защищая и возвышая католицизм и традиционный иерархический социальный порядок, основанный на римском праве. Благодаря Марселино Менендей Пелайо испанидад становится одним из наиболее узнаваемых проявлений испанского консерватизма, основанного на национал-католицизме¹ и идее единства через веру. Последователи испанидад утверждали, что все, кто не поддерживает их идеи, были подвержены иностранному влиянию, а потому стали «антииспанцами»: такую концепцию поднимут на щит сначала мятежники во время гражданской войны, а в последствии – режим Франко и современная ультраправая партия Vox. Официальным это видение станет впервые во время диктатуры Примо де Риверы и проявится в работах таких авторов, как Рамиро де Маэсту. По мнению первого из испанских диктаторов XX века Мигеля Примо де Ривера, страна должна была «претендовать на место духовного лидера испанского мира» и «стремиться к объединению культуры, экономических и политических интересов» [Marcilhacy, 2014, с. 78]. По мнению сторонников испанидад, доминирование на политической арене объединенного испаноязычного мира должно было спасти Европу от кризиса ценностей и идеологий, так как именно он обладал национальным, культурным и духовным превосходством.

С другой стороны, на американском континенте в начале XX века происходило свое осмысление испанской традиции. Яркими представителями латиноамериканской мысли считаются никарагуаец Рубен Дарио и уругваец Хове Энрике Родо, а также испанец и космополит Мигель де Унамуну. В отличие от имперской испанидад, описанной выше, в данном случае концепция включает в себя все политически и этнически различные нации и народы,

объединяя их на основе общего языка и культуры. Поздний Унамуну отказывается от исключительно языкового измерения, характеризуя испанидад как совокупность духовных качеств и особую философию испаноязычных народов, существующую в противовес англосаксонскому миру, «другому, цивилизаторскому, индивидуалистическому, материалистическому и либеральному» [Aranda, Escribano, Riquelme, 2020, с. 3427].

В 20-е годы XX века концепция испанидад приобретает отчетливый реакционный оттенок, основываясь на противостоянии духовности «англосаксонскому либерализму и марксистскому материализму» [Sepúlveda, 2005, с. 163]. В 1926 году баскский священник Закариас де Вискаarra, живший в Буэнос-Айресе, предложил Королевской академии переименовать день открытия Америки из «Дня расы» в «День испанидад», утверждая, что этот шаг оставит позади расовые различия и объединит народы на основе католицизма, порядка и традиций (*La lectura dominical*, 07.12.1929).

В период диктатуры Примо де Ривера в Испании (1923–1930) испанидад приобретает политическое измерение и становится основой внешней политики страны. Испания пользуется своим статусом метрополии для закрепления привилегированных отношений со странами Латинской Америки.

Одной из ключевых фигур в развитии идеи испанидад является Рамиро де Маэсту, посол Испании в Аргентине и знакомый де Вискаrrы. Именно он популяризировал термин «испанидад» посредством публикаций в журнале *Acción Española*, близких к Фаланге, а также статье «В защиту испанидад» [Ягодкин, 2018], которая имела большое влияние накануне Гражданской войны и становления франкистской Испании. У де Маэсту испанидад обретает фашистские черты, будучи построена как националистическая, католическая и глубоко антилиберальная концепция, выстроенная на контрасте с рационализмом, свойственным англосаксонскому миру. Распространение этой концепции среди правых движений в странах ЛАК происходило в 30-е годы XX века, где она использовалась в качестве метода интеграции низших слоев населения (индейцев и африканцев) в рамках жесткого иерархического социального порядка при помощи религии. Привязка к католицизму придает испанскому национализму отличительные черты [Коваль, 2022].

Испанидад сыграла важную роль в Гражданской войне, поскольку стала идеологией мятежной стороны, воспринимавшей свои действия как «крестовый поход» против коммунизма. Во время режима Франко данная концепция стала официальной государственной философией

¹Sanahuja J. A., López Burian C. Hispanidad e Iberosfera: antiglobalismo, internacionalismo reaccionario y ultraderecha neopatriota en Iberoamérica // Documentos de trabajo (Fundación Carolina). 2022. № 69.

и основой латиноамериканского вектора внешней политики, что отражается в создании Совета испанской культуры (1940) и Института испанской культуры (1945). Он действовал вплоть до перехода к демократии. Институционализация испанидад и оформление как политической доктрины во многом принадлежат мининделу Альберто Мартину-Артахо и его работе «На пути к испанскому сообществу наций» [Martín-Artajo, 1956]. В тот период Институт испанской культуры развивал активную политику культурно-образовательного сотрудничества, которая в условиях международной изоляции страны выполняла функции легитимизации власти. В 1979 году на смену пришел Институт ибероамериканского сотрудничества (ICI), с которого началась современная политика сотрудничества в истории демократической Испании. ICI стал основой для Испанского агентства по международному сотрудничеству в целях развития (AECID), действующего по сей день.

Испаноамериканизм, паниспанизм, а впоследствии и испанидад, будучи составляющими официальной лингвистической политики Испании в разные исторические периоды, стали базой для укрепления единой цивилизационной общности, поскольку были основаны на идее о том, что общая культура, воплощенная в испанском языке, существовала и по обе стороны Атлантического океана. Она составила основу единого политического и экономического образования, что в дальнейшем получила название – испанофония.

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК: ЕДИНЕНИЕ, УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ, ПРИБЫЛЬНОСТЬ

На протяжении большей части XIX и XX веков способность Мадрида к претворению в жизнь идеи превосходства своей культуры была ограничена: с одной стороны, идеи испаноамериканизма, зачастую высказываемые с позиции превосходства метрополии над колониями, воспринимались с ожидаемым скептицизмом [The battle over Spanish between ... 2002], с другой стороны, политическая и экономическая ситуации внутри страны ограничивали способность испанского правительства выделять ресурсы, необходимые для поддержания подобной риторики. Однако в конце 80-х годов XX века облик и привлекательность Испании резко меняются в связи с появлением новых экономических и культурных условий, среди которых, как уже упоминалось, были вхождение в НАТО и ЕС, «экономическое чудо» и распространение по странам ЛАК корпораций, основанных на испанском капитале.

Именно в этих новых условиях испанское правительство в сотрудничестве с крупнейшими представителями делового сектора (Telefónica, Iberdrola, Repsol, Grupo PRISA, Santander, BBVA), а также при участии культурных, бизнес и политических сообществ в Латинской Америке мобилизовали лингвистические и культурные институты (в частности, Ассоциацию академий испанского языка и Институт Сервантеса) для продвижения идей испанофонии и, с ее помощью, концептуализации испаноязычного сообщества и создания рынка, в котором присутствие испанского капитала воспринималось как естественное. Для претворения в жизнь данной инициативы требовалось сначала избавить образ Испании от неудобных ассоциаций, связанных с ее имперским прошлым, которые иногда появлялись в официальной риторике. Например, в 1991 году Мануэль Альвар, видный филолог и директор Королевской академии испанского языка все еще рассматривал испанофонию как цивилизаторскую миссию¹. Спустя десять лет на II Международном конгрессе испанского языка колониальный дискурс зазвучал вновь², однако уже в более мягкой форме.

Культурная и психологическая близость, основанная на единстве языка и, частично, исторического наследия, является базой испанофонии. Однако, как указывает Касильда Бехар, данная политика изначально несет в себе внутренний идеологический разлом, а потому единство нуждается в постоянном подкреплении. Учитывая изначальную хрупкость испанофонии, крупнейшие испанские акторы спонсируют языковые и культурные институты, чтобы гарантировать, что присутствие испанского капитала в странах ЛАК будет восприниматься не как современная глобализованная версия прежнего колониального режима, а как естественный и законный процесс³.

К началу XXI века акторы, отвечающие за языковую политику Испании, вышли за рамки простой разработки образовательного стандарта, сосредоточившись на сохранении единства языка как гарантии лояльности испаноговорящего сообщества к языковым нормам и институтам, их определяющим, а также на международном продвижении испанского языка. Оно позволяет эксплуатировать интерес к стране вследствие туристического бума.

¹«...Ценность языка, который объединяет и освобождает коренные народы от страданий и отсталости. <...> Дорога к свободе проходит через испанизацию» [Alvar, 1991, с. 17–18].

²«Необычайное положение, достигнутое на этом континенте, стало возможным благодаря уникальному союзнику – языку. Он – причина нашей культурной, психологической и эмоциональной близости» [Casilda Béjar, URL].

³ABC 31.12.2006; El País, 24.07.1995.

Можно утверждать, что Королевской академией и Институтом Сервантеса было разработано видение испанского языка и его роли в Испании в испаноязычном сообществе и в мире, а также предусмотрены инструменты для его распространения и закрепления. Другими словами, была создана языковая идеология как система представлений о коллективной идентичности (испанской и латиноамериканской) на основе единого языка. Ее развитие зависит, в первую очередь, от политического и экономического развития Испании. Данная идеология получила название испанофонии [Блинова, 2009].

Анализируя образ испанского языка следует отметить, что он описывается не просто как инструмент коммуникации, а как язык общения, обеспечивающий продуктивный диалог и гармоничное сосуществование людей, обладающих общей родиной. Представление об испанском языке как месте встречи двух миров является краеугольным для развития испанофонии, что подтверждается изменением политики Королевской академии испанского языка, включившей регионализмы в свои словари, а также Института Сервантеса, добавившего латиноамериканские материалы в экзамены DELE. Защита языкового единства рассматривается не через утверждение единообразия, а через принятие «внутреннего разнообразия» или «внутренних разновидностей» [Asociación de Academias de la Lengua Española ... 2004, с. 3].

Вторая идея, формирующая образ испанского языка в рамках языковой политики, основывается на его глобальной природе. Она базируется не только на факте его доминирования в латиноамериканских странах, но, что особенно важно, на способности испанского к расширению ареала присутствия, что демонстрирует постепенная испанизация Бразилии или США, а также популяризация изучения испанского в качестве иностранного в сфере образования разных стран, включая Россию [Торрес Эрнандес, 2021]. Несмотря на милитаристский тон и некоторую эйфорию, свойственную государственной пропаганде языка, расширение ареала присутствия языка оправдывается его универсальностью, отражением в нем богатого культурно-исторического и духовного наследия.

Главной целью данного лингвокультурного проекта является создание языка «широкого потребления», популярность которого на мировых рынках будет расти благодаря большому количеству говорящих на нем и важности рынков, к которым он открывает доступ. Для реализации вышеперечисленного необходима организация инфраструктуры по производству, логистике

и сбыту языка как товара, что входит в компетенции Института Сервантеса. Последний разрабатывает учебные материалы и образовательные программы, открывает языковые центры, проводит сертификацию владения испанским языком, предлагает образовательные и лингвистические услуги государственным и частным учреждениям [Торрес Эрнандес, 2021]. Эта деятельность ИС в силу его зависимости от Министерства иностранных дел напрямую коррелирует с политикой испанского правительства и реализуется в защиту интересов страны.

Третий важный аспект распространения испанского языка – экономический. Согласно данным Атласа испанского языка в мире [Atlas de la lengua española ... 2016], покупательская способность латиноамериканских стран составляет 9% от мирового ВВП. Экономический вес испанского (на основании комплексного анализа таких показателей, как количество носителей, индекс человеческого развития, объем экспорта испаноговорящих стран и т. д.) ставит его в качестве второго по важности языка на международной арене. Еще один показатель, который следует учитывать при измерении экономического веса испанского языка, является его влияние на международную торговлю. В целом факт использования контрагентами одного языка удваивает объем двусторонней торговли между странами, однако в случае с испанским языком экспорт увеличивается в четыре раза [Alonso, García Delgado, Jiménez, 2015].

Одной из целей испанофонии является выявление и упорядочение факторов, влияющих на потенциал испанского языка как продукта, обладающего культурным и имиджевым капиталом, создающим спрос среди иностранцев, делающим производство *made in Spain* привлекательным, а также как основы для узаконивания испанских инвестиций в латиноамериканский рынок и для вмешательства Мадрида в политику данных стран.

Таким образом, акторы лингвистической политики выделили три фундаментальных аспекта испанского языка: единение (испанский как язык коммуникации), универсальность (испанский как глобальный язык) и прибыльность (испанский как экономический ресурс). В совокупности эти аспекты определяют ценность языка как политического ресурса, а также служат для легитимизации лингвистической политики Мадрида сразу на нескольких уровнях: внутри страны (для создания единой испанской нации), ибероамериканского сообщества (как объединяющий элемент), на международном рынке (отвоевываая территории французского и немецкого).

В настоящее время предполагается, что испанский, будучи популярным языком, не просто является инструментом для диалога, но обеспечивает универсальное понимание и создание сообщества, характеризующегося своим «единением», в результате чего создаются условия для эффективной политической коммуникации [Белозёров, 2020]. В официальном дискурсе испанский язык связывается с более высокой ценностью, чем просто полезность или экономическая прибыльность, а также с моральными и гражданскими ценностями¹. В частности, Фернандо Ласаро Каррертер, бывший директор Королевской академии испанского языка, утверждал, что «язык – важнейший инструмент демократии»². Таким образом, акцент делается не только на утилитарных свойствах языка и его полезности, но и на его связи с непреходящими универсальными ценностями, такими как единение или демократия, которые должны разделяться всеми членами западного мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сосуществование испанского языка с другими на территории Испании создает напряжение во внутренней политике страны. Языковая политика автономных сообществ в отношении их языков основывается на идее угрозы родному языку со стороны заимствованного, «инострannого» испанского, даже если на нем говорит большинство населения сообщества уже несколько поколений. Отчасти как ответ на агрессивную региональную политику следует рассматривать и развитие паниспанизма, испанидад и, на сегодняшний день, испанофонии. На политической арене, в рамках институционализации «малых» языков (в недавнее время – каталонского) националистическими

партиями с целью поставить под сомнение национальную целостность Испании, испанскому языку создается образ символа согласия, демократии, экономического прогресса, инструмента испаноязычного сообщества.

С другой стороны, отношения с Латинской Америкой остаются одним из направлений, определяющих политику Мадрида. Возвращение испанского присутствия после падения режима Франко на территории бывших колоний привело к «перезагрузке» испаноамериканского движения, возвращению к концепции общности интересов, основанной на существовании культурной и духовной близости под новым названием испанофония. Путь развития данной концепции непрост, поскольку ибероамериканское сообщество, каким бы гармоничным и сплоченным оно не стремилось бы быть, несет в себе груз завоеваний, колонизации и цивилизаторства, которые лежат в основе его возникновения. Для некоторых этот исторический балласт не имеет значения в настоящее время, особенно в сравнении с тем, что может принести сотрудничество в рамках сообщества³. Другие же видят в нем краеугольный камень, мешающий построению взаимопользных культурных, экономических и политических проектов⁴.

Современная испанофония, наследуя все противоречия предыдущих концепций, представляет собой сложное явление, сталкивающееся с различными взглядами на отношения между ее членами в прошлом, настоящем и будущем. Ее окончательное становление зависит от языковой политики Мадрида и ее институтам, а также от того, сможет ли философия единения, универсальности и прибыльности испанского языка утвердиться на американском континенте.

¹«Не может быть большей гармонии, чем диалог, понимание, уважение и мир, и фундаментальным, важным инструментом является язык, а субъектами, которые представляют язык с официальной позиции, являются академии» (El País 07/09/2000).

²El País, 21.01.2003.

³«Несмотря на свои разногласия и слабости Ибероамериканское сообщество консолидируется» (El País, 25.03.2023).

⁴«Большинство мексиканцев требуют, чтобы Испания извинилась за завоевание» (El Diario, 27.03.2023), «Вок: Завоевание Америки – лучшее, что когда-либо делала любая нация» (El Comercial, 10.10.2021) и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. La lengua, ¿patria común? Ideas e ideologías del español / J. Valle del (ed.). Madrid: Iberoamericana Vervuert, 2007.
2. Sepúlveda I. El sueño de la Madre Patria. Hispanoamericanismo y nacionalismo. Madrid: Marcial Pons, 2005.
3. Unión Íbero-Americana. Estatutos y reglamento con la reforma de 23 de diciembre de 1892. Madrid: Fortanet, 1893.
4. Valle J. del Panhispanismo e hispanofonía: breve historia de dos ideologías siamesas // Sociolinguistic Studies. 2011. № 5(3). P. 465–484.
5. Sepúlveda I. Comunidad cultural e hispano-americanismo, 1885–1936. Madrid: UNED, 1994.
6. Marcihacy D. La Hispanidad bajo el franquismo: El americanismo al servicio de un proyecto nacionalista // Imaginarios y representaciones de España durante el franquismo. Madrid: Casa de Velázquez, 2014. C. 73–102.

7. Aranda G., Escribano R., Riquelme J. Hispanidad e Hispanosfera: Raices y actualizaciones de post Guerra Fria" // Revista Izquierdas. 2020. № 49. С. 3422–3447
8. Ягодкин А. А. Латинская Америка в судьбе и творчестве Рамиро де Маэсту // Латинская Америка. 2018. № 3. С. 75–85.
9. Коваль Т. Б. Национал-католицизм: основные идеи и практические результаты // Латиноамериканский исторический альманах. 2022. № 35. С. 236–254.
10. Martín-Artajo A. Hacia una comunidad hispánica de naciones. Madrid: Cultura Hispánica, 1956.
11. The battle over Spanish between 1800 and 2000: language ideologies and Hispanic intellectuals / J. Valle del, Gabriel-Stheeman L. (eds.). London ; New York: Routledge, 2002.
12. Alvar M. El español de las dos orillas. Madrid: Mapfre, 1991.
13. Casilda Béjar R. Una década de inversiones españolas en América Latina (1990–2000): El idioma como ventaja competitiva // Instituto Cervantes. URL: http://cvc.cervantes.es/obref/congresos/valladolid/ponencias/activo_del_espanol/1_la_industria_del_espanol/casilda_r.htm
14. Блинова Н. В. Лингвистическое измерение мировой политики: испанофония в контексте глобализации: автореф. дис. ... канд. пол. наук. Санкт-Петербург, 2009.
15. Asociación de Academias de la Lengua Española. La nueva política lingüística panhispánica. Madrid: Real Academia Española, 2004.
16. Торрес Эрнандес Х. Эволюция и перспективы испанского языка в российской школьной системе // Ибероамериканские тетради. 2021. № 9 (2). С. 110–124.
17. Atlas de la lengua española en el mundo / Moreno Fernández F., Otero Roth J. (eds.). Madrid: Fundación Telefónica, 2016.
18. Alonso J. A., García Delgado J. L., Jiménez J. C. Lengua, empresa y mercado: ¿ha ayudado el español a la internacionalización? Barcelona: Ariel, 2015.
19. Белозёров В. К. Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 177–194. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

REFERENCES

1. Valle, J. del (ed.) (2007). La lengua, ¿patria común? Ideas e ideologías del español Madrid: Iberoamericana Vervuert.
2. Sepúlveda, I. (2005) El sueño de la Madre Patria. Hispanoamericanismo y nacionalismo. Madrid: Marcial Pons.
3. Unión Íbero-Americana. Estatutos y reglamento con la reforma de 23 de diciembre de 1892. (1893). Madrid: Fortanet.
4. Valle, J. del. (2011). Panhispanismo e hispanofonía: breve historia de dos ideologías siamesas. Sociolinguistic Studies, 5(3), 465–484.
5. Sepúlveda, I. (1994) Comunidad cultural e hispano-americanismo, 1885–1936. Madrid: UNED.
6. Marcihacy, D. (2014). La Hispanidad bajo el franquismo: El americanismo al servicio de un proyecto nacionalista. Imaginarios y representaciones de España durante el franquismo. Madrid: Casa de Velázquez, 73–102.
7. Aranda, G., Escribano, R., Riquelme, J. (2020). Hispanidad e Hispanosfera: Raices y actualizaciones de post Guerra Fria". Revista Izquierdas, 49, 3422–3447.
8. Yagodkin, A. A. (2018). Latin America in destiny and creativity of the Spanish intellectual Ramiro de Maeztu. Latin America, 3, 75–85 (in Russ.)
9. Koval, T. B. (2022). National Catholicism: ideas and practical results. Latin American Historical Almanac, 35, 236–254. (in Russ.)
10. Martín-Artajo, A. (1956). Hacia una comunidad hispánica de naciones. Madrid: Cultura Hispánica.
11. Valle J. del, Gabriel-Stheeman L. (eds.) (2002). The battle over Spanish between 1800 and 2000: language ideologies and Hispanic intellectuals. London ; New York: Routledge.
12. Alvar, M. (1991). El español de las dos orillas. Madrid: Mapfre.
13. Casilda Béjar, R. Una década de inversiones españolas en América Latina (1990–2000): El idioma como ventaja competitiva. Instituto Cervantes. http://cvc.cervantes.es/obref/congresos/valladolid/ponencias/activo_del_espanol/1_la_industria_del_espanol/casilda_r.htm
14. Blinova, N. V. (2009) Lingvisticheskoe izmerenie mirovoj politiki: ispanofonija v kontekste globalizacii = Linguistic dimension of world politics: Hispanophony in the context of globalization: abstract of PhD in Political Studies. St. Petersburg. (In Russ).

15. Asociación de Academias de la Lengua Española. (2004). La nueva política lingüística panhispánica. Madrid: Real Academia Española.
16. Torres Hernández, J. (2021). Evolution and perspectives of Spanish in Russian school system. Cuadernos Iberoamericanos, 9(2), 110–124. (In Esp.)
17. Moreno Fernández, F., Otero Roth, J. (Eds.) (2016). Atlas de la lengua española en el mundo. Madrid: Fundación Telefónica.
18. Alonso, J. A., García Delgado, J. L., Jiménez, J. C. (2015). Lengua, empresa y mercado: ¿ha ayudado el español a la internacionalización? Barcelona: Ariel.
19. Belozarov, V. K. (2020). International Political Communication in the Context of Digitalization of World Development. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 13(2), 177–194. (in Russian). 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пупышева Мария Владимировна

кандидат политических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pupysheva Maria Vladimirovna

PhD (Political Sciences)
Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication
in the Sphere of Media Technologies
Institute of International Relations and Social-Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	02.10.2023	accepted for publication



Деятельность Коминтерна в годы Великой Отечественной войны

И. А. Суздальцев

*Школа № 1381, Москва, Россия
ialoko90@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются разные направления политики Коммунистического Интернационала в годы Великой Отечественной войны: организация и корректировка радиообзоров; курирование работы разведшколы в с. Кушнаренково; сотрудничество с Разведывательным управлением Красной армии и Управлением по военнопленным и интернированным НКВД СССР; осуществление политического и идеологического контроля над иностранными коммунистическими партиями, выпуск агитационной литературы на иностранных языках.

Ключевые слова: ИККИ, Уфа, Кушнаренково, Д. З. Мануильский, П. Тольятти, М. Ракоши, В. Ульбрихт

Для цитирования: Суздальцев И. А. Деятельность Коминтерна в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 95–100.

Original article

Activities of the Comintern during the Great Patriotic War

Ilya A. Suzdaltsev

*School № 1381, Moscow, Russia
ialoko90@mail.ru*

Abstract. The article discusses various directions of the policy of the Communist International during the Great Patriotic War: the organization and adjustment of radio reviews; Smoking the work of the reconnaissance school in the village. Kushnarenkovo; cooperation with the reconnaissance department of the Red Army and the Directorate of Prisoners of War and International NKVD of the USSR; The implementation of political and ideological control over foreign communist parties, the release of campaign literature in foreign languages.

Keywords: IKKI, Ufa, Kushnarenkovo, Manuilsky, Tolyatti, Rakosi, Ulbricht

For citation: Suzdaltsev, I. A. (2023). Activities of the Comintern during the Great Patriotic War. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 95–100.

ВВЕДЕНИЕ

В 2023 году исполнилось 80 лет с момента ликвидации Коммунистического Интернационала – международной организации, объединявшей коммунистические партии в 1919–1943 годах. В крупных исследованиях, посвященных Коминтерну, вопрос его деятельности после эвакуации в Уфу практически не рассматривается, например, в монографии «Коминтерн. Идеи, решения, судьбы» А. Ю. Ватлин упоминает лишь то, что «после 22 июня 1941 года перед зарубежными компартиями открылась перспектива реальной антифашистской борьбы, которая способствовала притоку в них свежих сил» [Ватлин, 2009, с. 346]. Однако появившиеся в последние годы публикации [Брилёв, 2019а; Брилёв, 2019б; Брилёв, 2020; Суздальцев, 2023], которые базируются, в том числе на архивных документах, ранее не вводимых в научный оборот, позволяют говорить о том, что данная тема актуальна и нуждается в дальнейшем изучении. Тем более, что изучаемый в этих исследованиях круг вопросов в основном ограничивается изучением созданной в селе Кушнаренково (БАССР) разведывательной школой, часть из выпускников которой принимала непосредственное участие в борьбе с фашизмом, другие же аспекты политики Коминтерна практически не рассматриваются. В недавней публикации по теме с помощью ряда источников из Национального архива Республики Башкортостан эта тема рассматривается в более широком контексте [Усманов, 2023], что отчасти перекликается с целью нашего исследования. Для освещения этой темы нами используются источники из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

ОРГАНИЗАЦИЯ РАДИООБЗОРОВ

Прежде чем руководящий орган Коминтерна – Исполком (ИККИ) был эвакуирован в Уфу, его сначала переместили в Дом отдыха «Кунцево»¹, потом в бывший пункт службы связи в Пушкино². И только осенью, в связи с возросшей угрозой захвата Москвы, организация была вывезена в Башкирию, 27 октября состоялось первое заседание Секретариата ИККИ в Уфе³. 20 ноября был утвержден штатный список сотрудников аппарата ИККИ

¹Постановление Секретариата ИККИ. 30.06.1941 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335. Л. 21.

²Протокол № 758 заседания Секретариата ИККИ от 24.07.1941 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335. Л. 39.

³Протокол №764 заседания Секретариата ИККИ от 27.10.1941 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335. Л. 120.

в количестве 158 человек, который в дальнейшем значительно возрос (в 1942 году до 404 сотрудников) [Адибеков, Шахназарова, Шириня, 1997, с. 220]. В декабре начались радиообзоры из Уфы на немецком, итальянском, венгерском, румынском, болгарском, чешском, французском и испанском языках⁴. Авторами текстов радиообзоров были виднейшие представители III Интернационала Д. Ибарури, К. Готвальд, П. Тольятти, В. Коларов, Т. Ракоши и др.⁵, с января 1942 года авторы еженедельно собирались на совещание с генеральным секретарем ИККИ Г. М. Димитровым. Им было предписано освещать следующие темы: герои на фронте и в тылу, партизанское движение, высказывания военнопленных, злодеяния фашистов, восстановительные работы⁶. С лета 1942 года в радиосообщениях стало необходимо указывать на важность перехода от сопротивления к активному наступлению против гитлеровцев; немедленного прекращения войны (для Германии); организации партизанской войны (для оккупированных стран); прекращения военных действий (для стран гитлеровских вассалов)⁷. Также с этого времени радиостанции Коминтерна на весь мир сообщали о скором открытии Второго фронта⁸. В феврале 1943 года было поручено отмечать в сообщениях факт того, что Гитлер привел германскую армию к катастрофе; показать выход германскому народу из войны⁹. В этот период уфимская радиостанция Коминтерна была самой мощной в Европе, имела более 20 радиостанций за границей [Колпакиди, 2008, с. 296–298].

РАЗВЕДШКОЛА В КУШНАРЕНКОВО

Организаторы школы в Кушнаренково столкнулись с рядом бытовых проблем, например, 10 января 1942 года было вынесено постановление «достать две пары лошадей для школы, а также тулупы и валенки, для обеспечения регулярной связи между Кушнаренково и Уфой в зимних условиях»¹⁰. В это

⁴Протокол № 767 заседания Секретариата ИККИ от 23.12.1941 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335. Л. 148.

⁵Список авторов и дикторов радиообзоров // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335. Л. 150.

⁶Протокол №777 заседания Секретариата ИККИ от 27.01.1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1336. Л. 38–39.

⁷Протокол № 791 совещания секретарей ИККИ и политических работников в Уфе 7 июня 1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1337. Л. 93.

⁸Протокол №794 заседания Секретариата ИККИ с радиоредакциями и политработниками от 20.06.1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1338. Л. 2.

⁹Решение Секретариата. 10.02.1943 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1340. Л. 46–51.

¹⁰Протокол № 773 заседания Секретариата ИККИ от 10.01.1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1336. Л. 11.

время в школе все еще отсутствовало электрическое освещение, использовались керосиновые лампы, периодически в неисправном состоянии находилась прачечная и баня¹. В школе стали изучаться следующие курсы: экономический, географический и исторический обзор своей страны, главные моменты истории Коминтерна и тактика Коминтерна, международное положение, об отечественной войне советского народа против гитлеровских захватчиков и мировом антифашистском фронте, военно-физическая подготовка, партийная техника, русский язык (для отдельных слушателей – немецкий и английский языки)². В разное время существовали испанская, итальянская, немецкая, австрийская, судетская, польская, балканская, французская, чешская и китайская секции³. Среди произведений марксизма-ленинизма изучались следующие: И. В. Сталин «Вопросы ленинизма», «О диалектическом и историческом материализме»; В. И. Ленин «Империализм как высшая стадия капитализма», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Государство и революция», «Две тактики»; Ф. Энгельс «Людвиг Фейербах», К. Маркс «Гражданская война во Франции в 1871 году»⁴. В школе господствовала строгая дисциплина, периодически из нее отчислялись «недисциплинированные, разложившиеся и резко отстающие, неуспевающие слушатели»⁵.

Целый ряд выпускников школы принимал участие в антифашистской борьбе. Например, Франсин Фромон более года координировала французское антифашистское подполье, в 1943 году попала в плен, в 1944 году расстреляна; вместе с ней в рядах Сопротивления действовал Раймонд Гюйо – будущий член Политбюро Французской коммунистической партии с 1945 по 1972 год. Рудольф Ветишка в 1943 году был заброшен на территорию Польши с заданием установить связь с подпольем на территории оккупированной Чехословакии. 23 июля 1944 года был арестован, 5 мая 1945 года освобожден. В дальнейшем стал известным политиком: в 1948–1954 годы являлся депутатом Национального собрания Чехословакии, с 1953 по 1964 год – ректором Высшей партийной школы ЦК КПЧ [Брилёв, 2020, с. 120]. Агустин Гомес (Испания) в 1941 году неоднократно переходил через линию

фронта, выполнял задания в тылу врага, занимался изготовлением парашютов, а после войны стал двукратным обладателем кубка СССР по футболу. Три испанца были заброшены во французский Авиньон в ночь на 15 сентября 1943 года в рамках англо-советской операции «Оранж» [Брилёв, 2019а, с. 64]. Немец Маркус Вольф, после выпуска работавший на радиостанции комитета «Свободная Германия», в 1958–1986 годы возглавлял Главное управление разведки Министерства государственной безопасности ГДР. Его соотечественник Герберт Хенчке в 1944 году был заброшен в тыл вермахта (Гродненская и Барановичская области Белорусской ССР) в составе диверсионно-разведывательной группы Разведупра Генштаба РККА, где успешно справился с порученным заданием; с 1950 по 1981 год работал в органах госбезопасности ГДР [Брилёв, 2020, с. 120, 129–130]. Незадолго до своего роспуска, Коминтерн имел нелегальные пункты связи во Франции, Бельгии, США, Мексике, Турции, Швеции, Югославии, Монголии, Китае, Иране, Индии [Суздальцев, 2023, с. 163].

РАБОТА С ВОЕННОПЛЕННЫМИ

Однако помимо этих достаточно известных направлений политики Коминтерна в Уфе существует ряд малоизученных, но при этом важных аспектов его деятельности. Например, по линии Коминтерна активно велась работа с военнопленными: в октябре 1941 года была образована Комиссия при ИККИ по работе среди военнопленных во главе с В. Ульбрихтом [Адибеков, Шахназарова, Шириня, 1997, с. 226]. В конце декабря 1941 года в Секретариат ИККИ была передана информация о том, что по линии Разведупра РККА среди военнопленных было проведено более 2 тыс. индивидуальных, 28 групповых бесед, 19 общих собраний⁶.

В докладной записке бригады ЦК ВКП(б) в Спасско-Заводском лагере военнопленных Карагандинской области указано, что «22 декабря в лагере проведена конференция румынских военнопленных», в которой участвовало до 900 человек⁷. В итоге, в 1942 году там был организован учебный лагерь военнопленных-антифашистов, издавались брошюры, посылались политический материал (статьи из журнала «Коммунистический Интернационал», статьи радиопередач). Контроль осуществляла комиссия во главе с Д. З. Мануильским, П. Тольятти, М. Ракоши,

¹Протокол совещания дирекции школы с преподавателями от 16.01.1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 12. Д. 159. Л. 22.

²Общий учебный план на период с 15 января по 1 июня 1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1336. Л. 57.

³Преподаватели по истории ВКП(б) по отдельным произведениям классиков марксизма-ленинизма // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1336. Л. 71.

⁴Список отдельных произведений классиков марксизма-ленинизма, подлежащих изучению // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1336. Л. 72.

⁵Протокол №782 заседания Секретариата ИККИ от 14.02.1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1336. Л. 76.

⁶По поводу телеграммы из Караганды от 24.12.1941 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 1а. Л. 152.

⁷Докладная записка о работе бригады ЦК ВКП(б) в Спасско-Заводском лагере военнопленных Карагандинской области // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 4. Л. 4.

В. Пиком, В. Ульбрихтом и др.¹ 10 августа в лагере состоялся первый выпуск², в январе 1943 года – второй³, прошедших курс военнопленных отправили для агитации в другие лагеря; военнопленные привлекались для составления кратких речей для радиопередач⁴. В мае 1942 года школа военнопленных была открыта в Оранском лагере⁵. Всего в 1942 году существовало семь лагерей, в которых Коминтерном велась работа с военнопленными: Оранский № 74 (с. Оранки Богородского района Горьковской обл.); Темниковский № 58 (п. Явас Мордовской АССР); Актюбинский № 76 (г. Актюбинск Казахской ССР); Елабужский № 95 (г. Елабуга Татарской АССР); Спасско-заводские лагеря № 78 и 99 (г. Караганда Казахской ССР); Марийский № 100 (г. Йошкар-Ола Марийской ССР)⁶.

Некоторые военнопленные становились инструкторами в лагерях [Адибеков, Шахназарова, Шириня, 1997, с. 226]. Согласно письму директора антифашистской школы Н. Ф. Янцена, среди выпускников школы, отправленных на фронт, были даже те, кого наградили орденами⁷. Авторы монографии «Организационная структура Коминтерна» пишут, что в 1941–1943 годах функционировала Антифашистская школа для военнопленных в Красногорске [Адибеков, Шахназарова, Шириня, 1997, с. 224]. На самом деле, как было сказано выше, эта школа была создана в Оранском лагере и только в 1943 году была перемещена в Красногорск.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ЗАРУБЕЖНЫМИ КОММУНИСТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ

Коминтерн продолжал также осуществлять идеологический контроль над входившими в его состав секциями. Первого мая 1942 года коммунистические партии провели под лозунгом «1942 год должен стать годом уничтожения гитлеровского фашизма».

Отдельные лозунги были сформулированы для различных компартий:

– Великобритании – «Героическая борьба Советского Союза и Красной Армии представляет собою решающую помощь для нашей страны. Мы хотим драться плечом к плечу с героической Красной Армией»;

– Германии – «Гитлер уже не может победить в войне с сильным и великим Советским Союзом, объединившимся с Англией и Америкой. Быстрое поражение Гитлера есть спасение нашей страны и нашего народа. Кто любит нашу страну, кто является истинным патриотом, должен содействовать скорейшему и полному поражению Гитлера, которое принесет нам мир и свободу»;

– вассальных стран – «Красная Армия наносит войскам Гитлера один за другим сокрушительные удары. Фашистская машина, уничтожившая нашу независимость, ослаблена и разбалтывается со дня на день. Судьба нашей страны в наших собственных руках»;

– оккупированных стран – «весной и летом 1942 года развернутся решающие бои. Вперед на борьбу за наше национальное освобождение»⁸.

В 1942 году продолжала издаваться литература на иностранных языках, в том числе материалы, посвященные 25-й годовщине Октябрьской революции, «борьбе Красной армии, партизан, всего советского народа с фашистской Германией, а также борьбе народов оккупированной Европы против германских и итальянских оккупантов»⁹. Был пересмотрен план в сторону сокращения изданий, печатаемых в СССР, и увеличения печатаемой литературы для Великобритании, США и стран Латинской Америки¹⁰. Отдел печати включал в себя австрийскую, болгарскую, венгерскую, испанскую, итальянскую, немецкую, норвежскую, польскую, румынскую, словацкую, судетско-немецкую, финскую, французскую, чешскую, югославскую редакции; секторы информации и переводов, а также телеграфное агентство [Адибеков, Шахназарова, Шириня, 1997, с. 221]. Продолжал издаваться журнал «Коммунистический Интернационал»: после начала Великой Отечественной войны было опубликовано 22 номера (четыре – в 1941 году, 12 – в 1942 году, шесть – в 1943 году).

Коминтерн продолжал активную деятельность среди иностранных компартий – летом 1942 года был создан Первый Отдел ИККИ, в обязанности которого входила организация и обеспечение

¹Протокол заседания комиссии от 24.01.1942 по докладу о работе в Карагандинском лагере военнопленных // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1336. Л. 22.

²Протокол №802 заседания Секретариата ИККИ от 25.08.1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1338. Л. 121.

³Постановление Секретариата ИККИ по докладу директора антифашистской политшколы т. Янцена об итогах работы школы второго приема. 19 января 1943 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1340. Л. 30–31.

⁴В отдел пропаганды ЦК ВКП(б) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 5. Л. 181.

⁵Письмо В. Ульбрихта начальнику управления пропаганды ЦК ВКП(б) И.Ф. Александрову. 19 мая 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 15. Л. 194–195.

⁶Письмо Г. М. Димитрову от начальника Управления по военнопленным и интернированным НКВД СССР П. К. Сопруненко 24 февраля 1942. Приложение // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 15. Л. 56.

⁷Письмо Н. Ф. Янцена Г. М. Димитрову (не позднее 1 апреля 1943 г.) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 26. Л. 66.

⁸Некоторые директивы к 1 мая 1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1337. Л. 9–13.

⁹Протокол №788 заседания Секретариата ИККИ от 08.05.1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1337. Л. 85–86.

¹⁰Протокол №799 заседания Секретариата ИККИ от 31.07.1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1338. Л. 41.

связи Секретариата ИККИ с компартиями за рубежом; создание специальной информационной службы по странам с целью получения необходимой для работы ИККИ политической и другой информации; подбор, проверка, подготовка и учет кадров для пунктов связи и информационной службы; обучение кадров братских компартий нелегальной партийной технике; организация и обеспечение приезда, отъезда, переброски коммунистов, направляемых из-за границы в ИККИ и от ИККИ за границу; организация и руководство всей системой радиосвязи¹. Отдел поддерживал тесные контакты с советской разведкой, снабжая ее необходимой информацией [Адибеков, Шахназарова, Ширина, 1997, с. 222].

В сентябре испанским коммунистам было дано указание выступить единым фронтом, состоявшим из коммунистов, социалистов, республиканцев, католиков и консерваторов против фаланги за предотвращение вовлечения Испании в войну на стороне Гитлера². Французской коммунистической партии также было поручено «добиваться сплочения всех национальных сил и действовать для их организации через посредство различных комитетов национального фронта»; «дезорганизовывать силы врага, коммуникации оккупантов, совершать нападения на гитлеровские склады и колонны, совершать диверсионные акты, организовывать стачки и демонстрации, развертывать партизанское движение против оккупантов»³; итальянцам – укрепить блок левых антифашистских сил, ускорить сближение всех оппозиционных к военной политике Муссолини сил (левые антифашисты, католики, монархисты, оппозиционные фашисты)⁴. Среди ближайших задач компартии Ирака ставились создание легальной народно-демократической партии, объединявшей рабочих, трудящихся города и деревни и народной интеллигенции; создание партийной школы; подготовки партийных кадров за пределами страны, перестройка радио-пропаганды на арабском языке для объединения арабских народов на борьбу против фашизма⁵.

¹Постановление Секретариата ИККИ. 11.07.1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1338. Л. 28–29.

²Протокол №803 заседания Секретариата ИККИ от 03.09.1942 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1338. Л. 128).

³Проект о ближайших задачах Компартий Франции и Италии // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1338. Л. 160–161.

⁴Проект о ближайших задачах Компартий Франции и Италии // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1338. Л. 164.

⁵О политической линии и ближайших задачах компартии Ирака. 25.01.1943 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1340. Л. 33–34.

Коминтерн получал информацию о ситуации в Австралии, Великобритании, США, Канаде, Новой Зеландии (через секретариат А. Марти), Германии, Чехословакии, Польше (через секретариат К. Готвальда), скандинавских странах (через секретариат В. Флорина), Индии (через секретариат О. В. Куусинена), Латинской и Центральной Америке (через секретариат Д. Ибаррури). Например, 29 декабря 1941 года в Коминтерн была передана информация о том, что «11 декабря немцы из уст самого Гитлера услышали, что германская победа в России откладывается вследствие неблагоприятной погоды на будущее лето», что «19 декабря он сместил Главнокомандующего германскими вооруженными силами фельдмаршала фон Браухича и назначил себя главнокомандующим»⁶. Из большинства других стран, в которых имелись коммунистические партии, информация передавалась в Секретариат ИККИ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, ликвидированный в 1943 году в интересах антигитлеровской коалиции Коминтерн во время Великой Отечественной войны оставался значимой политической организацией: были подготовлены десятки иностранных диверсантов, заброшенных в тыл врага, часть из которых сумела выполнить поставленные задачи и в дальнейшем продолжая находиться на оккупированной территории, успешно продолжала подрывные действия в отношении противника. Нельзя не отметить радио, как источник информации и в то же время как агитационно-пропагандистский фактор, его мощный территориальный охват, включающий, как ряд стран Европы, Азии, так и Америки, а также масштабную работу с военнопленными и зарубежными коммунистическими партиями. Учитывая, что часть архивного фонда Коминтерна (в том числе, включающая рассматриваемый в статье период) все еще остается засекреченной, не исключено, что информационная база данной темы будет в ближайшие годы пополняться новыми фактами, что оставит ее в русле актуальных проблем для изучения.

⁶Кл. Готвальд. 3-й радиокomentarий. 29 декабря 1941 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 3а. Л. 1–2.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009.
2. Брилёв С. Б. Англо-советская операция «Оранжевый» 1943 г.: испанский и Башкирский след // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019а. № 2 (94). С. 63–71.
3. Брилёв С. Б. «Башкирский след» в совместных операциях советских и британских спецслужб в 1941–1942 гг. // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019б. № 1 (93). С. 37–48.
4. Брилёв С. Б. Самый северный виноградник. Загадочная разведшкола Коминтерна в башкирской глубинке // Международная жизнь. 2020. Декабрь. С. 118–133.
5. Суздальцев И. А. Антифашистская деятельность Коминтерна в годы Великой Отечественной войны // Войны в истории. 1943-й: год коренного перелома во Второй мировой войне. Новые архивные документы, новые подходы, новые интерпретации: сборник материалов Тринадцатой Международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2023» / отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2023. С. 161–163.
6. Усманов Н. В. Коминтерн в Башкирии (1941–1943) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 71–75.
7. Колпакиди А. И. Коминтерн: что это было? // Коммунизм и фашизм: Братья или враги? М.: Яуза-ПРЕСС, 2008. С. 269–300.
8. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997.

REFERENCES

1. Vatlin, A. Y. (2009). Komintern: idei, resheniya, sud'by = Comintern: ideas, decisions, fates. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
2. Brilev, S. B. (2019a). Anglo-Soviet operation "Orange" in 1943: the Spanish and Bashkir trail. Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, 2(94), 63–71. (In Russ.)
3. Brilev, S. B. (2019b). "Bashkir trace" in the joint operations of the Soviet and British special services in 1941–1942. Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, 1(93), 37–48. (In Russ.)
4. Brilev, S. B. (2020 December). The northernmost vineyard (pp. 118–133). The mysterious intelligence school of the Comintern in the Bashkir hinterland. The international affairs. (In Russ.)
5. Suzdaltsev, I. A. (2023). Anti-fascist activity of the Comintern during the Great Patriotic War (pp. 161–163). War in history. 1943: The year of the indigenous fracture in the Second World War. New archival documents, new approaches, new interpretations: a collection of materials of the thirteenth international conference of young scientists and specialists "Clio-2023". Ed. by A. K. Sorokin. Moscow: Political Encyclopedia. (In Russ.)
6. Usmanov, N. V. (2023). Comintern in Bashkia (1941–1943). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 71–75. (In Russ.)
7. Kolpakidi, A. I. (2008). Komintern: chto eto bylo? = Comintern: what was it? (pp. 269–300). Kommunizm i fashizm: Brat'ya ili vragi? = Communism and fascism: brothers or enemies. Moscow: Yauza-PRESS. (In Russ.)
8. Adibekov G. M., Shakhnazarova E. N., Shirinya K. K. (1997). Organizatsionnaya struktura Kominterna. 1919–1943 = The organizational structure of the Comintern. 1919–1943. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суздальцев Илья Алексеевич

кандидат исторических наук, преподаватель истории, Школа № 1381

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suzdaltsev Ilya Alekseyevich

PhD (History), History teacher, School № 1381

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

01.09.2023
27.09.2023
02.10.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Венгерско-польская хроника о Руси и народах Восточной Европы

М. К. Юрасов

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия
mihail_yurasov@mail.ru

Аннотация. Исследователи спорят о том, когда и где была создана Венгерско-польская хроника. Сравнение текста с материалом других источников позволяет выяснить происхождение лишь некоторых известий, касающихся Руси и соседних с ней степных народностей. Хронист упоминает Галич и русское население, проживавшее в венгерском и польском приграничье. В хронике отсутствует хронология описываемых событий и перепутана их последовательность, из-за чего Мстислав Удатный стал родственником Ласло I Святого. Венгерско-польская хроника, скорее всего, была написана в Венгрии до нашествия на нее монголов.

Ключевые слова: средневековая венгерская хронистика, венгерско-польские отношения, Мстислав Удатный, Галич, Иштван I Святой, Ласло I Святой

Для цитирования: Юрасов М. К. Венгерско-польская хроника о Руси и народах Восточной Европы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 4 (853). С. 101–106.

Original article

Hungarian-Polish Chronicle About Russia and the Peoples of Eastern Europe

Mikhail K. Yurasov

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
mihail_yurasov@mail.ru

Abstract. Researchers argue about when and where the Hungarian-Polish Chronicle was created. Comparison of the text with material from other sources makes it possible to clarify the origin of only some of the news relating to Rus' and its neighboring nomad people. The chronicler mentions Galich and the Russian population living in the Hungarian and Polish borderlands. The chronicle lacks the chronology of the events described and their sequence is confused, which is why Mstislav the Daring became a relative of Saint Ladislav. The Hungarian-Polish chronicle was most likely written in Hungary before the Mongol invasion.

Keywords: medieval Hungarian chronicles, Hungarian-Polish relations, Mstislav Udatny, Galich, Istvan I Saint, Laszlo I Saint

For citation: Yurasov, M. K. (2023). Hungarian-Polish Chronicle about Russia and the peoples of Eastern Europe. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 101–106.

ВВЕДЕНИЕ

Венгерско-польская хроника (*Chronicon Hungaro-Polonicum* / *Chronica Hungaro-Polonica*, далее ВПХ) – самое загадочное средневековое венгерское историческое сочинение. Исследователи не могут определить даже страну, в которой она была создана, не говоря уже о времени ее появления и авторе. Помимо Венгрии и Польши она могла быть написана в Славонии (*совр.* междуречье Савы и Дравы) [Grzesik, 1995]. Относительно времени создания ВПХ высказывались датировки от 1083 до 1390 года [Veszprémy, 1999].

Различаются четыре списка пространной редакции ВПХ и один – ее краткой редакции, но отношения между ними остаются предметом научных дискуссий [Karácsonyi, 1964, с. 13–19; Csakó, 2014, с. 289, 302–306]. Поскольку краткая редакция посвящена описанию правления Иштвана I Святого (997–1038, король с 1000/1), ее называют одним из вариантов Жития Иштвана Святого [Żywot św. Stefana, 2003]. Все критические издания ВПХ основываются на так называемом кодексе Замоиского, ныне хранящегося в Национальной Библиотеке Польши (Варшава) [Veszprémy, 1999, с. 767]. Наиболее авторитетным считается издание Б. Карачони, где учтены все различия, встречающиеся в различных списках ВПХ [Karácsonyi, 1969].

Источниками неизвестному автору ВПХ послужили, помимо Священного Писания, житие св. Иштвана епископа Хартвика, датируемое исследователями временем правления в Венгрии Калмана Книжника (1095–1116), ранние варианты придворных венгерских хроник и «Истории гуннов», а также устная народная традиция. Обнаруживаются в ВПХ и следы знакомства его автора с ранними произведениями польской исторической литературы (хроника Галла Анонима, Рочник Траски (fol. 90r–96) [Veszprémy, 1999, с. 767], а также житием св. Урсулы [Homza, 2009, с. 22–27].

ВПХ стоит особняком от хронистической традиции Венгерского королевства. События описаны в ней не только произвольно, но и, «крайне некорректно» [Veszprémy, 1999, с. 766]. В ВПХ отсутствуют конкретные даты и порой не соблюдается хронологическая последовательность излагаемых событий. В ней в одном эпизоде могут действовать исторические деятели разных эпох и имеются грубые ошибки в известиях генеалогического характера. Всё это объясняет, почему ВПХ «не только осталась неизвестной в Венгрии и на польской земле, но на основании сохранившихся списков приобрела значительную дурную славу» [там же, с. 767].

В центре внимания хроники находятся события венгерской истории, а из того, что происходило

в то время в Польше, затрагивается лишь некоторая информация, касающаяся венгерско-польских отношений. Неоднократно автор ВПХ упоминает «рутен» и Галич, стараясь при этом подчеркнуть зависимость жителей юго-западной Руси от польских князей или венгерских королей. О самостоятельности Галича свидетельствует известие ВПХ о княжившем там Мисциславе, выдавшем свою дочь за сына венгерского короля и якобы завещавшем зятю свои владения.

Несмотря на то что значительная часть собранных в ВПХ сведений явно сочинена ее автором, исследователи учитывают их как пример своеобразного «подхода» к изложению событий прошлого, когда точность в именах и подробностях не играет никакой роли, а главное для хрониста – показать «исконность» добрососедских отношений между Польшей и Венгрией. В новейших работах историков, посвященных ВПХ, рассматриваются проблемы ее связей с венгерской хронистической традицией [Csakó, 2014].

Сведения ВПХ о Руси и народах Восточной Европы никогда не ставились в центр внимания исследователей, за исключением известия о Мисциславе, да и то в качестве хронологического ориентира. В. П. Шушарин (1924–1999) включил переводы отрывков из ВПХ в собираемый им материал для свода сведений средневековых венгерских нарративных источников, касающихся Восточной Европы. В настоящей работе все цитаты из ВПХ взяты из этой машинописной рукописи В. П. Шушарина с расшифровками топонимов, данными в скобках автором настоящей работы.

НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПРИ ИШТВАНЕ СВЯТОМ

С формальной точки зрения, нельзя обойти вниманием сведения о завоевании Литвы великим «королем» Атилой [Karácsonyi, 1969, с. 11]. Однако они не имеют никакого отношения к реальности, поскольку взяты из «Истории гуннов», сочиненной венгерскими книжниками в начале XIII века [Johannes de Thurocz, 1988, с. 114].

Глава 7 ВПХ озаглавлена: «О встрече короля Венгрии с королем Полонии», а именно – Иштвана I Святого (1000/1–1038) и Ламберта, т. е. Мешко II, носившего королевский титул в 1025–1031 годов. Такая встреча могла произойти только в годы правления последнего, но другие источники о ней умалчивают. По версии автора ВПХ, государи признали линию венгерско-польской границы, якобы уже сложившуюся к тому времени, причем южные пределы Польши пролегли там, куда они никогда не доходили: «Ведь границы полонские

начинались на берегу Дуная (Дуная), у города Стригония (Эстергома), затем по реке, называемой Тизией (Тисой), доходя до реки, которая называется Цепла (?), до крепости Галис (Галич), и там оканчивались среди унгаров, рутенов и полонов» [Karácsonyi, 1969, с. 41].

О том, когда и где была установлена граница между Венгрией и Польшей после возникновения обоих государств, писал на рубеже XII–XIII веков неизвестный нотариус Белы III (1172–1196), скрывшийся под псевдонимом «магистр П.» (Венгерский Аноним), в своих «Деяниях венгров». В гл. 18 этого сочинения, написанного в жанре романизированной хроники, можно прочитать о возведении по приказу верховного вождя венгров Арпада (ум. в первые годы X века) засек до отрогов Татр и установке там пограничных «вех» [Magistri, 1937, с. 58]. Там же в гл. 34 упоминается лес Зойом (совр. центральная Словакия), в котором также были возведены засеки, «чтобы чехи или поляки никогда не посмели вторгнуться» в Венгрию [там же, с. 76]. О том, что при преемнике Арпада Жолте (перв. пол. X века) проходила граница «со стороны поляков – до горы Туртур (Татра)», Аноним пишет в гл. 57 своего сочинения [там же, с. 114]. Разумеется, всё это исторические предания. В условиях регулярных набегов венгров на Центральную, Западную и Южную Европу до 970 года и отсутствия сильной центральной власти в Венгрии вопрос о границах в то время серьезно не стоял.

Ок. 990 года по указанию польского князя Мешко I (ок. 960 – ок. 992) был составлен документ *Dagome iudex*, где очерчены границы тогдашней Польши, которую князь хотел сделать леном Римской папской курии. В этом документе Краков указан как город, находящийся на границе с русскими землями, а Дунай совсем не упоминается [Щавелева, 1990, с. 28]. Самым большим успехом отца Мешко II Болеслава I Храброго (ок. 992–1025) в его войнах с Иштваном I Святым была оккупация им в 1003–1018 годы территории совр. северо-западной Словакии [Történelmi atlasz, 1985, с. 13], но до Дуная польские пределы никогда не доходили. Рассматриваемые сведения служат для многих исследователей одним из главных доводов в пользу признания полной недостоверности ВПХ [Veszprémy, 1999, с. 766].

Упоминание в этом рассказе ВПХ жителей юго-западной Руси под этнонимом «рутены» (*rutheni*) вполне достоверно, но Галис / Галич в то время еще не имел никакого политического значения, чтобы служить ориентиром, указывающим юго-восточные пределы Польского государства. При этом можно согласиться с тем, что пределы Руси, Польши и Венгрии в то время действительно

«оканчивались среди унгаров, рутенов и полонов», т. е. между названными государствами существовала «ничейная буферная зона», населенная, в том числе, восточными славянами [Юрасов, 2013, с. 11].

В следующей 8-й главе автор ВПХ передает близко к тексту рассказ написанного епископом Хартвиком Жития Иштвана Святого о том, как королю однажды приснился вещий сон, в котором он был предупрежден о готовящемся нападении на Трансильванию неких «врагов христианских». В оригинальном тексте рассматриваемого Жития назван их этноним – *Bessi* (печенег) [Legendae, 1938, с. 423], в то время как автор ВПХ пишет это слово со строчной буквы в обороте «более удачливые, чем бесы» [Karácsonyi, 1969, с. 47–48]. Невольно приходит в голову мысль о том, что автор ВПХ мог знать славянское слово «бес», которое он обыграл с латинским этниконом *Bessi*. Исследователи датируют набег печенегов на Трансильванию между 1014–1017 годами, причем считается, что он был одним из эпизодов войны между Иштваном I и Болеславом I Храбрым, в ходе которой последний послал во владения венгерского короля союзных ему печенегов [Györffy, 1977, с. 284].

СВЕДЕНИЯ О РУСИ ПРИ ПРЕЕМНИКАХ ИШТВАНА СВЯТОГО

В последней, 13-й главе ВПХ содержится несколько известий, касающихся истории Руси. Первое из них находится в рассказе о вмешательстве польского князя Болеслава во внутренние дела Венгрии во время борьбы за власть после смерти Иштвана I Святого. События этой междоусобицы описаны выборочно с умалчиванием об участии в ней зятя Ярослава Мудрого – будущего короля Андраша I (Эндре, 1046–1060). В целом же эта глава является собранием анахронизмов и фантазий ее автора.

События, произошедшие в Венгрии после смерти непосредственного преемника Иштвана I Петера Орсеоло, главным героем которых стал в ВПХ «польский король Болеслав», описаны так: «...сообщено было ему о смерти Петра, короля Венгрии. Он быстро пришел в Стригоний (Эстергом) и, взяв Белу, пришел в город Альбу (Секешфехервар) и возложил на него королевскую корону ... и взял ему жену из Римской империи. А после свадьбы король через Россию пришел в Полонию» [Karácsonyi, 1969, с. 66–67]. В приведенном отрывке крупными реальными сведениями из истории Венгрии второй трети XI века перемешаны и перепутаны исторические деятели, жившие в то время.

На самом деле во время смерти Петера Орсеоло (1046) в Польше не было короля, в ней правил князь Казимир II Восстановитель (1038–1058).

Ему наследовал Болеслав II Смелый (или Щедрый) (1058–1079), который действительно в 1060 году помог своему родственнику Беле победить его брата Андраша I и стать венгерским королем. Сестра римского (германского) императора Генриха IV (1056–1106) Юдифь в первом браке была женой короля Венгрии Шаламона (1063–1074), сына Андраша I и Анастасии (?) Ярославны, а овдовев, вышла замуж за польского князя Владислава I Германа (1079–1102).

Касающаяся «Руссии» фраза цитированного отрывка также является примером вольного обращения автора ВПХ со своими источниками. Наличие горных проходов на венгерско-польской границе давало правителям Польши кратчайший путь для возвращения на родину. Польские хронисты не сообщают о том, чтобы кто-то из их князей или королей когда-либо шел из Венгрии в свои владения через Русь. Скорее всего, неизвестный автор ВПХ «переиначил» сведения одной из не дошедших до нас ранних венгерских хроник.

Возможно, здесь имеется в виду поход венгерского короля Ласло I Святого (1077–1095), датруемый исследователями 1092 годом [Magyarország történeti kronológiája, 1986, с. 96], скорее всего, против теребовльского князя Василька Ростиславича (ок. 1084–1124). По мнению венгерского хрониста, некий русский князь посоветовал кунам (половцам) совершить набег на Венгрию (летом 1091 года) [там же, с. 94], мстью за который и стал поход Ласло I «против рутенов». Далее в гл. 138 Композиции сообщается о том, что после заверений «рутенов» в верности венгерскому королю тот направился с войском в Польшу (1093) [там же, с. 96], где одержал победу над пытавшимися его остановить отрядами поляков и осадил Краков, где Ласло I принудил Владислава I Германа заключить мир с восставшими против него [Chronici Hungarici, 1937, с. 414–415].

Следующий (с хронологической точки зрения) отрывок из гл. 13 ВПХ, касающийся Руси, наименее поддается пониманию, поскольку угадываемые в нем исторические персонажи никогда не существовали в описываемых хронистом отношениях: «А герцог Ладислав находился в Галиции, а Саломон, брат его, правил в Славонии. По совету же епископа с правителями, отдавшись на милость божью, они поспешили в город Руси Галицию и взяли блаженного правителя Ладислава в королевство Венгрию и поспешили в королевский город Альбу (Секешфехервар) и короновали его (а его брат Саломон с ним согласился)...» [Karácsonyi, 1969, с. 68].

Среди венгерских герцогов, управлявших Галичем, не было ни одного, носившего имя Ladislaus (Ласло). Считается, что речь в данном случае идет о Ласло I Святом, который действительно,

еще будучи герцогом в 1073 году [Magyarország történeti kronológiája, 1986, с. 90] был отправлен старшим братом Гезой на Русь в поисках «военной помощи у своих друзей» против занимавшего тогда венгерский престол двоюродного брата Шаламона, но в каких конкретно русских землях побывал тогда Ласло, Композиция венгерских хроник XIV века умалчивает [Chronici Hungarici, 1937, с. 377]. Потерпевший поражение в борьбе с двоюродными братьями и свергнутый ими с престола в 1074 году Шаламон до конца своих дней боролся за возвращение короны св. Иштвана и никогда не управлял Славонией.

Далее автор ВПХ вновь пишет о короле Беле, перечисляя сыновей, которые у него родились. Ни один из четверых венгерских королей, носивших это имя, не имел сыновей с таким рядом имен. К Руси в этом отрывке относятся следующие фразы: «...И пятого родила и назвала его Ладислав. А он был посвящен богу. Его же князь Руси Мисцислав из города Галича принял приёмным сыном, и ему с дочерью своей, ибо она была у него одна, а сына у него не было, передал королевство Галицию в вечное владение и скрепил клятвой» [Karácsonyi, 1969, с. 68–69].

Автор ВПХ хотел в этом отрывке объяснить, как «блаженный Ладислав» появился в Галиче, но здесь явно имеется в виду борьба Арпадов за юго-западную Русь, продолжавшаяся почти всё время правления Андраша II (1205–1235). Не желавший возвращать Галич своему зятю Даниилу Романовичу Мстислав Удатный в 1227 году выдал свою дочь замуж за герцога Андраша, сына Андраша II, которого назначил своим преемником, удалившись в Торческ. Судя по всему, именно этот Мстислав назван в рассматриваемом отрывке Мисциславом. Для автора ВПХ не важно, что в 1229 году герцог Андраш был изгнан из Галича, а его вторичное княжение в 1231–1234 годах было прервано его смертью, после чего в юго-западной Руси в XIII веке правили исключительно Рюриковичи. Неизвестному хронисту важно было подчеркнуть, что Галиция уже тогда якобы была отдана в вечное владение Арпадам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышеизложенного следует признать, что ВПХ не содержит никаких сведений, которые можно было бы признать ценными с точки зрения истории Руси или русско-венгерских отношений. В лучшем случае она показывает восприятие юго-западной окраины русских земель как области, принадлежавшей сначала полякам, потом «рутенскому» князю Мисциславу, якобы завещавшему свое княжество Арпадам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Grzesik R. Adalhaid, az állítólagos lengyel hercegnő a magyar trónon // *Aetas*. 1995. 3. sz. 114–125. l.
2. Veszprémy L. *Chronicon Hungaro-Polonorum* // *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum* / Edendo operi praefuit E. Szentpétery: in 2 vols. Vol. II [repr.]. Budapestini, 1999. 766–768. l.
3. Karácsonyi B. Tanulmányok a magyar-lengyel krónikáról // *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae*. Acta Historica. Szeged. 1964. T. XVI.
4. Csákó J. A Magyar-lengyel krónika és a hazai elbeszélő hagyomány // *Századok*. 148 (2014). 2. sz. 289–334. l.
5. *Żywot św. Stefana króla Węgier czyli Kronika węgiersko-polska* / Transl. R. Grzesik. Warszawa: DiG, 2003.
6. Karácsonyi B. *Chronica Hungaro-Polonica. Pars I. (Textus cum varietate lectionum)* // *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae*. Acta Historica. Szeged. T. XXVI. 1969.
7. Homza M. *Uhorsko-pol'ská kronika. Nedocenený prameň k dejinám strednej Európy*. Bratislava: Libri historiae, Post scriptum, 2009.
8. Johannes de Thurocz. *Chronica Hungarorum. II. Commentarii. 1. Ab initiis usque ad annum 1301* / Composuit E. Mályusz, adiuvante J. Kristó. Budapest: Akadémiai kiadó, 1988.
9. Magistri P., qui Anonymi dicitur, *Gesta Hungarorum* / ed. by E. Jakubovich // *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Vol. I. Budapestini, 1937. P. 13–117.
10. Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., комм. / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Наука, 1990.
11. *Történelmi atlasz a középkor számára*. Budapest: Kartográfiai vállalat, 1985.
12. Юрасов М. К. Подкарпатская Русь – одна из колыбелей христианства у восточных славян. Очерки ранней истории русинов. Saarbrücken: Sanktum, 2013.
13. *Legendae Sancti Stephani regis* / Ed. E. Bartoniek // *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Vol. II. Budapestini, 1938. P. 363–440.
14. Györffy Gy. *István király és műve*. Budapest: Gondolat, 1977.
15. Magyarország történeti kronológiája. I. A kezdetektől 1526-ig / Főszerk. K. Benda. 3. kiad. Budapest: Akadémiai kiadó, 1986.
16. *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* / Ed. A. Domanovszky // *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Vol. I. Budapestini, 1937. P. 217–505.

REFERENCES

1. Grzesik, R. (1995). Adalhaid, az állítólagos lengyel hercegnő a magyar trónon // *Aetas*. 3. sz. 114–125. l.
2. Veszprémy, L. (1999). *Chronicon Hungaro-Polonorum*. In *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Edendo operi praefuit E. Szentpétery: in 2 vols. Vol. II [repr.]. Budapestini.
3. Karácsonyi, B. (1964) *Tanulmányok a magyar-lengyel krónikáról*. Acta Historica. T. XVI.
4. Csákó, J. (2014). A Magyar-lengyel krónika és a hazai elbeszélő hagyomány // *Századok*. 148, 2, 289–334. l.
5. *Żywot św. Stefana króla Węgier czyli Kronika węgiersko-polska* (2003) / Ttransl. R. Grzesik. Warszawa: DiG.
6. Karácsonyi, B. (1969). *Chronica Hungaro-Polonica. Pars I. (Textus cum varietate lectionum)*. Acta Historica. T. XXVI.
7. Homza, M. (2009). *Uhorsko-pol'ská kronika. Nedocenený prameň k dejinám strednej Európy*. Bratislava: Libri historiae, post scriptum.
8. Johannes, de Thurocz (1988). *Chronica Hungarorum. II. Commentarii. 1. Ab initiis usque ad annum 1301* / Composuit E. Mályusz, adiuvante J. Kristó. Budapest: Akadémiai kiadó.
9. Magistri, P., qui Anonymi dicitur, *Gesta Hunfarorum* (1937) / Ed. E. Jakubovich. SRH. Vol. I. Budapestini. P. 13–117.
10. Shchhaveleva, N. I. (1990). *Pol'skiye latinoyazichniye srednevekoviyе istochniki. Teksti, perevodi, kommentarii* = Polish Latin-language medieval sources. Texts, translations, comments. Ed. by V. L. Janin. Moscow: Nauka.
11. *Történelmi atlasz a középkor számára* (1985). Budapest: Kartográfiai vállalat.
12. Yurasov, M. K. (2013). *Podkarpatskaya Rus' – odna iz kolibeley khristianstva u vostochnikh slav'an. Ocherki ranney istorii rusinov* = Subcarpathian Rus' is one of the cradles of Christianity among the Eastern Slavs. Essays on the early history of the Rusyns. Saarbrücken: Sanktum.
13. *Legendae Sancti Stephani regis* (1938) / Ed. E. Bartoniek // SRH. Vol. II. Budapestini. P. 363–440.
14. Györffy, Gy. (1977). *István király és műve*. Budapest: Gondolat.

15. Magyarország történeti kronológiája (1986). I. A kezdetektől 1526-ig / Főszerk. K. Benda. 3. kiad. Budapest: Akadémiai kiadó.
16. Chronici Hungarici compositio saeculi XIV (1937) / Ed. A. Domanovszky. SRH. Vol. I. Budapestini, 1937. P. 217–505.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрасов Михаил Константинович

доктор исторических наук

ведущий научный сотрудник

Института российской истории Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yurasov Mikhail Konstantinovich

Doctor of History (Dr. habil.)

Leading Researcher in Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

01.09.2023
27.09.2023
02.10.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Эвристические возможности концепции маргинальности в объяснении современных глоболокальных процессов

М. В. Аверина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
m-averina@list.ru*

Аннотация. Динамика глоболокального социума характеризуется ярко выраженной нелинейностью функционирования. Особую важность приобретает прогнозный анализ низковероятных событий с масштабными эффектами («джокеров»), начинающих играть ключевую роль в глобальной повестке, и запуск которых зачастую обусловлен пограничными явлениями. В статье автор обращается к концепции маргинальности как одной из возможных моделей объяснения современных процессов. Представлен прирост содержательных составляющих концепции.

Ключевые слова: концепция маргинальности, концепт границы, маргинальный научный подход, маргинальный научный принцип, социокультурная динамика

Для цитирования: Аверина М. В. Эвристические возможности концепции маргинальности в объяснении современных глоболокальных процессов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 107–113.

Original article

The Concept of Marginality as an Explanatory Model of the Socio-Cultural Trend Functioning

Marina V. Averina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
m-averina@list.ru*

Abstract. The globolocal society dynamics are characterized by pronounced nonlinearity of functioning. The predictive analysis of low-probability events with large-scale effects (“jokers”) is particularly important, beginning to play a key role in the global agenda, the launch of which is often caused by borderline phenomena. In the article, the author refers to the concept of marginality as one of the possible models for explaining modern processes. The increase in the content components of the concept is presented.

Keywords: the concept of marginality, the concept of the border, marginal scientific approach, marginal scientific principle, socio-cultural dynamics

For citation: Averina, M. V. (2023). The concept of marginality as an explanatory model of the socio-cultural trend functioning. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 107–113.

ВВЕДЕНИЕ

Развертывание глоболокальных процессов, повлекшее расширение форм маргинализации социума, привел к необходимости смены культурных парадигм и, наряду с более общими теориями, концепция маргинальности заинтересовала исследователей из разных областей знания как инструмент анализа соответствующих процессов и явлений.

Современный этап, характеризующийся использованием префиксов *пост-, меж-, транс-, кросс-* и др. для обозначения процессов, состояний, ситуаций, паттернов поведения, отражающих взаимодействие с различного рода границами (реальными и виртуальными) и необходимостью выстраивания соответствующих стратегий их пересечения, способствует заметному развитию концепции маргинальности и приросту ее содержательных составляющих, что подразумевает необходимость соответствующего анализа.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ МАРГИНАЛЬНОСТИ

Понятие маргинальный человек, введенное Р. Э. Парком [Парк, 1998] в научный оборот для обозначения последствий ситуации межкультурного существования мигранта, находящегося между границами своей домашней и принимающей культур и одновременно в обеих культурах, определило идею границы в качестве мерила включенности-промежуточности-переходности-окраинности-невключенности для объяснения процессов, положений, состояний, паттернов поведения, личностных особенностей в зависимости от исследовательской проблематики и создало основу для построения полноценной концепции, разработкой которой занялись представители разных отраслей науки.

Использование понятия «маргинальность» не в его прежнем контексте *marginalis* как пометок на полях рукописи, а с акцентом на перевод «*margo*» – «край» как перенос смысла на значимость границы, с определенной долей условности, можно рассматривать в качестве триггера научной революции [Кун, 1975]. Сложившиеся условия «плавления котла рас и культур» (неструктурное событие, подобное *гештальт*-переключению) как прототип современной глобальной межкультурной коммуникации задали вектор для выстраивания концепции. Вероятно, именно поэтому идея Р. Э. Парка не растворилась в небытии, а попала в дальнейшую активную разработку, где концепт границы был реализован в своем сущностном понимании.

Практически в каждой публикации, которая содержит заявленную проблематику, подробно

пересказывается история формирования и развития концепции маргинальности, соответственно, теряет смысл ее очередное повторение, тем более, что этот обзор был осуществлен автором в докторской диссертации [Аверина, 2015]

Однако анализ становления, развития, дополнения концепции, ее распространения и применения в качестве объясняющей модели в разных сферах научного знания (социологии, культурологии, философии, психологии) производился и производится авторами в соответствии с определенными исследовательскими целями, сообразно которым концепт границы зачастую отмечен в качестве комплементарного признака. Обращаясь к философской категории содержания и формы, концепт границы явно выступает в качестве формы, определение статуса которой (в пространственном континууме) обуславливает формирование содержания и последующее описание его признаков (неспособность интегрироваться в желаемые социальные структуры – в социологии, нахождение в лакунах – в философии, пограничное состояние сознания – в психологии, маргинальная культура в маргинальном пространстве – в культурологии и т. п.).

Не всегда оправданное конструирование содержания составляющих феномена маргинальности при неопределенном понимании формы и создает, на наш взгляд, проблемы расширительного толкования сущности феномена. Тем не менее наполненность существующего мира реальными и виртуальными границами порождает бесконечную череду процессов, событий, ситуаций, состояний, по ряду причин достаточно резко меняющих характеристику реальности и обуславливающих значимость, а часто необходимость выработки соответствующих алгоритмов (паттернов, планов, теорий) реагирования, обоснования, предвидения. Всё перечисленное ставит концепцию маргинальности в ряд теорий, требующих дальнейшей разработки и применения в качестве объяснительных моделей определенных процессов.

Анализ развития концепции маргинальности с ориентацией на использование концепта границы в качестве системообразующего признака может в другом ракурсе представить влияние формы как границы на содержание как сущностную трактовку изучаемого феномена.

Емким и продуктивным, на наш взгляд, является выделение С. П. Гуриным [Гурин, 2003] тактик и стратегий поведения человека на границе. Оно способствует разнообразию трактовок концепта маргинальности. Обоснованием для такого выделения послужило восприятие границы как комплекса смыслов: граница как статическая топологическая структура, граница как динамический процесс

перехода, граница как изменение онтологического статуса при пересечении и граница как конкретное место развертывания события.

В соответствии с обозначенными смыслами восприятие границ возможно в контексте их:

- *определения*, обнаружения, осознания как различных способов проведения новых границ мира, социума, социальных групп, конкретной личности;
- *избегания* как нечто опасного, страшного, враждебного, где кончается индивидуальное бытие, ожидает боль, смерть;
- *притяжения* как нечто особенного, нового, интересного;
- *стирания*, размывания, отказа признавать различия как некой нейтральной полосы бессодержательности и бессобытийности;
- *игнорирования* как пренебрежения, забвения, отсутствия;
- *пребывания* в пограничной ситуации, в пограничной зоне как в ситуации неопределенности, двойственности, где возможны любые события, но только на границе;
- *расширения*, размывания, развития как совершенствования человеческого опыта;
- *пересечения*, перехода, нарушения (преступление), разрушения, преодоления (подвиг), расширения границ человеческого, превосходения, трансцендирования;
- *пребывания за гранью*, по ту сторону, в другом пространстве, в иных сферах бытия как творческое вдохновение, озарение, просветление, откровение и т. п. [Гурин, 2003].

Следует отметить, что данная трактовка вполне репрезентативно может распространяться и на механизмы функционирования социума в целом, и на социальные группы, а не только на поведение отдельного индивида.

Представленное теоретическое осмысление маргинализирующих ситуаций, обусловленных пограничными взаимодействиями, на наш взгляд, можно расширить следующими вариантами:

- *существования* около внутренних границ как невозможность приблизиться к центру либо выйти за границу;
- *нахождения* между границами определенных пространств, не входя ни в одно из них;
- *балансировки* присутствия одновременно в нескольких пространствах со своими границами и многократный их транзит в силу обстоятельств;
- *сближения* границ как поиска похожего в различиях.

Не воспроизводя очередной раз анализ истории становления и наполнения содержанием концепции маргинальности теперь уже с ориентацией

на критерий границы как формы, тем не менее, в качестве примера представим возможное понимание такого видения.

Условно абстрагируясь от содержания понятия «маргинальный человек», разработанное Р. Э. Парком и перенеся фокус внимания на форму, т. е. концепт границы, можно констатировать, что Парк поставил своего *marginal man* в ситуацию пребывания в зоне между границами. Этот антропологический сдвиг способствовал расширению, размыванию, развитию как совершенствованию человеческого опыта и восприятию маргинальности как позитивного триггера.

Дальнейшие исследования проблемы маргинальности (E. C. Hughes, D. Golovensky, A. W. Green, H. F. Dickie-Clark, I. Child) перевели фокус внимания с рубежа *культур* на рубеж *социальных сил*, столкновения которых весьма интенсивны и не менее значимы в возникновении маргинальной личности, принадлежащей двум социальным группам, имеющим разные ценности, цели и уровни жизни. Данное положение соответствует *пребыванию* в пограничной ситуации неопределенности, двойственности, что привело исследователей к акценту на выделение *внутренней психической маргинализации*, выражающейся в восприятии жизни как плохого опыта и застревании в переходном состоянии от низшего положения к более высокому, т. е. *нахождению* между границами определенных пространств, не входя ни в одно из них.

Интенсивная трудовая миграция (из деревни в город, из стран третьего мира) в страны Западной Европы (она происходила во второй половине XX века) с целью найти работу и лучшие условия для жизни сформировали основания для исследования маргинальности преимущественно в социальной плоскости с акцентом на негативной интерпретации и смещением понимания сущности маргинала как находящегося «на краю», «на обочине» социальной структуры (T. Wittermans, Y. Krauss, B. J. Mancini, A. Farge, C. Raban). Данную трактовку маргинальности можно воспринять в качестве существования около внутренних границ как невозможности приблизиться к центру либо выйти за границу – состояние статики, которое в определенной степени объясняет вариант негативной интерпретации маргинальности из-за игнорирования социумом создания условий для интеграции мигрантов.

С развитием философии постмодерна концепция маргинальности пополнилась новым содержанием, поскольку данная парадигма концентрируется вокруг понятия «маргинальность». Реализация идеи децентрации (J. Derrida) привела к использованию принципа ризомы как ведущего

принципа развития, к признанию множественности границ и блужданий по пограничным линиям. Идея «складки» (K. Vidal) воплощает *баланси́ровку* присутствия одновременно в нескольких пространствах со своими границами и многократный их транзит в силу обстоятельств.

Философская разработка концепции маргинальности вообще привела к пониманию того, что маргинальность – явление нейтральное, тогда как ее конструктивная или деструктивная направленность мотивирована сложившимися условиями.

Ориентируясь на анализ упомянутых стратегий взаимодействия с границами, возможно дополнять содержание концепции маргинальности новыми факторами, не искажая и не расширяя первоначального смысла понятия. По форме речь всегда идет о границах, постоянная переконфигурация которых в условиях глобализации наблюдается и в реальном, и в виртуальном пространстве.

РАССТАНОВКА АКЦЕНТОВ В ПРОЧТЕНИИ КОНЦЕПЦИИ МАРГИНАЛЬНОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛОБОКАЛЬНОГО СОЦИУМА

Такие префиксы, как *пост-*, *кросс-*, *транс-*, *меж-*, *мета-* и ряд других (*ин-*, *экс-*, *ко-*), используемые в современной терминологии для присоединения к названию теорий, процессов, состояний, территорий, демонстрируют сохраняющуюся значимость границы как формы, мерила, критерия (реального, виртуального, предполагаемого), в соответствии с которым выстраивается определение, содержание, функции, назначение границы в условиях меняющегося глобализирующегося (глокализирующегося) мира.

Уточним как упомянутые префиксы отражают взаимоотношения с границами.

Префикс *пост-* (лат. *post* – *после*)¹ обычно употребляется для фиксации периода, процесса, явления, наступивших после чего-то, соответственно, подразумевает определение границы и ее переход, однако переход не заверченный, поскольку предыдущее содержание перетаскивается с собой в попытке наполнить прежнюю матрицу чем-то новым, рассчитывая, что там за границей возможно – *расширение*, размыкание, развитие как совершенствование человеческого опыта.

Совершенствование априори подразумевает улучшение в позитивном направлении, однако

накопление негативного опыта и наработка умений эффективного преодоления кризисных ситуаций вполне репрезентативно можно рассматривать в позитивном ключе.

Префикс *транс-* (лат. *trans* – *через, за, по то сторону, изменение места или состояния*) [Шапенко, Шаповаленко, 2022] ассоциируется и с префиксом *меж-* и применяется для обозначения процессов налаживания взаимодействия между пограничными пространствами, определения взаимных соглашений, т. е. *сближения* как поиска похожего в различиях. Одновременно данный префикс используется для фиксации смены состояний объектов при их переходе из одного качества в другое (трансгендер) и может трактоваться как *пересечение*, преодоление (подвиг), расширение границ человеческого.

Префикс *мета-* (от греч. *μετά* – *после, за пределами*)² наиболее употребителен для обозначения процессов в философии, физике, химии, метаданных в компьютерных технологиях; он нашел свое применение в назывании нового виртуального образования – метавселенной как продукта *пребывания за* гранью, в другом пространстве, в иных сферах бытия.

Постпозитивизм, постгуманизм в науке, трансгендерность, инклюзивность / эксклюзивность в социуме, кросскультурные коммуникации в менеджменте, *phygital*-технологии, конвергенция, коллаборация в маркетинге, гибридная война в политике, транснациональный капитал, трансграничный регион в экономике и т. п. – появление этих понятий и осмысление стоящих за ними идей или реальности влечет за собой актуализацию интереса к феномену маргинальности как с целью расширения понимания его влияния в новых условиях взаимодействия реального и виртуального уровней социального бытия, так и в связи со значимостью приращения теоретического знания.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ, рассмотрим некоторые примеры такого приращения содержания концепции маргинальности, используя концепт границы в качестве формы-критерия и составляющих феномена маргинальности и как смысловых конструкторов концепции.

Обратимся к философско-методологическому течению *постпозитивизма* и не пересказывая содержание теории, акцентируем внимание на некоторых ее позициях.

Поскольку постпозитивизм своей главной целью ставил исследование развития научного знания, а не его структуры (языка, понятий), как было у неопозитивистов, сразу же можно констатировать определенный транзитный подход (более

¹Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 тыс. слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

²Словари и энциклопедии на академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/82479/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90>

связанный с префиксом «кросс-») к проблемам познания, балансировку в пространствах науки, философии и мифологии как сфер, имеющих соответствующие границы, в поисках принципов совершенствования научного познания.

В качестве реакции на такую балансировку К. Поппером был разработан *принцип фальсификации* как демаркационный принцип проверки истинности-ложности теории. На наш взгляд, этот принцип вполне обосновано можно назвать *маргинальным*, рассматривая формулирование его сущности как выхода за границу верифицируемости. Тем более, как было определено, процедуру фальсификации возможно применить к изолированным эмпирическим гипотезам и только при условии отсутствия определенных результатов экспериментов или же из-за несовместимости с фундаментальными научными теориями [Сушин, 2021].

Доказательство принципиальной опровергаемости любого научного утверждения, ложности фактов, не согласующихся с определенной теорией может демонстрировать попытку *расширения*, размыкания границ, развития человеческого опыта, что и попытались предпринять представители постпозитивизма, ориентируясь на концепцию роста и углубления научного знания.

Интересна в постпозитивизме и «анархистская теория познания» П. Фейерабенда, которую можно обозначить как *маргинальный научный подход*. Принцип «дозволено все» («anything goes»), подразумевающий использование учеными любых методов, теорий, подходов для решения своих научных проблем, т. е. выход за границы требований рациональных правил и стандартов яркое свидетельство важности *пребывания за гранью*, по ту сторону, в другом пространстве, в иных сферах бытия как творческое вдохновение, озарение, просветление, откровение. П. Фейерабэнд утверждал, что наука всегда обогащается за счет вненаучных методов и результатов (приводит в пример коперниканскую революцию, возникновение квантовой теории), тогда как применение рациональных правил и стандартов целесообразно только в четко сформулированных условиях. Отстаиваемые П. Фейерабэндом принципы пролиферации и несоизмеримости также имеют маргинальные основания, поскольку подразумевают и *игнорирование границ* как пренебрежение существующими и признанными теориями, рассматриваемыми в качестве ограниченных пространств и *нахождение* между границами определенных пространств – теорий, не входя ни в одно из них при изобретении своей даже фантастической теории несоизмеримой ни с одной существующей [Фейерабэнд, 2007].

Маргинальный научный принцип в качестве содержательной составляющей концепции маргинальности вполне успешно может быть применен к объяснению определенных процессов и явлений глоболокальной современности с последующей выработкой как исследовательских программ, так и поведенческих стратегий. Даже несмотря на то, что *принцип фальсификации* К. Поппера довольно активно подвергнут критике с самых разных позиций, на наш взгляд, он может эффективно использоваться при формировании программ антикризисной коммуникации в кризисном менеджменте. Примечательны рассуждения К. Поппера о том, что класс всех возможных потенциальных фальсификаторов теории составляет ее эмпирическое содержание. Чем больше их количество, тем более, как ни странно это звучит, теория эмпирически верифицируема. В ней используются термины другой парадигмы, другой теории. В результате она сообщает о мире больше, нежели другие, более достоверные теории. Таким образом, чем в большем объеме подвергаются анализу факты кризисных ситуаций на предмет их фальсификаций, тем более вариативные возможности формируются для составления программ антикризисных коммуникаций. Аналогично, вероятно, использование данного принципа и в отношении анализа фейков и фактоидов.

Обратимся к анализу процесса трансформации спорта – влиятельного явления современности – в его глобализированную форму: постспорт.

Префикс *пост-* к такому явлению, как спорт, наделенному еще в период Античности сакральной характеристикой «хюбрис» и позднее Кубертевским лозунгом «быстрее, выше, сильнее!», только с появлением методов генной модификации организма реально воплотил идею превосходения пределов человеческих возможностей, обозначив прорыв с эпохой гуманизма, и стал воплощением идей пост- и транс-гуманизма.

Поскольку в спорте именно органическое тело человека является основным инструментом достижения результата, измеряемого в «сантиметрах, граммах, секундах», стали разрабатываться как «мягкие» (биодобавки, мочегонные средства, энергетические напитки, стероидные гормональные препараты), а с развитием трансплантологии – «жесткие» (имплантация механических суставов, связок неорганического происхождения, замена органов, смена пола и др.) средства создания рекорда любой ценой. Тело человека перестало быть закрытым пространством, хирургией сформированы возможности *пересечения границ*, преодоления (подвиг), превосходения, расширения границ человеческого. Активно этому способствовала и генетика спорта

[Williams, Folland, 2008], исследования которой позволили выделить полиморфизмы генов (аллели выносливости, аллели быстроты / силы, аллели ловкости и др.), ответственных за спортивные успехи. Стали разрабатываться технологии, программирующие рождение человека с заданным полиморфизмом генов – *homo modernised*.

Развитие постспорта обусловлено и стремительной технологизацией спортивных соревнований, связанной с дигитализацией как переходом границы из реального в виртуальное пространство, что дало начало развитию киберспорта (Counter-Strike, Dota, League of Legends и др.), спортивных симуляторов (кибергольф, кибергонки, Just Dance и др.), виртуальных копий видов спорта (киберфутбол, кибербаскетбол, киберхоккей и др.), айдлеров (соперничающих компьютерных программ) [Кыласов, 2021].

Таким образом, постспорт можно рассматривать в качестве соревновательной деятельности, финалом которой является не достижение рекорда посредством выявления предельных возможностей человека, а соревнования генетиков, фармакологов и хирургов, формирующих *homo modernised* как симбиоз человека, машины, искусственного интеллекта. Руководствуясь стратегиями взаимодействия с границами, можно констатировать проявление *балансировки*

присутствия одновременно в нескольких пространствах со своими границами и многократный их транзит, который, в свою очередь, осуществляется в силу обстоятельств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен маргинальности независимо от позитивной или негативной коннотации его воздействия тесно связан с понятием границы (реальной, виртуальной, предполагаемой) некой системы и наполняется содержанием в зависимости от ситуаций, положений, процессов, происходящих внутри границ системы или вне ее, но по отношению к этой системе расположенных рядом. Как только опознавательные знаки в виде границ утрачиваются, появляется неопределенность и отсутствие идентификации. По выражению З. Баумана [Бауман, 2008], текучая современность – это открытость, проницаемость, динамичность. Тем не менее начавшиеся процессы глокализации демонстрируют необходимость границ, норм, рамок как неких ориентиров, пусть, зачастую, кратковременных и поверхностных, но важных для выстраивания поведенческих стратегий и перспектив дальнейшего развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Парк Р. Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. 1998. № 2. С. 172–175.
2. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова ; под общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. М.: Прогресс, 1975.
3. Аверина М. В. Концепция маргинальности как инструмент анализа социокультурной динамики (на примере сферы спорта): дис. ... д-ра культурологии. М., 2015.
4. Гурин С. П. Проблема маргинальности в философской и религиозной антропологии: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2003.
5. Шкапенко Т. М., Шаповаленко Е. В. Словообразовательные модели дериватов с префиксом транс- в современном русском языке // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2022. № 4 (75). С. 85–94.
6. Сущин М. А. Фальсифицируемость как регулятивный принцип: границы применимости // Научно-исследовательские исследования / Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2021. С. 25–42.
7. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ : Хранитель. 2007. С. 6–11.
8. Williams A. G, Folland J. P. Similarity of Polygenic Profiles Limits the Potential for Elite Human Physical Performance // J. Physiol. 2008. V. 586 (1). P. 113–121.
9. Кыласов А. В. Роль этноспорта в современной игровой культуре: дис. ... д-ра культурол. М., 2021.
10. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.

REFERENCES

1. Park, R. E. (1998) Kul'turnyj konflikt i marginal'nyj chelovek = Cultural Crisis and the Marginal Man. Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Sociologiya, 11(2), 172–175. (In Russ.)
2. Kun, T. (1975) Struktura nauchnyh revoljucij = The Structure of Scientific Revolutions. Transl. from English. Ed. by I. Z. Naletova, Moscow: Progress. (In Russ.)

3. Averina, M. V. (2015). *Koncepciya marginal'nosti kak instrument analiza sociokul'turnoj dinamiki (na primere sfery` sporta) = The Concept of Marginality as a Tool for Analyzing Socio-Cultural Dynamics (on the example of the sphere of sports): Senior Doctorate in Cultural Studies. Moscow. (In Russ.)*
4. Gurin, S. P. (2003). *Problema marginal'nosti v filosofskoj i religioznoj antropologii = The problem of marginality in philosophical and religious anthropology: abstract of Senior Doctorate in Philosophy. Saratov. (In Russ.)*
5. Shkapenko, T. M., Shapovalenko, E.V. (2022). *Word-formation Models of Derivatives with the Prefix Trans- in the Modern Russian Language. Vestnik TvGU Series: Philology, 4(75), 85–94. (In Russ.)*
6. Sushhin, M. A. (2021). *Fal'sificiruemost' kak regulativnyj princip: granicy primenimosti = Falsifiability as a Regulative Principle: The Limits of Applicability (pp. 25–41). Naukovedcheskie issledovaniya. (In Russ.)*
7. Feyerabend, P. (2007). *Protiv metoda. Ocherk anarxistskoj teorii poznaniya = Against Method. Outline of an Anarchist Theory of Knowledge: transl. from english. Ed. by A. L. Nikiforova. Moscow. (In Russ.)*
8. Williams, A. G., Folland, J. P. (2008). *Similarity of Polygenic Profiles Limits the Potential for Elite Human Physical Performance. The Journal Physiol, 586(1), 113–121.*
9. Kylasov, A. V. (2021). *Rol' jetnosporta v sovremennoj igrovoj kul'ture = The role of ethnosport in modern gaming culture: Senior Doctorate in Cultural Studies. Moscow. (In Russ.)*
10. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost = The Liquid Modernity. Ed. by Y. Asochakov, St. Petersburg. Piter. (In Russ.)*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Марина Владимировна

доктор культурологии, доцент
профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Averina Marina Vladimirovna

Doctor of Culturology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor of the Department of Communication Technologies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

07.09.2023
30.09.2023
03.10.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 316.334



Дополнительное образование молодежи через призму развития нового социального института

М. О. Бессонова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
margobes@mail.ru*

Аннотация. В современном мире постепенно меняется роль и статус высшего образования, в особенности с точки зрения молодежи. Формирование новых ценностных ориентаций, возникновение новых потребностей в соответствии с изменяющимися социальными условиями способствовало росту молодежного интереса к явлению дополнительного образования. Вторичный анализ данных позволил рассмотреть современное состояние указанных социальных институтов.

Ключевые слова: социальный институт, образование, дополнительное образование, молодежь, молодые взрослые

Для цитирования: Бессонова М. О. Дополнительное образование молодежи через призму развития нового социального института // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 114–121.

Original article

The Further Education of Young People Through the Prism of the Development of a New Social Institution

Margarita O. Bessonova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
margobes@mail.ru*

Abstract. In the modern world, the role and status of higher education is gradually changing, especially from the point of view of young people. The formation of new value orientations, the emergence of new needs in accordance with changing social conditions contributed to the growth of youth interest in the phenomenon of further education. Secondary data analysis allowed us to consider the current state of these social institutions.

Keywords: social institution, education, further education, youth, young adults

For citation: Bessonova, M. O. (2023). The further education of young people through the prism of the development of a new social institution. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 114–121.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс социализации и становление личности может продолжаться в течение всей жизни. Одной из возрастных групп, в значительной степени подверженной внешнему воздействию, является молодежь, так как в молодости происходит формирование основополагающих ценностей и норм индивида. В современном мире в условиях турбулентности значимость социальных институтов для молодых людей меняется: если одни становятся основным жизненным ориентиром, то другие отходят на второй или третий план. Тем не менее институт образования можно назвать одним из наиболее важных социальных лифтов в жизни формирующейся личности. Однако данный институт также имеет некоторые недостатки, связанные с изменчивой социальной средой. Так, высшее образование уже не воспринимается молодыми людьми как неотъемлемая часть успешной профессиональной и личной жизни. Кроме того, сегодня наблюдается тенденция к росту числа студентов, которые не хотят работать по выбранной специальности. Дисфункция высшего образования отразилась на возникновении нового института – дополнительного образования, поэтому изучение данной темы является актуальным.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОНЯТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Изучение дополнительного образования следует начать с рассмотрения феномена образования в целом. Стоит обратиться к концепциям классических социологов. Например, Э. Дюркгейм, в первую очередь, известен своими работами по девиантному поведению, социальной аномии и социальному институту религии. Тем не менее в одной из своих наиболее известных работ «Самоубийство» социолог упоминал образование молодого поколения в связи с трудностями, которые могут возникнуть в обществе и послужить причиной, предпосылкой самоубийства. Он отмечал, что образование не должно ограничиваться только функционалом передачи знаний. Для расширения данной темы он писал об усвоении этических и нравственных норм. С одной стороны, воспитание молодежи способствует формированию определенной системы ценностей, идеологии, господствующей в обществе. Однако, с другой стороны, духовное обучение не создает ценностные ориентации, а воспроизводит их. Другими словами, воспитание, будучи неразрывно связано с образованием, является отражением моральной среды общества в настоящий момент. Для поддержания стабильности и высокого качества жизни последующих поколений

необходимо стремиться к улучшению и / или поддержанию «здоровых» ценностей уже сегодня.

Кроме того, говоря о самом процессе приобретения новых знаний, Э. Дюркгейм верил, что индивид нуждается в образовании, когда его «верования и обычаи теряют свой авторитет» [Дюркгейм, 1994]. Данная идея достаточно точно иллюстрирует ситуацию с дополнительным образованием молодежи. Получив диплом о высшем образовании, студент может пробовать работать по специальности. При несовпадении его ценностей и идей с концепцией работы возникает потребность, более того, необходимость в смене поля деятельности, например, в изучении навыков и знаний новой специальности.

Дополнительное образование принято рассматривать в контексте продолжительного процесса получения знаний, так как, с одной стороны, оно не входит в понятие традиционной системы, но с другой, становится частью данного социального института. Рассматривая проблему с такой точки зрения, можно обратить внимание на концепцию К. Мангейма. Как утверждал социолог, изначально подразумевалось, что образование обладает неким возрастным ограничением и оно необходимо для воздействия именно на молодежную аудиторию и для формирования ее модели поведения. Однако ученый упоминает такие понятия как «постобразование» и «переквалификация», которые расширили сферу обучения и предоставили более широкие возможности для взрослого населения [Манхейм, 2010]. Так, возникла концепция непрерывности образования, которое К. Мангейм рассматривал в контексте интеграции обучения с общественной жизнью, которая способствовала бы комплексному формированию личности.

Данный концепт заложен в российской системе образования. Так, согласно ст. 43 Конституции РФ, каждый гражданин имеет право на образование. Более того, государство «поддерживает различные формы образования и самообразования»¹. Основное общее образование является обязательным, однако дальнейший путь в обучении и приобретении профессиональных навыков зависит от выбора самого индивида.

Исходя из направленности исследования на изучение современного состояния системы образования, следует упомянуть идею Э. Гидденса касательно современных социальных институтов. Очевидно, что образование можно определить как один из основных социальных институтов любого общества. Более того, отдельные направления

¹Конституция Российской Федерации // Социальный фонд России. URL: <https://sfr.gov.ru/order/konstituciya/~4846> (дата обращения: 16.09.2023).

и категории образования также можно рассматривать через призму институциональных признаков. Дополнительное образование получило широкое распространение, в том числе и среди молодежной аудитории, относительно недавно, что вызывает определенный исследовательский интерес именно к данной теме. Соответственно, Э. Гидденс, описывая отличительные характеристики современных институтов от традиционных порядков, выделил темп изменений, масштаб и саму природу систем [Гидденс, 2011]. В отношении указанных пунктов можно привести в качестве иллюстративного примера аналитический сборник «Атлас новых профессий 3.0», а также представленные в нем высказывания руководителей крупнейших компаний на российском рынке [Атлас новых профессий 3.0, 2020]. Ключевая идея заключается в том, что современный мир изменчив и необходимость уметь быстро адаптироваться к окружающим историческим условиям становится всё важнее. Неизбежные метаморфозы социума, в свою очередь, приводят к недостаточной степени соответствия образовательной программы в высших учебных заведениях реальным запросам работодателей. Следовательно, возник институт дополнительного образования (в том числе профессионального), и в настоящий момент он продолжает развиваться для выполнения соответствующей функции.

Исходя из того, что дополнительное образование – это система, обладающая институциональными признаками, можно обратиться к концепции экономиста Д. Норта, который изучал взаимосвязь экономического поля и изменений существующих институтов. Так, ученый писал, что основная задача социальных институтов – снизить неопределенность, будучи «встроенным» набором моделей поведения [Норт, 1997]. Однако если человек находится в нестандартных условиях, которые выходят за рамки имеющегося опыта, то растет вероятность столкнуться с непредвиденными проблемами и трудностями. Схожая ситуация отражается и при несовпадении ожиданий молодежи от полученного образования с запросами реальной жизни, поэтому индивид, в первую очередь, ориентируется на собственную идеологию, т. е. на субъективное восприятие мира, на свои ценностные и моральные ориентации, которые помогают анализировать информацию и принимать взвешанные решения. На этой основе формируются новые процедуры и правила для облегчения существования индивида. Та же тенденция способствовала развитию и популяризации института дополнительного образования, который был призван помочь молодым людям упростить процесс их профессиональной социализации.

ОСОБЕННОСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Касательно современной молодежи и ее образования, следует обратить внимание на возникновение и распространение нового направления в художественной литературе – «young adult literature». Особенность данного вида произведений заключается в специфике целевой аудитории таких книг. Категория «молодые взрослые» достаточно ясно описывает и характеризует современную молодежь. С одной стороны, это совершеннолетние граждане, которые получают или уже получили высшее образование и готовы к профессиональной деятельности. С другой – в последние несколько лет отмечается тенденция «позднего взросления». Молодежь не способна брать на себя серьезные обязанности полностью. Это может проявляться в ряде признаков. Например, более поздний возраст переезда от родителей и начала самостоятельной жизни [Долгова, Митрофанова, 2015], низкий показатель рождаемости у младших возрастных групп и, соответственно, более высокий у старших¹. Кроме того, данная тенденция была отмечена и на государственном уровне путем принятия закона о молодежной политике в РФ, согласно которому возраст молодежи был повышен до 35 лет включительно².

Категория «молодые взрослые» наиболее часто рассматривается в контексте массовой культуры. Тем не менее изучение поведения, ценностей и интересов современной молодежи может быть основано на данном концепте, так как он наиболее точно характеризует специфику именно молодежной аудитории.

Так, можно предположить, что «молодые взрослые» не имеют четкого представления о своей будущей профессиональной деятельности, поэтому в большей степени подвержены воздействию внешних факторов (мнение родных, учителей или наличие бюджетных мест, низкий проходной балл, другое). Нежелание работать по выбранной специальности отражается на отсутствии мотивации и, соответственно, на низком уровне квалификации специалиста.

Проанализированная идея соответствует современным тенденциям в сфере молодежного образования. Знакомство со специальностью на практике приводит к снижению заинтересованности в выбранной профессии. В качестве иллюстративного материала можно рассмотреть результаты

¹Семья и дети в России: статистический сборник / Росстат, Общественная палата Российской Федерации, 2021.

²Закреплен новый возраст молодежи // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, 2020.

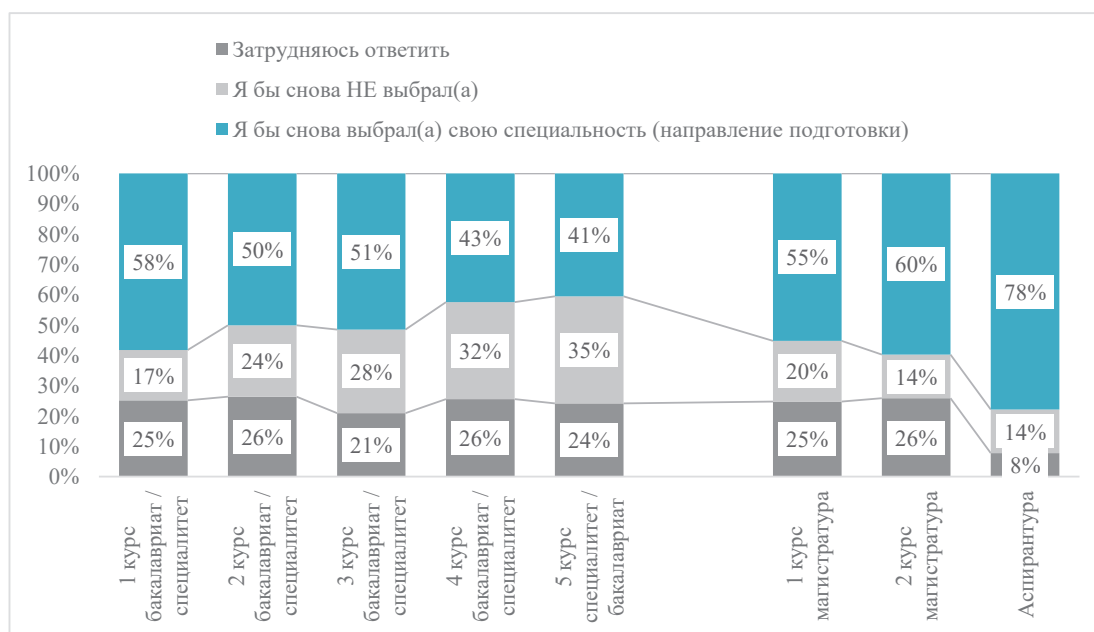


Рис. 1. Повторный выбор специальности (исследование студентов МГЛУ)

мониторингового исследования, проведенного в 2023 году с целью изучить характер удовлетворенности студентов Московского государственного лингвистического университета учебной деятельностью¹. На вопрос о том, выбрали ли бы студенты свое направление подготовки второй раз, если бы у них была такая возможность, около 52 % респондентов ответили положительно. Однако следует обратить внимание на следующую тенденцию (рис. 1). С повышением курса обучения снижается процент тех, кто доволен выбранной специальностью, и, соответственно, растет доля неудовлетворенных респондентов. Исключение составляют студенты магистратуры и аспирантуры – среди них наибольший процент положительно относящихся к выбранной специальности по сравнению со студентами бакалавриата. Очевидно, что с возрастом индивид лучше понимает самого себя и собственные нужды, поэтому его выбор становится более осознанным. Кроме того, принятие решения о поступлении в магистратуру / аспирантуру и получении дальнейшего высшего образования в большей степени зависит от самого студента, в то время как поступление абитуриента в бакалавриат подвержено влиянию внешних факторов, в том числе мнению родителей.

Интересная тенденция наблюдается и при анализе результатов опроса ВЦИОМ. По данным

исследования важности высшего образования, около 50 % респондентов отмечают, что высшее образование необходимо для карьерного роста и стабильного уровня жизни (рис. 2). Однако, если изучить распределения по возрастным группам, то группы 18–24 и 25–34 лет характеризуются наибольшим процентом тех, кто разделяет мнение, что «значимость высшего образования часто преувеличивают»². Соответственно, возникает тема дополнительного образования, так как оно может иметь ряд преимуществ. Например, более короткая продолжительность курсов, осознанный выбор направления обучения, удобный формат посещения занятий.

В исследовании ВЦИОМ, затрагивающим проблему дополнительного образования, также следует обратить внимание на изменение отношения к курсам профессиональной подготовки в различных возрастных группах. Чем старше респонденты, тем больше тех, кто верит, что базового образования достаточно для успешной карьеры (рис. 3). Среди 18–24 и 25–34 лет меньше 20 % придерживаются такого же мнения. Почти половина студенческой молодежи (18–24 лет) убеждена, что курсы повышения квалификации нужно посещать регулярно³. Возможно, это связано с тем, что молодые люди в большей степени осознают изменчивость современного рынка труда и понимают, что сегодня востребованы

¹Выборочная совокупность составила 1 997 студентов с относительной ошибкой в среднем 1,9 % (при доверительной вероятности $\gamma=0,95$).

²Высшее образование: неожиданный ренессанс? // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-neozhidannyi-renessans>.

³Запрос на образование // ВЦИОМ. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapros-na-obrazovanie-1>.

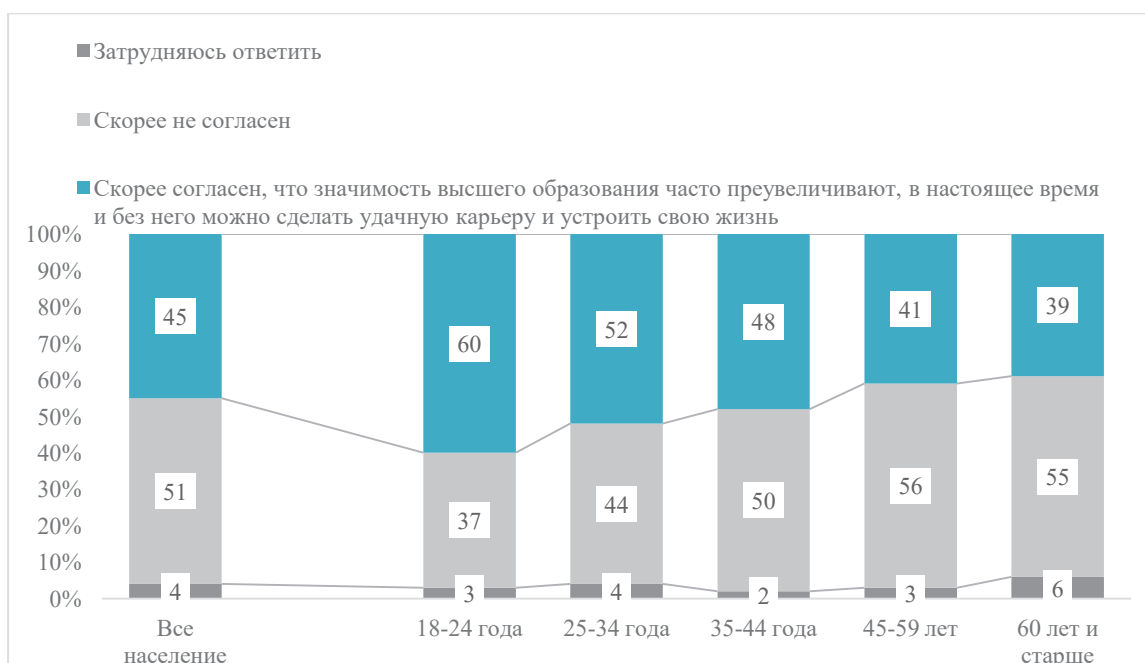


Рис. 2. Значимость высшего образования в разных возрастных группах (ВЦИОМ)

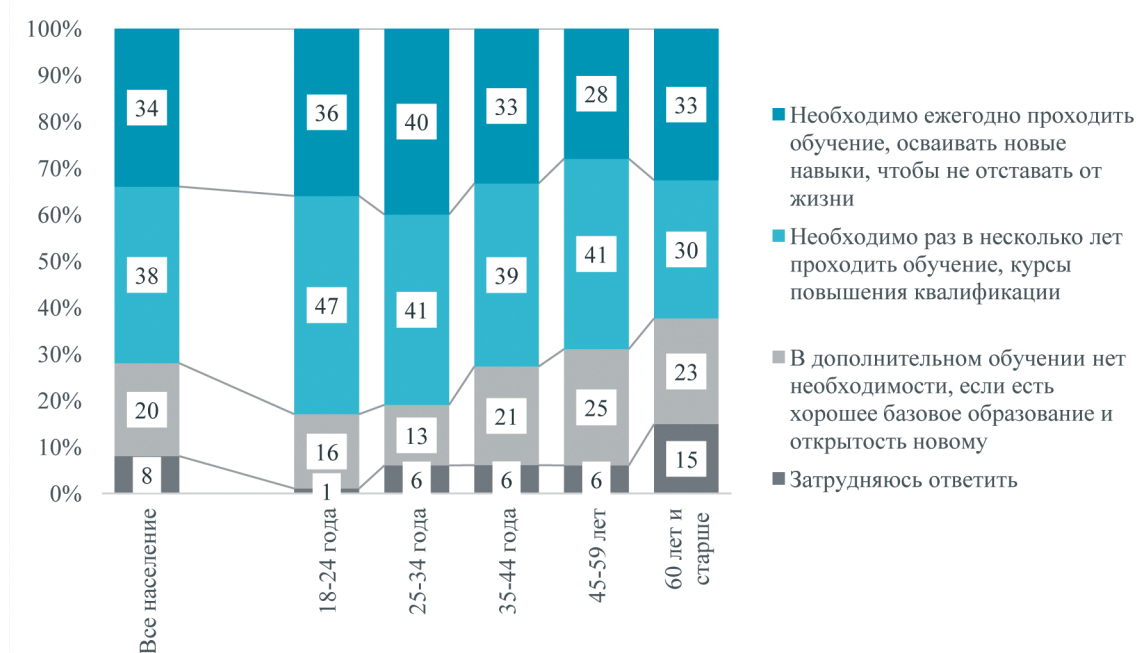


Рис. 3. Необходимость дополнительного образования (ВЦИОМ)

«многофункциональные» специалисты, компетентные в различных областях своей сферы. Следовательно, необходимость «идти в ногу со временем» и быть в курсе всех изменений, происходящих на рынке, – неотъемлемая часть любой профессиональной деятельности.

Спрос на дополнительное образование среди молодежной аудитории подтверждается не только субъективным мнением респондентов по результатам опроса, но и статистическими данными (рис. 4). В России Федеральная служба государственной статистики каждые пять лет проводит

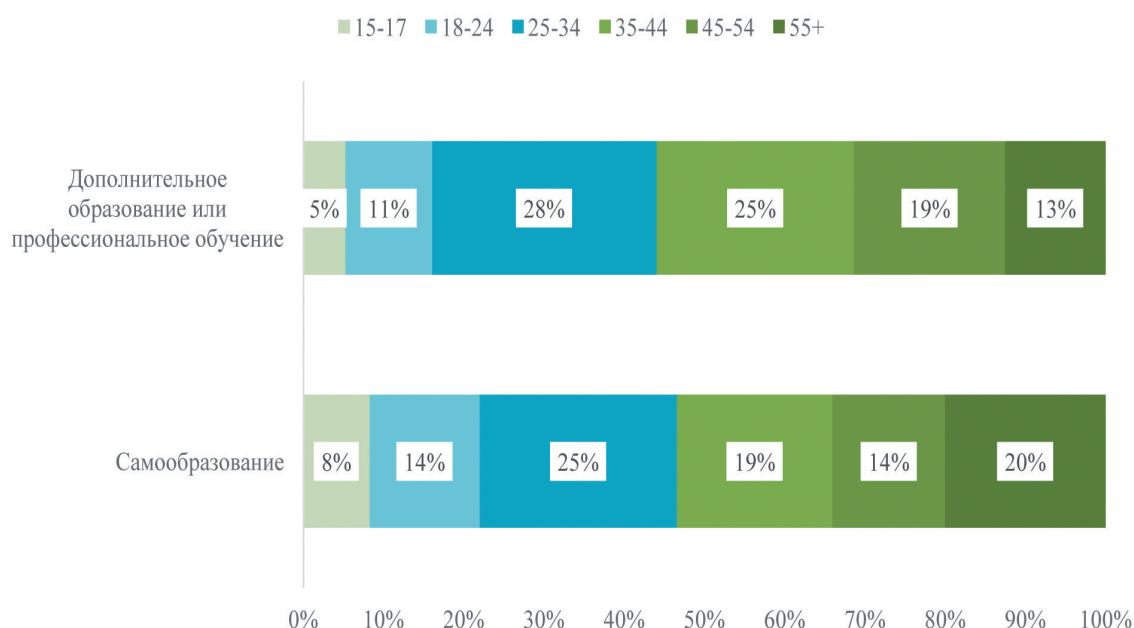


Рис 4. Формы участия в непрерывном образовании среди населения старше 15 лет (по данным Росстата)

наблюдение участия населения в непрерывном образовании (последняя волна – 2020 год). В данном исследовании под дополнительным образованием подразумевался «вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается повышением уровня образования»¹. Данное понятие включает в себя два направления: профессиональные и общеобразовательные программы. Первая категория в основном определяет карьерные траектории, на которые ориентируется индивид. Можно предположить, что они в большей степени связаны с символическим капиталом личности, так как курсы переквалификации и повышения уровня профессиональных навыков зачастую направлены на достижение более высокого статуса путем продвижения по службе и / или повышения уровня заработной платы. Однако другое направление отражает потребность самореализации и приобретение некоего культурного капитала. Они не имеют четкой специализированной направленности и не относятся к профессиональной роли индивида. Различия в мотивации молодых людей по выбору того или иного направления представляют большой интерес для исследований в данном поле.

¹Федеральное статистическое наблюдение участия населения в непрерывном образовании // Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/inobr2020/index.html

Анализ статистических данных, представленных в открытом доступе, показал, что около 40 % населения, которое принимало участие в получении дополнительного образования, относится к молодежной аудитории. Более того, учащаяся молодежь и молодые специалисты составляют половину тех респондентов, кто занимался самообразованием, т. е. обучением вне специализированных организаций. Данный показатель свидетельствует о том, что молодежная аудитория достаточно заинтересована в приобретении дополнительного образования. Кроме того, каждый третий молодой человек 20–34 лет проходил курсы дополнительного образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, вторичный анализ данных позволил подтвердить достаточно высокую значимость дополнительного образования как для студенческой молодежи, так и для молодых специалистов. Однако необходимо уточнить, что под дополнительным образованием могут также подразумеваться направления смены специальности. Несмотря на то, что молодежь 18–35 лет получила диплом или находится в процессе завершения прохождения обучения, спрос на дополнительные образовательные услуги существует. Возможно, это связано с поиском своего места на рынке труда и желанием попробовать себя в разных сферах. Э. Гидденс писал, что для современности характерна смена ориентации на внутренние и нематериальные

ценности. Другими словами, индивиду в некоторых ситуациях важнее духовное удовлетворение жизнью, чем материальные блага. В отношении молодежи это подтверждается исследованием ВЦИОМ, согласно которому жизненным приоритетом молодежи разных возрастных групп остается

«высокий уровень благополучия» и «спокойная семейная жизнь» (рис. 5)¹.

¹Ценности молодежи // ВЦИОМ, 2022.

URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>

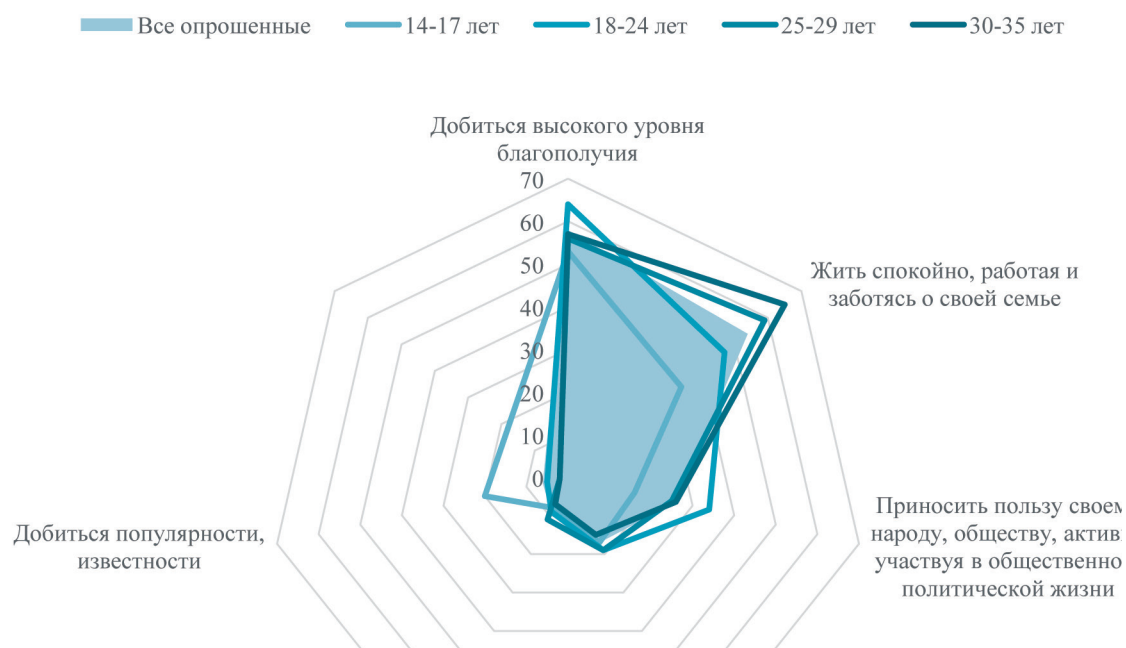


Рис. 5. Жизненные приоритеты современной молодежи (ВЦИОМ)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994.
2. Мангейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: РАО Говорящая книга, 2010.
3. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011.
4. Атлас новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Интеллектуальная литература, 2020.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Начала, 1997.
6. Долгова А. А., Митрофанова Е. С. Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект // Экономическая социология. 2015. Т. 6. № 5. С. 46–76.

REFERENCES

1. Durkheim, E. (1994) Samoubijstvo: Sociologicheskij etjud = Le Suicide: Étude de sociologie: ed. by V. A. Bazarov. Moscow: Mysl. (In Russ.)
2. Mannheim, K. (2010) Izbrannoe: Diagnoz nashego vremeni = Diagnosis of Our Time: transl. from english. Moscow: RAO Govoryashchaya kniga. (In Russ.)
3. Giddens, A. (2011) Posledstviya sovremennosti = The Consequences of Modernity. Moscow: Praksis. (In Russ.)
4. Varlamova, D., Sudakov, D. (Eds.). (2020). Atlas novyh professij 3.0. = Atlas of New Professions 3.0. Moscow: Intellektualnaya Literatura. (In Russ.)

5. North, D. (1997) Instituty, institucionalnye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki = Institutions, institutional change and economic performance: transl. from english. Moscow: Nachala. (In Russ.)
6. Dolgova, A. A., Mitrofanova, E. S. (2015) Separation from the parental family in Russia: the intergenerational aspect. Journal of economic sociology, 6(5), 46–76. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бессонова Маргарита Олеговна

аспирант кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bessonova Margarita Olegovna

postgraduate of the Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.09.2023
27.09.2023
30.09.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 316.3



Взаимодействие органов внутренних дел с населением как основа формирования доверия граждан к полиции в современной России

О. В. Зуева

*Академия управления МВД России, Москва, Россия
olgazueva-l@rambler.ru*

Аннотация. В статье анализируется проблема взаимодействия полиции с гражданами. Автор рассматривает отдельные формы взаимодействия полиции и общества. Анализ отдельных социологических концепций позволил определить ключевую роль взаимодействия граждан и полиции в формировании доверия к ней. С помощью вторичного анализа данных, а также фокус-группового метода обозначены основные проблемы, возникающие в ходе взаимодействия полиции с гражданами, а также основные направления укрепления доверия граждан полиции.

Ключевые слова: доверие граждан, полиция, взаимодействие, общественное мнение, социологическое исследование, общественные организации, средства массовой информации

Для цитирования: Зуева О. В. Взаимодействие органов внутренних дел с населением как основа формирования доверия граждан к полиции в современной России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 122–128.

Original article

Interaction of Internal Affairs Bodies with the Population as a Basis for the Formation Of Citizens' Trust in the Police in Modern Russia

Olga V. Zueva

*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
olgazueva-l@rambler.ru*

Abstract. The article analyzes the problem of police interaction with citizens. The author considers some forms of interaction between the police and society. The analysis of individual sociological concepts made it possible to determine the key role of interaction in the formation of citizens' trust in the police. With the help of secondary data analysis, as well as the focus group method, the main problems arising during the interaction of the police with citizens, as well as the main directions of strengthening the trust of citizens of the police, are identified.

Keywords: trust of citizens, police, interaction, public opinion, sociological research, public organizations, mass media

For citation: Zueva, O. V. (2023). Interaction of internal affairs bodies with the population as a basis for the formation of citizens' trust in the Police in modern Russia. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 122–128.

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие органов внутренних дел с населением является важным аспектом формирования доверия граждан к полиции в современной России. Полиция играет ключевую роль в обеспечении безопасности и защите прав и свобод граждан, эти социальные функции могут быть выполнены эффективно только при наличии доверия к полиции со стороны населения. Одним из основных способов формирования доверия к полиции является ее взаимодействие с гражданами. Органы внутренних дел должны установить доверительные отношения с населением, чтобы граждане могли чувствовать себя защищенными и уверенными в нерушимости своих прав. Поэтому необходимо изучение форм взаимодействия полиции с населением, которые будут способствовать укреплению доверия граждан к полиции и повышению авторитета органов внутренних дел в обществе.

Объектом исследования является взаимодействие органов внутренних дел с населением в современной России. Предметом исследования являются формы взаимодействия полиции и общества, способствующие укреплению доверия граждан к органам внутренних дел. Целью исследования является выявление основных проблем и эффективных методов взаимодействия полиции с гражданами в целях формирования доверия населения к полиции.

ДОВЕРИЕ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

Ключевым понятием социологической теории является категория социального взаимодействия. Взаимодействие – простейшее социальное явление, которое исторически предшествовало образованию общества. Благодаря взаимодействию друг с другом люди создают социум. Социальное взаимодействие играет значительную роль в формировании социальных структур, культуры, норм и ценностей общества. Данное социальное явление представляет собой неотъемлемую часть социальных отношений, которые охватывают все аспекты жизни людей, включая экономические, политические, культурные и личные отношения. Социальное взаимодействие является ключевым фактором в формировании социальных институтов, таких как семья, образование, экономика, политика и религия.

В социологической теории социальное взаимодействие рассматривается в различных контекстах. Представители символического интеракционизма (Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Блумер) утверждают, что социальная реальность формируется через социальное

взаимодействие и общение между людьми. В теории социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман) социальные явления и институты создаются и поддерживаются через социальное взаимодействие и общение между людьми.

Одной из ключевых является концепция Э. Дюркгейма. Он рассматривал общество как некое целое, которое формируется благодаря взаимодействию между его частями. В своей работе «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм аргументирует, что разделение труда в обществе приводит к возникновению специализации и разнообразию профессий [Дюркгейм, 1991]. Это, в свою очередь, вызывает необходимость взаимодействия между людьми, которые занимают различные позиции в системе производства. В результате разделения труда возникает механический и органический типы взаимодействия. Механическое взаимодействие возникает между индивидами, которые занимают одну и ту же позицию в системе производства и имеют схожие ценности и нормы. Органическое взаимодействие, в свою очередь, возникает между специалистами, которые занимают разные позиции и выполняют разные функции в обществе, но взаимодействуют между собой для достижения общей цели. Э. Дюркгейм утверждал, что органическое взаимодействие является более сложным и разнообразным, чем механическое и требует более высокой степени интеграции и координации. Важную роль в поддержании социальной интеграции в условиях разделения труда и органического взаимодействия играют такие социальные институты, как право, мораль и религия.

Для Э. Дюркгейма важным элементом социальной жизни является доверие. Социальное взаимодействие возможно только благодаря существованию определенных установок и норм, которые регулируют поведение людей. Одной из важнейших норм, обеспечивающих социальную интеграцию и стабильность, является доверие. Он считал, что доверие возникает благодаря общим ценностям и общности опыта, что позволяет людям чувствовать себя связанными друг с другом и доверять друг другу. Доверие возникает благодаря существованию общественных институтов, которые регулируют поведение людей и защищают их интересы.

Таким образом, для Э. Дюркгейма, доверие и социальное взаимодействие тесно связаны между собой. Доверие является необходимым предпосылкой для социального взаимодействия, а социальное взаимодействие, в свою очередь, способствует укреплению доверия между людьми и стабильности общества в целом.

Глубинным исследованием социального явления взаимодействия занимался американский социолог Т. Парсонс. Он рассматривал взаимодействие

как основу социальной жизни и утверждал, что оно должно быть рассмотрено с точки зрения системы, в которой различные элементы взаимодействуют, чтобы достичь определенных целей. По его мнению, социальное взаимодействие может быть организовано как на уровне микросистем (например, семья), так и на уровне макросистем (например, государство). Социальное взаимодействие на макроуровне должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить стабильность и устойчивость системы [Парсонс, 2002]. Ключевой составляющей социального взаимодействия и социальной интеграции является доверие. Доверие возникает на основе общих ценностей и норм, которые регулируют поведение людей. Взаимодействие между людьми может происходить только тогда, когда они доверяют друг другу и считают, что их действия будут соответствовать общим нормам и ценностям.

Кроме того, Т. Парсонс считал, что доверие является важным фактором, который способствует стабильности и развитию общества. Доверие является необходимым условием для сотрудничества и координации действий между людьми, а также необходимой предпосылкой для социального взаимодействия и социальной интеграции. В свою очередь, социальное взаимодействие способствует укреплению доверия между людьми и стабильности общества в целом.

Значительный вклад в теорию социального взаимодействия внес П. Сорокин. Он считал, что социальное взаимодействие является ключевой особенностью социальных систем. Согласно теории П. Сорокина, социальное взаимодействие происходит на трех уровнях: культурный (обмен культурными ценностями), социальный (семья, школа и т. д.) и личностный (индивидуальные отношения) [Сорокин, 2000]. Взаимодействие на социальном уровне определяет социальные отношения и структуры.

Важным элементом социального взаимодействия является доверие. По мнению П. Сорокина, доверие возникает на основе определенных социальных и культурных условий. Он выделял несколько типов культур, которые влияют на уровень доверия в обществе. Например, в традиционной культуре, доверие основано на общих ценностях, традициях и обычаях. В рациональной культуре, доверие основано на логическом мышлении и научном подходе. В смешанной культуре, доверие основано на комбинации этих двух подходов.

Социальное взаимодействие может иметь как позитивные, так и негативные последствия для общества. На стабильность и процветание влияет уровень доверия в обществе. Когда доверие высоко, люди более склонны к сотрудничеству и взаимопомощи, что способствует развитию экономики

и социальной сферы. Позитивное взаимодействие, основанное на взаимном уважении и поддержке, способствует развитию общества и снижению конфликтов. Негативное социальное взаимодействие, основанное на насилии и пренебрежении, может привести к разрушению общества и социальной дезорганизации. Когда доверие низко, люди становятся более подозрительными и изолированными, что может привести к конфликтам и нестабильности в обществе.

Таким образом, анализ отдельных классических теорий социального взаимодействия, показывает, что доверие является важным элементом социального взаимодействия и может влиять на его результаты. Соответственно развитие различных форм социального взаимодействия институтов государственной власти с населением способствует укреплению доверительных отношений и развитию сотрудничества.

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ И ОБЩЕСТВА

Взаимодействие органов внутренних дел с населением является одним из ключевых факторов формирования доверия граждан к полиции в современной России. В условиях современной жизни важно, чтобы граждане доверяли полиции и были готовы сотрудничать с ней в борьбе с преступностью.

Существуют различные формы взаимодействия между полицией и обществом, которые формируют доверие граждан. Некоторые из этих форм взаимодействия включают в себя.

1. Прямое взаимодействие полиции с местными жителями. Органы внутренних дел и население взаимодействуют на разных уровнях. В первую очередь речь идет о взаимодействии на улицах и в общественных местах, когда сотрудники полиции несут службу по обеспечению охраны общественного порядка. На этом уровне важно, чтобы сотрудники полиции не только выполняли свои задачи, но и умели налаживать контакт с населением, проявляли вежливость и уважение к гражданам.

На втором уровне, это взаимодействие в рамках расследования преступлений. Важно, чтобы сотрудники полиции были компетентны и эффективны в своей работе, чтобы граждане видели результаты их деятельности. Особое значение имеет уважение сотрудниками полиции к правам граждан и соблюдение их законных интересов в процессе расследования преступлений.

Анализ факторов, влияющих на уровень доверия граждан, показал, что ключевую роль играет опыт непосредственного взаимодействия граждан с сотрудниками полиции. Практика взаимодействия,

в ходе которого удовлетворены потребности граждан в безопасности, становится залогом формирования доверия к полиции. По данным опросов общественного мнения более половины россиян (52,1 %) чувствуют защищенность от преступных посягательств на жизнь, здоровье и имущество, что на 1 % больше, нежели в 2020 году. К сожалению, показатели виктимности населения остались на уровне 2020 года (8,8 %) и выше показателей 2019 года на 0,3 %¹.

Практический опыт взаимодействия становится ключевым при оценке эффективности деятельности полиции. В ходе взаимодействия у граждан формируются представления о профессионализме, грамотности, честности и порядочности сотрудников полиции. Сталкиваясь с профессиональной некомпетентностью сотрудников, неравным отношением к разным категориям граждан, безразличием к своим непосредственным обязанностям, с низким уровнем профессиональной этики, граждане перестают доверять полиции. По данным опроса о работе полиции, проведенного фондом общественного мнения в 2020 году, почти треть россиян считают сотрудников полиции некомпетентными (30 %), нечестными, непорядочными (28 %), при этом 64 % опрошенных к полиции относятся положительно².

Анализ результатов исследований в 2022 году, проведенных социологическими центрами, свидетельствует о положительной динамике уровня доверия граждан сотрудникам полиции. По данным ВЦИОМ уровень доверия вырос до 62 %³. Специалисты отмечают, что причиной роста доверия является поддержка гражданами проводимой государством политики в условиях нарастающей внешней угрозы. При этом эффективность деятельности самого правоохранительного института не изменилась.

Несомненно, влияние на уровень доверия такого фактора как ситуация в стране в целом имеет важное значение, но при этом центральным фактором, остается деятельность самого социального института. Позитивное социальное взаимодействие является залогом формирования доверия к сотрудникам полиции, способствует формированию сотрудничества между населением и органами внутренних дел.

Третий уровень непосредственного взаимодействия связан с организацией непосредственного привлечения граждан к осуществлению охраны общественной безопасности, проведению

отчетных мероприятий полиции перед населением, а также совместном обсуждении вопросов правоохранительной направленности.

Важную роль в укреплении доверия между населением и полицией играют отчеты участковых уполномоченных перед гражданами. Участковые уполномоченные находятся на передовой линии обеспечения общественной безопасности в конкретном районе или на улице, и их работа напрямую влияет на жизнь и безопасность местных жителей. Поэтому прозрачность и понимание работы участковых уполномоченных среди населения является важным фактором для укрепления доверия граждан к полиции. В соответствии с приказом МВД России от 29 марта 2019 № 205 «О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» участковые уполномоченные полиции проводят отчеты перед населением «в целях информированности населения об оперативной обстановке и проделанной работе на административном участке, а также получения информации об оценке населением» их деятельности⁴.

Отчеты участкового уполномоченного включают в себя информацию о количестве зарегистрированных преступлений в районе, мерах, принятых полицией для обеспечения безопасности, о работе с общественными организациями, об организации профилактических мероприятий и т. д. Важно, чтобы отчеты были доступными и понятными для граждан, чтобы они могли оценить работу участкового уполномоченного и понять, какие меры были приняты для обеспечения их безопасности.

Отчеты участковых уполномоченных могут также включать в себя информацию о проблемах, с которыми сталкивается полиция при работе в данном районе, о потребностях в дополнительной материально-технической базе и сотрудниках. Это позволяет гражданам лучше понимать сложности работы полиции и способствует формированию реалистичного отношения к работе участковых уполномоченных. Когда граждане видят, что полиция понимает их проблемы и работает над их решением, они чувствуют большее доверие и готовы больше сотрудничать с ней в борьбе с преступностью. Вместе с тем необходимо отметить присутствие формализма. Причиной данной ситуации является не только проблемы в организации данных мероприятий, отсутствии заинтересованности у участковых, но и низкая активность самих граждан, не желающих посещать общественно

¹Доверие полиции: мониторинг. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring>

²Работа полиции. Отношение к полицейским, опыт общения с ними и оценки освещения работы полиции СМИ. Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14363>

³Доверие полиции: мониторинг. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring>

⁴О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 № 205 // Справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

значимые мероприятия. Преодоление формального подхода к работе является важной задачей службы участковых уполномоченных полиции в укреплении доверия между населением и полицией, поскольку такое взаимодействие помогает гражданам лучше понять работу полиции в их районе, оценить ее эффективность.

2. Сотрудничество с общественными организациями. В условиях формирования гражданского общества в России не теряет своей актуальности вопрос участия институтов гражданского общества в управлении государством, которое выражается как в формулировании целей и задач государства, так и в их реализации. Одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел является взаимодействие территориальных органов МВД России с институтами гражданского общества. В соответствии с п. 1 ст. 10. Взаимодействие и сотрудничество Федерального закона от 7 февраля № 3-ФЗ «О полиции» «полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами»¹.

В современной России общественные объединения выполняют посредническую функцию между институтами публичной власти и гражданским обществом по защите и обеспечению прав и свобод граждан. Несмотря на всё разнообразие общественных организаций, их разноплановость, они способствуют развитию социального партнерства между институтами публичной власти и гражданами. Партнерская модель отношений МВД, общества и социума ориентирована на создание эффективных механизмов взаимодействия государства с общественными объединениями.

К основным направлениям совместной деятельности институтов гражданского общества и территориальных органов внутренних дел относятся: разработка и совершенствование государственной политики, направленной на укрепление законности и правопорядка в Российской Федерации; сотрудничество при проведении разного уровня мероприятий (федеральные, региональные и местные), ориентированных на поддержку правоохранительных инициатив; участие в разработке программ по защите прав и свобод граждан, координация усилий при их выполнении; формировании положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел; изучение общественного мнения граждан о деятельности полиции;

проведение фундаментальных и прикладных научных исследований по проблемам прав человека.

На современном этапе необходимо стремиться к расширению сотрудничества между органами внутренних дел и общественными организациями. Учитывая то, что лучшей гарантией стабильного и устойчивого развития государства является социальное партнерство, особое внимание необходимо уделить формированию партнерской модели взаимоотношений ОВД с общественными организациями. Такая модель позволяет наметить точки соприкосновения между субъектами взаимодействия и способствует укреплению доверия к сотрудникам полиции.

Институты гражданского общества являются для органов внутренних дел не только ресурсом противостояния преступности, но и необходимым инструментом, способствующим укреплению доверия граждан к полиции. Тесное взаимодействие с ними позволяет обеспечить доверие населения сотрудникам полиции. Отчетная документация по взаимодействию с правозащитными организациями и организациями правоохранительной направленности демонстрирует положительную динамику взаимодействия в отдельных субъектах страны. Кроме того, наблюдается положительная динамика во взаимодействии с религиозными организациями, с общественными, в том числе молодежными организациями, движениями, общественными учреждениями, общественными фондами, национальными общественными объединениями. Активное взаимодействие осуществляется с такими волонтерскими организациями и объединениями, как поисково-спасательный отряд «Лиза Алерт», Всероссийская ассоциация волонтерских организаций «Поиск пропавших детей», Ассоциация организаций и граждан по оказанию помощи пропавшим и пострадавшим детям «Национальный мониторинговый центр помощи пропавшим и пострадавшим детям»².

Мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества осуществляет Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации МВД России. Результаты мониторинга показывают, наличие таких форм взаимодействия как уклонение от взаимодействия, компромиссное взаимодействие, однонаправленное воздействие, контрастное взаимодействие (с одной стороны – содействие, с другой – активное противодействие). Такого рода взаимодействия являются результатом недоверия либо общественных организаций к полиции, либо наоборот. В ряде регионов страны

¹О полиции: федеральный Закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»

²Мониторинг взаимодействия МВД России с институтами гражданского общества. Министерство внутренних дел РФ.
URL: <https://мвд.рф/мониторинг-взаимодействия-с-институтами>

наблюдается недостаточно эффективная координация совместной работы.

Несмотря на то, что взаимодействие нуждается в дальнейшем совершенствовании, в целом оно развивается и становится более эффективным и организованным.

Необходимо активнее использовать потенциал общественных организаций с целью укрепления доверия граждан к полиции. Поиск новых форм и расширение перечня направлений научного сотрудничества является важнейшей задачей органов внутренних дел.

3. Использование средств массовой информации и общественных сетей. Полиция может использовать различные средства массовой информации, такие как телевидение, радио, Интернет и социальные сети, для информирования населения о своей деятельности, знакомства с правилами поведения в общественных местах, пропаганды способов борьбы с преступностью. На уровне территориальных органов МВД России данный вид взаимодействия реализуют подразделения информации и общественных связей. Задачами подразделений является осуществление информационной политики МВД России, реализация принципа открытости, укрепление доверия граждан сотрудникам полиции и минимизация имиджевых потерь. В рамках проведенного в марте 2023 года фокус-группового исследования среди представителей соответствующих подразделений был выявлен ряд положительных и проблемных факторов. К положительным следует отнести изменение информационной повестки, ориентированной на создание положительного образа сотрудника полиции, а также конструктивное сотрудничество с традиционными СМИ (газеты, телевидение и т. д.). Открытым остается вопрос взаимодействия государства с нетрадиционными СМИ (социальные сети и т. д.). В интернет-пространстве очень сложно изменить информационную повестку. Информация распространяется очень быстро и достигает большой аудитории. В случае если информационная повестка уже установлена, то ее изменение потребует значительных усилий и времени. Усложняет ситуацию большое количество различных источников информации, которые распространяют, в том числе, и недостоверную информацию. Кроме того, интернет часто становится местом для эмоциональных дискуссий. Ситуация усложняется тем, что в таких дискуссиях люди выражают свои эмоции и убеждения, а не стремятся к объективной оценке

ситуации. Таким образом, улучшение взаимодействия полиции со СМИ требует участия широкого круга заинтересованных сторон, разработки новых стратегий коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимодействие органов внутренних дел с населением является важным фактором формирования доверия граждан к полиции в современной России. Оно должно быть основано на взаимном доверии и уважении. К сожалению, на современном этапе в ходе взаимодействия органов внутренних дел с населением на разных его уровнях встречаются проблемы. Опыт непосредственного взаимодействия является ключевым фактором формирования доверия граждан к полиции. В ходе анализа определено, что негативный опыт, как правило, формируется по причине встречающегося непрофессионализма и некомпетентности сотрудников полиции, грубости и неуважительного отношения к гражданам, а также вследствие системных проблем, таких как коррупция и недостаточная ответственность за правонарушения.

Несмотря на позитивную динамику во взаимодействии полиции с общественными организациями, ряд проблем на данном уровне взаимодействия на лицо. В первую очередь, это обоюдное недоверие, вызванное недостаточной открытостью со стороны полиции. Различия в целях и задачах полиции и общественных организаций также могут приводить к разногласиям. Достаточное количество проблем наблюдается во взаимодействии полиции со СМИ. Конструктивный диалог между полицией и СМИ наблюдается, но это, как правило, касается традиционных источников информации.

Таким образом, эффективными направлениями взаимодействия полиции с гражданами, улучшающими доверие, являются: развитие профессиональных навыков сотрудников полиции, повышение уровня их компетенции и эффективности деятельности; проведение среди населения информационной работы с целью улучшения понимания ими задач и функций полиции; формирование среди граждан готовности к сотрудничеству с ОВД; установление четких принципов и процедур работы с информацией; обеспечение доступа к информации в пределах возможного; развитие новых стратегий коммуникаций; учет интересов и требований всех субъектов взаимодействия при установлении общих правил и целей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. Л. Б. Гофмана. М.: Наука, 1991.
2. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
3. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. Санкт-Петербург: РХГИ, 2000.

REFERENCES

1. Dyurkgejm, E. (1991). O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii = On the division of social labor. The method of sociology. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Parsons T. (2002). On social systems. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
3. Sorokin P. A. (2000). Social'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij = Social and cultural dynamics: A study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations. St. Petersburg: RHGI. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зуева Ольга Владимировна

кандидат социологических наук
заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления
Академии управления Министерства внутренних дел России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zueva Olga Vladimirovna

PhD (Sociological Sciences)
Deputy Head of the Department of Theory and Methodology of Public Administration
Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia

Статья поступила в редакцию	25.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	21.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	30.09.2023	accepted for publication



Особенности (де)профессионализации в сфере гражданской науки

Е. Н. Рассолова¹, К. А. Галкин²

^{1,2}Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

¹enrassolova@gmail.com

²Kgalkin1989@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности (де)профессионализации сферы гражданской науки на примере проектов гражданской науки в различных сферах в России. Методологической базой исследования выступают 60 различных проектов из разных сфер гражданской науки, проведенные в России. Представлен материал, который анализировался в рамках исследования, публикации, отчеты и публикации в СМИ, освещающие результаты настоящих проектов.

Ключевые слова: гражданская наука, профессиональная наука, научная методология, исследования науки, профессионализация в науке

Для цитирования: Рассолова Е. Н., Галкин К. А. Особенности (де)профессионализации в сфере гражданской науки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 129–135.

Original article

Features (De)Professionalization in the Field of Citizen Science

Elena N. Rassolova¹, Konstantin A. Galkin²

^{1,2}Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences –

Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹enrassolova@gmail.com

²Kgalkin1989@mail.ru

Abstract. This article examines the features of (de)professionalization of the field of citizen science on the example of citizen science projects in various fields in Russia. The methodological basis of the research is 60 different projects from different fields of civil science conducted in Russia. The material that was analyzed in the framework of the study publications, reports and publications in the media covering the results of these projects.

Keywords: citizen science, professional science, scientific methodology, research of science, professionalization in science

For citation: Rassolova, E. N., Galkin, K. A. (2023). Features (de)professionalization in the field of civil science. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 129–135.

ВВЕДЕНИЕ

Актуализация роли науки и расширение применения научных знаний в промышленном производстве происходят в XIX веке с началом промышленной революции [Виргинский, 1984; Dawson, 2004]. Период с середины XIX века и до 1910-х годов связан с появлением новых дисциплин и стандартов научного образования. В это время профессия ученого перестает быть исключительно делом энтузиастов и экспериментаторов и становится всё более институционализированной, приобретает четкие профессиональные границы [Сокулер, 2001; Ben-David, 1960; Ben-David, Collins, 1966]. Вместе с тем наука развивается в двух направлениях: профессиональном и гражданском. Гражданская составляющая науки вместе с исследованиями ученых-профессионалов дополняет и расширяет возможности и пространство идей.

Гражданская наука – это знание, которое создается и развивается непрофессионалами, любителями и энтузиастами наряду с профессиональными исследованиями. Именно такое определение предлагают классики этой сферы [Irwin, 2015; Irwin, 2018; Bonney et. al., 2016]. В центре внимания исследователей – граница между профессиональной наукой и «добровольческой» наукой. Ряд авторов, приверженцев функционалистского подхода, считает, что эта грань определяется образованием ученых и наличием исследовательских центров, в которых непосредственно они работают [Kerr, Glinow, Schriesheim, 1977; Larson, 2017; Watson, 2002]. Существует иной подход, конструктивистский, приверженцы которого, наоборот, рассуждают о конструировании научного знания в целом, как и о профессии ученых, которая скорее создается в рамках университетов, исследовательских лабораторий и определенного сленга, в параметрах профессиональной коммуникации и ее стилей [Bettencourt, 2012; Bijker, 2001]. С развитием информационных технологий и большей доступности исследовательских работ и знаний возникает ряд важных методологических вопросов относительно перспектив профессионализации научного знания. Это относится, например, к рассмотрению гуманитарных инициатив в контексте гражданской науки, а также к изменению границ между профессиональным ученым и исследователем-любителем.

При описании особенностей профессионализации научного знания возникает важный вопрос о социальном и институциональном взаимодействии двух ветвей науки. Этот вопрос связан в том числе с возможными конфликтами, возникающими при попытках уравнивания. В настоящем

исследовании рассматриваются вопросы профессионализации науки в контексте иерархии властных отношений между учеными и исследователями-энтузиастами в рамках успешных исследовательских проектов.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

В XIX веке начался переход от науки теоретической к экспериментальной, позволяющей доказать правильность или неправильность теоретических идей [DeBoer, 2000]. Развитие экспериментальной науки приводит к ужесточению прежнего конфликта в двух ветвях познания. Так, теоретическая наука в XIX веке в наибольшей степени принадлежит ученым и исследователям, которые относились к высшим сословиям, имели доступ к книгам и качественному образованию, участвовали в постоянном обмене мнениями с единомышленниками. Он происходил преимущественно через научную переписку [Kronick, 1962]. Экспериментальная наука имела репутацию почти ремесленного дела. Безусловно, намеченные тенденции к профессионализации науки привели к тому, что занятие наукой стало уделом и прерогативой высших сословий. Таким образом, социальный статус ученого – это статус, прежде всего, богатого человека, который мог позволить себе заниматься наукой, нанимать персонал для выполнения тех или иных экспериментов.

Вместе с закрытостью научного знания появились тенденции к депрофессионализации исследовательской сферы. Одним из наиболее ярких примеров можно считать эксперимент по изучению приливов и отливов, который происходил в Англии в середине XIX века, предпринятый Уильямом Хьюэллом в 1835 году (The Great Tide Experiment). Он может быть назван одним из первых проектов гражданской науки [Cooper, 2016]. При этом, несмотря на развитие инициатив и проектов гражданской науки, к концу XIX века в обществе все же произошел некий раскол относительно этих двух направлений. Этот раскол был связан, в первую очередь, с установлением властных отношений, монополии на экспертность, которой располагали лишь профессиональные ученые [Abel, 1979; Pareto, 2017]. Гражданской науке была отведена роль некоего инструмента, обслуживающего сектор фундаментальных исследований, но не способствующего приросту теоретического знания.

Производство научного знания выступило основным разделением функций и ролей профессионального и непрофессионального полей. Ведущая роль в этом дуэте была отведена профессиональному ученому, имеющему экспертную монополию на

возможность анализа и интерпретации полученных экспериментов, составления инструкций и описаний, в то время как роль гражданского ученого была ограничена необходимостью следовать правилам и предписаниям, установленным профессионалами [Becken, 2019]. В рамках данной схемы энтузиаст-любитель был встроен внутрь процесса, но чаще оставался незамеченным на фоне авторов проекта.

Такая схема распределения властных отношений между профессионалом-ученым и исследователем-любителем просуществовала до 80-х годов прошлого века и лишь с развитием социальных проектов в гражданской науке и с постепенной технологизацией научного знания (например, обширный проект, как SETI@home) стала постепенно утрачивать свое значение [Hand, 2010; Jones et. al., 2012]. На текущий момент подобные типы взаимоотношений между исследователями любителями и профессионалами еще сохраняют свою актуальность. Гражданская наука представлена в большинстве проектов распределением ролей, где теоретизирование, в особенности, в естественнонаучных дисциплинах, остается уделом профессионалов, в то время как сбор данных и работа с ними есть прерогатива исследователей-энтузиастов [Zilliox, Smith, 2018].

Таким образом, рассматривая схему властных отношений между профессиональной и гражданской наукой, следует отметить существование отчетливых тенденций подчинения и отсутствия возможностей для полноценного диалога (в большинстве проектов) между профессионалами и любителями. Техническая сфера как область (де)профессионализации занятий наукой предоставляет возможность участия в доступных проектах. Она включает в себя социальную роль непрофессиональных ученых, которые делают научные открытия доступными для широкой аудитории. Исследовательские идеи адаптируются к непрофессиональному реципиенту и провоцируют его инициативы, в которых отсутствует жесткая иерархия и строгое подчинение.

Такая депрофессионализация влечет за собой фокусировку внимания широкой аудитории на трех ключевых тенденциях. Они выявляются в ходе анализа литературы и соответствуют наиболее успешным проектам гражданской науки. Во-первых, доступность проекта, во-вторых, взаимодействие в рамках проекта, в-третьих, специфика предоставления полученных выводов по завершении проекта. Три этих ключевых признака способствуют пониманию того, насколько реализуемый проект будет профессионализирован или депрофессионализирован, а также как будет распределяется экспертная монополия в рамках исследовательских работ.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании рассмотрена специфика (де)профессионализации и утраты монополии ученых-профессионалов в фокусе отечественных и зарубежных проектов гражданской науки. В рамках эмпирического исследования были проанализированы инициативы и специфика деятельности гражданских исследователей – их участников. Всего было проанализировано 60 различных проектов, как российских, так и зарубежных. Были изучены их сайты, отчеты и публикации в СМИ о ходе выполнения работ и привлечения волонтеров, взаимодействия профессиональных ученых с добровольцами. На основе анализа были выведены различные схемы иерархических взаимодействий ученых-профессионалов с представителями гражданской науки.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Схема подчинения: наука профессиональная – подчинение – наука гражданская. Эта схема – классическая для сосуществования профессиональной и гражданской науки. В ее рамках научное волонтерство рассматривается как эффективный инструмент, обслуживающий крупные исследовательские проекты, но не связанный с возможностью самостоятельно производить научные знания (это прерогатива профессиональных ученых). Сама фундаментальная наука представлена в такой системе как герметичная и закрытая отрасль, а гражданская выполняет роль помогающей. Проекты, которые используют настоящую схему, как правило, связаны с фундаментальными физическими, техническими и естественнонаучными исследованиями. В их рамках происходит активное взаимодействие и коммуникация с представителями научного сообщества, экспертами, фундаментальными исследователями, при этом право на экспертность закрепляется за самими учеными.

К наиболее значимым проектам этой разновидности следует отнести исследования приливов и отливов, которые проводятся во многих национальных парках и важных с точки зрения сбора актуальной информации по систематизации видов. Например, исследование в национальном парке «Ситка» на Аляске¹, а также проект по изучению изменений климата в российской Арктике. К этой схеме также относятся генетические проекты² по сбору

¹Citizen Science: Intertidal Surveys URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.c971fb14-648467f8-9929eb6b-74722d776562/https://www.nps.gov/sitk/seine.htm

²Проект «Флора России». Кафедра высших растений Биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <https://msu-botany.ru/Flora-o-Russia/>; iNaturalist <https://www.inaturalist.org/>

и изучению биоразнообразия, такие как iNaturalist и «Флора России». Примечательной особенностью последнего выступает большая экспертность ученых-профессионалов, так как именно ботаники участвуют в верификации данных этого проекта. Важной частью научного знания в данной схеме выступает просветительская функция, которая отражает монополию ученого на экспертность.

**Схема совместного развития:
наука профессиональная – соучастие –
наука гражданская**

Совместное развитие выражено через эффективный и равносторонний диалог профессиональных ученых и научных волонтеров. Причем научные результаты, полученные обеими группами одинаково ценны и равнозначны. Эта схема в значительной степени характерна для гуманитарного знания, так как именно в его рамках границы экспертности, равно как монополия на экспертность со стороны ученых, выражены неявно. Данная схема в меньшей степени центрирована на просветительской миссии и серьезных открытиях, она обусловлена тем, что совместная деятельность при реализации проектов приносит большее удовольствие для самих исследователей.

В этой схеме представители гражданской науки не просто связующий и дополняющий элемент, напротив они формируют тематическую повестку и расширяют научное знание. С этой позиции исследователи-любители становятся главными в контексте коммуникации с общественностью, повествуя о результатах проекта и перспективах дальнейшей работы. В качестве примера можно привести инициативный проект «Полтора века сибирских газет»¹, в рамках которого энтузиасты собирали различные печатные периодические издания. В них рассматривались особенности жизни сибирского региона. К проектам, в которых применялась схема совместного развития, относятся и многие психологические исследования, в частности изучение эмоций и гендерной идентичности. Например, проекты портала «citizen-science.ru», в рамках которых реализуются исследования работы человеческого мозга «Когнитивное бессознательное», «Психологические реакции людей на пандемию COVID-19».

В схеме совместного развития инициативы предлагаются профессиональными учеными, а их непосредственное развитие и сами исследовательские работы проводятся при совместном участии профессионалов и любителей. Однако от

классической схемы подчинения здесь сохраняются инструкции по проведению исследований, а также выбор темы проекта, когда ученый, имеющий соответствующий опыт, самостоятельно предлагает направление, а далее осуществляет рекрутинг добровольцев. Таким образом, можно отметить, что экспертное доминирование в плане монополии на инструкции и определение направлений продолжает сохраняться, а закрытый научный профессионализм играет здесь роль при определении исследовательских границ и тематики.

**Схема расширения горизонтов:
гражданская наука (научное
волонтерство) – активистские
инициативы – профессиональная наука**

Эта схема была выявлена нами в активистских проектах, посвященных преимущественно защите городской и окружающей сред. Одним из примеров можно считать борьбу с шумовым загрязнением, а также объяснение релевантности установки защитных панелей в Барселоне в 2009 году [Gignac, 2022]. Данный проект не только способствовал изучению негативного влияния шума на горожан, но и обеспечил необходимую поддержку городских активистов через привлечение внимания к проблеме, исходя из изучения возможных последствий шумовых загрязнений.

При схеме расширения горизонтов профессиональные границы и экспертная роль исследователей-профессионалов в праве на результаты и инструкции смещаются или же отсутствуют совсем. Такие проекты всегда предлагаются самим сообществом энтузиастов, и нередко они необходимы для привлечения внимания к проблеме, которую следует решать, используя научные методы, совмещенные с активистскими практиками. Такая схема (де)профессионализации гражданской науки характерна в основном для гуманитарных исследований, в том числе, психологических, и различных городских проектов.

Отличительной особенностью данной схемы является ориентированность не на весомый и аргументированный научный результат, а на сам процесс проведения исследований, который способствует достижению поставленных гражданскими учеными целей и задач. Например, это проведение градозащитных мероприятий – не только активистских и защитных, но и созидательных – через реализацию различных проектов. В данном случае ученые-профессионалы выступают либо наблюдателями, которые анализируют реализацию проекта, либо используют исследовательские наработки. Роль ученого-профессионала в рамках

¹Полтора века сибирских газет URL: <https://citizen-science.ru/projects/sibirskie-gazety-za-poltora-veka.html>

таких проектов сводится к роли популяризатора. Он рассказывает об исследовании в научных публикациях или СМИ. Такие инициативы также способствуют расширению и дополнению исследовательских идей, которые затем реализуются профессионалами.

Такая схема еще не до конца интегрирована во взаимодействие гражданской и профессиональной науки, хотя, безусловно, имеет свой потенциал для реализации и развития исследований. Кроме того, она позволяет расширить представления о возможностях гражданской науки в целом, наметить перспективы исследований, в том числе для ученых-профессионалов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье нами были рассмотрены особенности (де)профессионализации сферы гражданской науки в России, выделены ключевые тенденции ее развития.

Обозначенные в исследовании схемы, которые были выделены на основании наиболее успешных проектов гражданской науки, свидетельствуют о сохранении доминирования экспертной монополии и власти профессиональных ученых над инициативами, которые реализуются исследователями-любителями. Исключение составляют активистские инициативы, которые реализуются как возможность привлечь через исследовательский проект внимание к проблеме, чаще всего, связанной с городским управлением. Две другие схемы сохраняют экспертную монополию и доминирование ученых-профессионалов, но в различных масштабах.

Важен вывод о том, что наиболее иерархизированными сферами гражданской науки (с высокой ролью профессиональных ученых и доминированием профессионалов) выступают естественнонаучные и технические сферы, где роль ученого-любителя определена преимущественно тем, что он /она собирают необходимые данные, следуя жестко сформированной инструкции, составленной профессионалами. Для сферы гуманитарных наук характерно развитие диалога и взаимного обогащения исследований через постоянный обмен мнениями между профессионалами и непрофессиональными учеными. При этом сами исследователи-непрофессионалы позиционируют себя как полноценные участники работы наряду с учеными-профессионалами. Рассмотренные в статье проекты гражданской науки позволяют заключить, что данная сфера на сегодняшний день представляет собой синтез традиций экспертной монополии профессиональной науки и новых активистских городских инициатив. Они способствуют тому, что гражданская наука становится все более открытой и вдохновляющей для ученых. Проведенное исследование показывает, что на данном этапе следует утверждать о наметившемся движении в сторону индивидуальных локальных исследований, предлагаемых волонтерами. Процесс (де)профессионализации гражданской науки в будущем изменит расстановку приоритетов и отменит монополию профессионалов на экспертное знание. В результате станет возможен профессиональный диалог любителей и научных работников, что сформирует новые векторы развития всей системы науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виргинский В. С. Очерки истории науки и техники XVI–XIX веков (до 70-х гг. XIX в.) М.: Просвещение. 1984.
2. Dawson G., Topham J. R. Science in the Nineteenth-Century Periodical // Literature Compass. 2004. Vol. 1. № 1.
3. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. Т. 238. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2001.
4. Ben-David J. Scientific productivity and academic organization in nineteenth century medicine // American sociological review. 1960. P. 828–843.
5. Ben-David J., Collins R. Social factors in the origins of a new science: The case of psychology // American sociological review. 1966. P. 451–465.
6. Irwin A. Citizen science and scientific citizenship: Same words, different meanings // Science communication today: Presses Universitaires de Nancy. 2015. P. 29–38.
7. Irwin A. No PhDs needed: how citizen science is transforming research // Nature. 2018. Vol. 562. № 7726. P. 480–483.
8. Bonney R. et al. Can citizen science enhance public understanding of science? / R. Bonney, T. Phillips, H. L. Ballard, J. W. Enck // Public understanding of science. 2016. Vol. 25. № 1. P. 1–15.
9. Kerr S., Glinow M. A. von, Schriesheim J. Issues in the study of “professionals” in organizations: The case of scientists and engineers // Organizational Behavior and Human Performance. 1977. Vol. 18. № 2. P. 329–345.
10. Larson M. S. The rise of professionalism: A sociological analysis // Class: The anthology. 2017. P. 263–286.

11. Watson T. Professions and Professionalism-Should We Jump Off the Bandwagon, Better to Study Where It Is Going? // *International Studies of Management & Organization*. 2002. Vol. 32. № 2. P. 93–105.
12. Bettencourt A. The construction of knowledge: A radical constructivist view // *The practice of constructivism in science education*. Routledge. 2012. P. 55–66.
13. Bijker W. E. Understanding Technological Culture through a constructivist view of Science // *Technology and Society. Visions of STS: Counterpoints in Science, Technology and Society Studies* /Ed. S. Cutcliffe, H. and C. Mitchan. New York: State University of New York Press. 2001. P. 19–34.
14. DeBoer G. E. Scientific literacy: Another look at its historical and contemporary meanings and its relationship to science education reform // *Journal of Research in Science Teaching: The Official Journal of the National Association for Research in Science Teaching*. 2000. Vol. 37. № 6. P. 582–601.
15. Kronick D. A History of Scientific and Technical Periodicals. The Origins and Development of the Scientific and Technological Press 1665–1790. New York: The Scarecrow press, 1962.
16. Cooper C. Citizen Science. How Ordinary People Are Changing the Face of Discovery. New York: Harry N. Abrams, 2016.
17. Abel R. L. The rise of professionalism // *Brit. J. L. & Soc'y*. 1979. Vol. 6. P. 82.
18. Pareto V. The rise of professionalism: Monopolies of competence and sheltered markets. Routledge, 2017.
19. Becken S. et al. A hybrid is born: Integrating collective sensing, citizen science and professional monitoring of the environment / S. Becken, M. Rod, Ji. Chen, B. Stantic // *Ecological Informatics*. 2019. Vol. 52. P. 35–45.
20. Hand E. People power: networks of human minds are taking citizen science to a new level // *Nature*. 2010. Vol. 466. № 7307. P. 685–688.
21. Jones, M. G. et al. (2012). Citizen Scientists: Investigating Science In the Community / M. G. Jones, G. Childers, V. & Stevens, B. Whitley // *The Science Teacher*. 2012. Vol. 79. № 9. P. 54–57.
22. Zilliox S., Smith J. M. Colorado's fracking debates: citizen science, conflict and collaboration // *Science as Culture*. 2018. Vol. 27. № 2. P. 221–241.
23. Gignac F. et al. Co-creating a local environmental epidemiology study: the case of citizen science for investigating air pollution and related health risks in Barcelona, Spain / F. Gignac, V. Righi, R. Toran, L. Errandonea, R. Ortiz, M. Nieuwenhuijsen, J. Creus, X. Basagaña // *Environmental Health*. 2022. Vol. 21. № 1. P. 1–13.

REFERENCES

1. Virginskij, V. S. (1984). *Ocherki istorii nauki i tekhniki XVI–XIX vekov (do 70-h gg. XIX v.)* = Essays on the history of science and technology of the XVI–XIX centuries (up to the 70s of the XIX century). Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
2. Dawson, G., Topham, J. R. (2004). Science in the Nineteenth-Century Periodical. *Literature Compass*, 1, 1.
3. Sokuler, Z. A. (2001). *Znanie i vlast': nauka v obshchestve moderna* = Knowledge and Power: Science in Modern Society (Vol. 238). St. Petersburg: Izd-vo Rus. Hristian. gumanitar. in-ta, (In Russ.)
4. Ben-David, J. (1960). Scientific productivity and academic organization in nineteenth century medicine (pp. 828–843). *American sociological review*.
5. Ben-David, J., Collins, R. (1966). Social factors in the origins of a new science: The case of psychology. *American sociological review*, 25, 451–465.
6. Irwin, A. (2015). Citizen science and scientific citizenship: Same words, different meanings (pp. 29–38). *Science communication today*. Presses Universitaires de Nancy.
7. Irwin, A. (2018). No PhDs needed: how citizen science is transforming research. *Nature*, 7726(562), 480–483.
8. Bonney, R. et al. (2016). Can citizen science enhance public understanding of science? / R. Bonney, T. Phillips, H. L. Ballard, J. W. Enck. *Public understanding of science*, 1(25), 1–15.
9. Kerr, S., Glinow, M. A. von, Schriesheim, J. (1977). Issues in the study of “professionals” in organizations: The case of scientists and engineers. *Organizational Behavior and Human Performance*, 2(18), 329–345.
10. Larson, M. S. (2017). The rise of professionalism: A sociological analysis (pp. 263–286). *Class: The anthology*.
11. Watson T. (2002). Professions and Professionalism-Should We Jump Off the Bandwagon, Better to Study Where It Is Going? *International Studies of Management & Organization*, 2(32), 93–105.
12. Bettencourt, A. (2012). The construction of knowledge: A radical constructivist view (pp. 55–66). *The practice of constructivism in science education*. Routledge.
13. Bijker, W. E. (2001). Understanding Technological Culture through a constructivist view of Science. (pp. 19–34). *Technology and Society. Visions of STS: Counterpoints in Science, Technology and Society Studies*. By S. Cutcliffe, H. and C. Mitchan (ed.). New York, USA: State University of New York Press.

14. DeBoer G. E. (2000). Scientific literacy: Another look at its historical and contemporary meanings and its relationship to science education reform. *Journal of Research in Science Teaching: The Official Journal of the National Association for Research in Science Teaching*, 6(37), 582–601.
15. Kronick, D. (1962). *A History of Scientific and Technical Periodicals. The Origins and Development of the Scientific and Technological Press 1665–1790*. New York: The Scarecrow press.
16. Cooper, C. (2016). *Citizen Science. How Ordinary People Are Changing the Face of Discovery*. New York: Harry N. Abrams.
17. Abel, R. L. (1979). The rise of professionalism *Brit. J. L. & Soc'y*, 6, 82.
18. Pareto, V. (2017). *The rise of professionalism: Monopolies of competence and sheltered markets*. Routledge.
19. Becken S. et al. (2019). A hybrid is born: Integrating collective sensing, citizen science and professional monitoring of the environment / S. Becken, M. Rod, Ji. Chen, B. Stantic. *Ecological Informatics*, 52, 35–45.
20. Hand, E. (2010). People power: networks of human minds are taking citizen science to a new level. *Nature*, 7307(466), 685–688.
21. Jones, M. G. (2012). Citizen Scientists: Investigating Science In the Community / M. G. Jones, G. Childers, V. Stevens, B. Whitley. *The Science Teacher*, 79(9), 54–57.
22. Zilliox, S., Smith, J. M. (2018). Colorado's fracking debates: citizen science, conflict and collaboration. *Science as Culture*, 2(27), 221–241.
23. Gignac F. et al. (2022). Co-creating a local environmental epidemiology study: the case of citizen science for investigating air pollution and related health risks in Barcelona, Spain / F. Gignac, V. Righi, R. Toran, L. Errandonea, R. Ortiz, M. Nieuwenhuijsen, J. Creus, X. Basagaña. *Environmental Health*, 1, 1–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рассолова Елена Николаевна

младший научный сотрудник
Социологического института Российской академии наук
филиал ФНИСЦ РАН

Галкин Константин Александрович

кандидат социологических наук
старший научный сотрудник
Социологического института Российской академии наук
филиал ФНИСЦ РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rassolova Elena Nikolaevna

Junior Researcher
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences

Galkin Konstantin Aleksandrovich

PhD (Sociology)
Senior Researcher
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

04.09.2023
28.09.2023
30.09.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 316.77



Европейский опыт социологических исследований межэтнических взаимодействий

А. С. Согомонян

*Научно-исследовательский центр Военной академии РВМН имени Петра Великого, Балашиха, Россия
s_a_s13@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты аналитического обзора эмпирических исследований межэтнических взаимодействий в европейской социологической науке. Целью статьи является обобщение информации о подходах к проведению исследований в указанной области и некоторых особенностях исследовательских дизайнов. Методы исследования теоретические – анализ, синтез, сравнение и обобщение. Результаты исследования могут использоваться в монографических исследованиях, научно-квалификационных работах и учебных изданиях в области этносоциологии.

Ключевые слова: межэтнические взаимодействия, предубеждения, предрассудки, дискриминация, этнические меньшинства, мигранты, принимающее общество

Для цитирования: Согомонян А. С. Европейский опыт исследования межэтнических взаимодействий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 136–143.

Original article

European Experience of Sociological Research of Interethnic Interactions

Andrei S. Sogomonyan

*Scientific-research center of the Peter the Great Strategic Missile Troops Academy, Balashikha, Russia
s_a_s13@mail.ru*

Abstract. This article presents the results of an analytical review of empirical studies of interethnic interactions in European sociological science. The purpose of the article is to generalize information about the approaches used to conduct research in this area and some features of research designs. The research methods are theoretical – analysis, synthesis, comparison and generalization. The results of the research can be used in monographic studies, scientific qualification papers and educational publications in the field of ethnosociology.

Keywords: interethnic interactions, prejudice, prejudice, discrimination, ethnic minorities, migrants, host society

For citation: Sogomonyan, A. S. (2023). European experience in the study of interethnic interactions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 136–143.

ВВЕДЕНИЕ

Европейские ученые, изучавшие межэтнические взаимодействия, неоднократно демонстрировали зависимость предмета исследования от социального контекста [Trickett, Watts, Birman, 1994; Jossey-Bass, 2006; Soeters, van der Meulen, 2007; Shields, 2020]. Тем не менее в социологических и социально-психологических исследованиях межэтнических групповых взаимодействий преобладала североамериканская точка зрения, основанная, в частности, на уникальном случае отношений между афроамериканцами и «титальной американской нацией».

Внешнее сходство между Европой и Северной Америкой, во многом обусловившее общность исследовательских подходов, более поверхностно, нежели их различия. Смещение исследовательского ракурса с расы на этничность в трудах европейских социологов означает не только переход от одного культурного контекста к другому, но и обращение к совершенно разным историческим предпосылкам, которые формируют повестку текущих научных дебатов о сущности межэтнических взаимодействий. У Европы более долгая и глубокая история опыта взаимодействий метрополий с протекторатами, нежели у США. В свою очередь, в США существовало рабство – социальный институт, неизвестный Европе со времен Средневековья. Кроме того, Европе неизвестны были случаи движений за гражданские права этнических меньшинств, подобных тем, которые были развернуты, в основном, расовыми меньшинствами в США в 1960-х годах.

Одним из важнейших последствий подобных прецедентов является то, что европейские этнические меньшинства обычно имеют сильно ограниченное политическое влияние¹. Есть и другие важные различия между континентами. По сравнению с Канадой и США европейские государства до сих пор не считают себя странами иммиграции. Многие страны, такие как Германия, рассматривают современную иммиграцию как новое событие и игнорируют прошлый опыт миграций в их страну на протяжении столетий и в особенности в течение XX века. Этот факт помогает объяснить зачастую произвольную категоризацию европейских национальностей. Таким образом, дети и внуки иммигрантов 1970–1980-х годов до сих пор часто считаются иностранцами. Такое восприятие явления эмиграции влияло и влияет на политику предоставления гражданства [Maier, 2021]. Проводимые социологические опросы отражают продолжающееся влияние этой политики на общественное

мнение. Результаты опроса «Евробарометр 48» показали, что в 1997 года 45 % европейцев ЕС считали, что в их стране проживает «слишком много» иностранцев (Греция 71 %, Бельгия 60 %, Италия 53 %, Германия 52 %, Австрия 50 %, Франция 46 %, Дания 46 %, Великобритания 42 %, Голландия 40 %, Швеция 38 %, Люксембург 33 %, Португалия 28 %, Испания 20 %, Ирландия 19 %, Финляндия 10 %)². В 2002 году «Евробарометр 57» показал, что 15 % респондентов не считают этническую дискриминацию иммигрантов необоснованной [Marsh, Sahin-Dikmen, 2003]. Европейский социальный опрос 2020 года подтвердил широкое распространение этнических предрассудков и дискриминации, но также выявил резкие различия между европейскими странами³. На рисунке 1 показано среднее значение отношения респондентов из числа коренного населения европейских стран к утверждениям о том, что мигранты делают родную страну хуже или лучше по 11-балльной шкале, где 0 – это отсутствие положительного вклада в процветание страны, а 11 – наивысшая степень оценки вклада мигрантов в процветание страны (см. рис. 1, с. 138).

Наиболее надежными источниками данных для изучения межэтнических взаимодействий на европейском уровне являются исследовательские проекты следующих организаций: The International Social Survey Programme (ISSP), World Value Survey (WVS), Eurobarometer и European Social Survey (ESS). Данные их исследовательских проектов были использованы для проведения анализа методологии эмпирических исследований межэтнических взаимодействий в европейских странах. ISSP проводит ежегодные опросы по различным темам с 1985 года. Основным методологическим недостатком в текущих исследованиях ISSP является ограниченность изучаемых аспектов межэтнических взаимодействий в данном тематическом модуле, при том, что он сфокусирован на связи этнической принадлежности и национальной идентичности. Пул исследований WVS состоит из семи волн, проводимых с 1981 по 2021 годы. Учитывая явный интерес к социальным ценностям основным недостатком является неразработанность инструментария для изучения межэтнических взаимодействий (в опросниках лишь два вопроса конкретно касаются проблем межэтнических взаимодействий). Опросы Евробарометра, проводимые два раза в год для Европейской

¹Interethnic relations and human rights in Europe: A survey of research URL: <https://ercomer.eu/research/>

²Discrimination in the European Union. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/browse/all?search=ethnic>

³European Social Survey round 10 – 2020 (February 17, 2021). Timing of life, Justice and fairness. URL: <https://ess-search.nsd.no/en/study/bdc7c350-1029-4cb3-9d5e-53f668b8fa74>

**Отношение коренного населения европейских стран к тому,
в какую сторону мигранты меняют их страны**

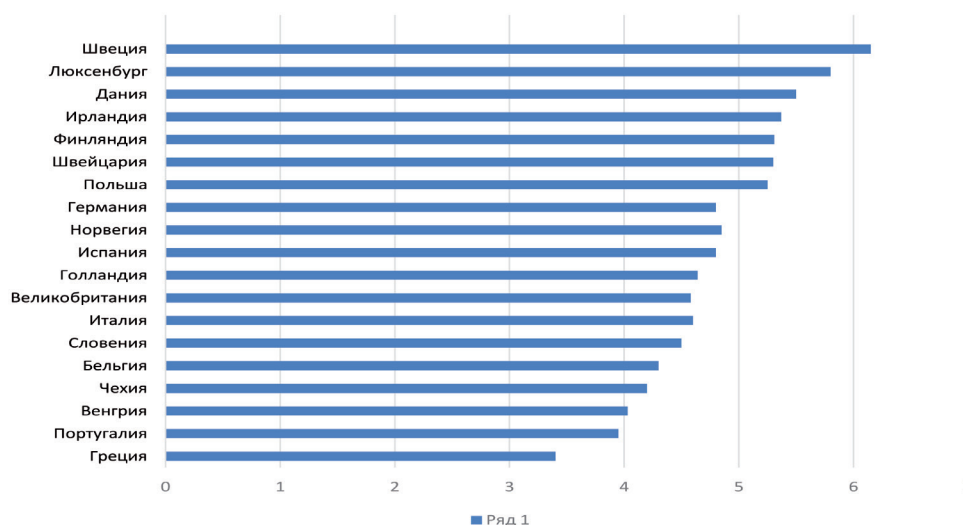


Рис. 1. Обзор исследований межэтнических взаимодействий в Европе

комиссии с 1973 года в государствах – членах ЕС и, в течение непродолжительного времени, в странах кандидатах на членство, считаются одним из основных методов исследования межэтнических отношений в Европе. Хотя имеется достаточно данных по вопросам, представляющим общественный интерес, включая проблемы интеграции мигрантов и иммиграцию, эти опросы страдают рядом недостатков. Во-первых, проводимые опросы являются основным инструментом сбора данных для Европейской комиссии по текущим проблемам объединения всех стран Европы в единое геополитическое и социокультурное пространство и вряд ли они могут предполагать проведение академических исследований социальных проблем. Во-вторых, изменения в формулировках вопросов с годами влияют на анализ тенденций изменения существующих межэтнических взаимодействий. Наконец опросы Евробарометра известны не столько своей методологической строгостью, особенно в начальный период проведения, сколько широтой охвата тем. Данные исследований ESS, на данный момент доступны по итогам десяти раундов опросов. Основываясь на опыте других исследовательских организаций, ESS с самого начала установил очень высокие методологические стандарты с точки зрения построения анкетных опросников, методов выборки и процедуры сбора данных. Инструмент опроса каждого раунда включает в себя основной набор вопросов и два или три сменяющих друг друга модуля по различным темам и в том числе содержит набор из вопросов об отношении доминирующих этнических групп к этническим меньшинствам.

Европейские страны отреагировали на недавний поток мигрантов из Африки и Ближнего Востока по-разному: от полного принятия до проявления предубеждений, дискриминации и насилия [Ehl, 2022; Reilly, Flynn, 2022; Bommes, Fassmann, Sievers, 2014]. Средства массовой информации, правительственные учреждения и исследования в области социальных наук сообщают о серьезной и продолжающейся дискриминации этнических меньшинств в Европе. Лонгитудные исследования предрассудков и дискриминации необходимы и на них существует социальный запрос. Большинство доступных данных о проблемах межэтнических взаимодействий в Европе получены из несвязанных исследований в разных европейских странах с использованием различных показателей и целевых групп. Общеευропейским исследованиям межэтнических взаимодействий, проводимым с относительно недавнего времени (по сравнению с долгой историей аналогичных исследований института Gullap), основными примерами которых являются Евробарометр и Европейский социальный опрос, в значительной степени не хватает теоретических оснований для межкультурных сравнений. Следовательно, уникальные вклады в исследования межэтнических взаимодействий в Европе появились также в относительно недавнее время. Как и в Северной Америке, европейские исследования межэтнических взаимодействий показывают, что для государства для поддержания социальной стабильности необходим учет различных проявлений предрассудков и дискриминации. В частности, уточнение различий между «традиционным» и «современным» этноцентризмом / расизмом сформулировано в работах европейских ученых [Ball, Steffens, Niedlich,

2022; Bratt, 2020]. Используя данные опроса «Евробарометр 30» 1988 года, Т. Петтигрю и Р. Меертенс [Pettigrew, Meertens, 1995] разработали две различные шкалы измерения предрассудков, применяемых и в современных исследованиях.

Шкала явных предубеждений состоит из двух компонентов: один представляет собой фактор угрозы и неприязни, например, «У выходцев из Вест-Индии есть работа, которую должны иметь британцы», а другой — фактор близости, например, «Я не возражал бы, если бы турок, который имеет такое же экономическое положение, как у меня, вступил в брак с моей дочерью». Шкала скрытых предубеждений состоит из трех компонентов, которые якобы имеют общий неэтнический характер. Первый состоит из фактора традиционных ценностей, например, «азиаты, живущие здесь, учат своих детей ценностям и навыкам, отличным от тех, которые необходимы для достижения успеха во Франции». Второй компонент касается взглядов на чужую группу как на крайние культурные отличия от аутгруппы. Последний компонент шкалы скрытых предубеждений включает отрицание сочувствия и восхищения чужой группой.

Этот компонент проверяет отрицание положительного отношения, а не выражение отрицательно-го отношения, которое связано с явными предубеждениями. Исследование Т. Петтигрю и Р. Меертенс показало, что явные предубеждения являются более традиционной формой этноцентризма и, напротив, скрытые предубеждения — это современная форма этноцентризма. Исследователи успешно использовали эти две шкалы и их модификации в различных европейских странах при изучении ситуаций этнического межгруппового взаимодействия, включая Австралию, Бельгию, Францию, Германию, Великобританию, Италию, Голландия, Норвегию, Португалию, Испанию и США [Arcuri, Voca, 1999; Hamberger, Hewstone, 1997; Hightower, 1997; Pedersen, Walker, 1997; Pettigrew et al., 1998].

Еще одна важная тема европейских исследований сосредоточена на связях между социальными структурными, политическими и индивидуальными детерминантами предрассудков. В исследованиях подчеркивается потенциальная угроза, исходящая от этнических меньшинств, и возникающие в результате предубеждения, порождаемые этой предполагаемой угрозой. Так, Е. Хелло, П. Шипперс и Г. Меров [Hello, Scheepers, Merove, 2002] провели исследования межэтнических взаимодействий, религиозного и морального плюрализма в 11 европейских странах. Анализ результатов проведенного исследования и их оценка по 10-балльной шкале показывают, что в Венгрии самые высокие этнические предубеждения (среднее значение

3,94, максимальное 7), за ней следуют Польша — 3,56, Италия — 3,22 и Бельгия — 3,11. Недавние исследования Евробарометра подтвердили сохраняющуюся тенденцию¹. Не менее интересны выводы ученых о связи между образованием и этническими предрассудками. Однако эти исследователи показывают, что упомянутый «образовательный эффект» слабее проявляется в странах Восточной Европы с «новым» демократическим строем, чем в странах Западной Европы со «старой» демократией [Coenders, Scheepers, 2020; Hjerme, 2021]. При этом, чем более религиозно неоднородна страна, тем сильнее проявляется этот эффект.

Помимо анализа роли потенциальной угрозы, исходящей от этнических меньшинств, многие общеевропейские исследования сосредоточены на этнической идентичности. Результаты нескольких исследований показывают, что граждане с ярко выраженной национальной идентичностью более склонны к предрассудкам и дискриминации [Billiet, Maddens, Beerten, 2019]. Но другие формы идентификации связаны с межгрупповым принятием. Таким образом, те респонденты, которые «чувствуют себя» европейцами и относят себя к коренным европейцам, наименее предвзято относятся к этническим меньшинствам [Becker, Wagner, Christ 2018]. Более того, универсальная идентификация, предполагающая выражение респондентами гордости за демократические институты своей страны, также связана с большим принятием этнических меньшинств. Часто повторяемый тезис о том, что люди, подчеркнуто идентифицирующие себя со своей нацией, выражают предубеждение против «чужих», тесно связан с теорией социальной идентичности Х. Тэджфела [Tajfel, Turner, 1979]. Эта наиболее известная европейская теория межгрупповых отношений определяет предрассудки и дискриминацию как процессы межгрупповой дифференциации.

Результаты опроса, проведенные Евробарометром неоднократно показывают, что бельгийцы в среднем демонстрируют больше предубеждений, расизма и правых взглядов, чем население большинства стран ЕС² и напротив, соседняя с Бельгией Голландия известна как одна из самых толерантных европейских стран с долгой историей либеральной иммиграции и интеграции. Дж. Биллет и Х. де Витт подробно рассматривают случаи расизма во Фландрии (Бельгия) [Billiet, De Witte, 2018]. Они отмечают, что в кросс-европейских исследованиях Бельгия представлена как одна из самых анти-

¹Eurobarometer. Fairness, inequality and inter-generational mobility. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/browse/all/theme/000017>

²Eurobarometer. Fairness, inequality and inter-generational mobility. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/browse/all/theme/000017>

иммигрантских стран. Тем не менее такое отношение бельгийцев к этническим меньшинствам в последние десятилетия было довольно стабильным, в то время как поддержка правой, антииммиграционной политической части Фламандского государственного блока неуклонно росла на протяжении последнего поколения. Ученые доказывают, что предрассудки тесно связаны с политическими движениями в Бельгии. Проведенный ими анализ выборов и опросов общественного мнения подчеркивает важность различия между направлением и силой отношения, структурными изменениями в обществе и появлением таких проблем, как «страх перед преступностью». Они сравнивают голландское общественное мнение с мнением своих соседей и используют различие между явными и скрытыми предубеждениями. Авторы утверждают, что голландская норма толерантности выросла из ее отличительной политической системы на протяжении веков.

М. Кондерс, М. Любберс, П. Шипперс и М. Веркутен критически оценивают широко распространенный тезис о голландском обществе как терпимом к этническим меньшинствам [Coenders et al., 2018]. В истории Голландии отдельные этнические общины сохраняли высокий уровень автономии, но шли на компромисс местным правительственными органами и сотрудничали с ними через свои элиты. Авторы дают различные исторические и социологические объяснения возникновения данной системы и делают акцент на необходимости применения психологического анализа социальных взаимодействий и феномена столкновения культурных ценностей. По мнению этих ученых, низкий уровень проявления мультикультурных ценностей, политкорректности и случаи социального доминирования при невысоком уровне «явных предубеждений» среди населения страны могут объясняться высоким уровнем скрытых предубеждений. Исследования Дж. Вала, Д. Лопеса и М. Лимы посвящены предубеждениям против африканцев в Португалии [Vala, Lopes, Lima, 2018]. В последние годы приток мигрантов с африканского континента в Португалию сильно увеличился¹. Дж. Вала и его коллеги утверждают, что из-за особой колониальной истории Португалии среди ее коренного населения развилось социальное представление «лузотропикализма»², которое до сих пор

способствует ослаблению традиционной связи между национальной идентичностью и явными предубеждениями, которые можно наблюдать во многих других странах. Таким образом, «лузотропикализм», по-видимому, защищает от выражения явных предубеждений. Однако их данные также показывают, что, несмотря на «лузотропикализм», португальцы выражают скрытую негативную оценку культурных различий, приписываемых иммигрантам.

А. Зик, Ю. Вагнер, Р. ван Дик и Р. Петцель представляют свой междисциплинарный подход к синдрому межгрупповой вражды [Zick et al., 2016]. Синдром усугубляется разнородными предубеждениями: расизмом, ксенофобией, антисемитизмом, исламофобией. Учеными были проведены три исследования со случайной выборкой, а также трехволновое панельное исследование, позволившие сделать вывод о том, что этнические предрассудки связаны с синдромом групповой вражды, который опирается на общую идеологию неравенства. Данные проводимых ими лонгитюдных исследований в Германии показывают, что в немецком обществе, в целом, существует синдром групповой вражды. Кроме того, одни и те же предикторы, такие как правый авторитаризм и относительная депривация, запускают «синдромальную девальвацию чужих групп, и эта девальвация влияет на те же дискриминационные поведенческие намерения» [там же].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в европейской социологической науке накоплен обширный пласт эмпирических исследований, посвященных проблеме межэтнических взаимодействий. Основной причиной социального запроса на их проведение является проблема миграции и интеграции этнических меньшинств в принимающие общества. Вопреки распространенному тезису о мультикультурализме как ключевом аспекте государственной социальной политики, характерной для многих стран ЕС, европейские исследования выявляют частые случаи дискриминации и проявления предубеждений, основанные на этническом признаке. Центральной темой европейских исследований межэтнических взаимодействий является проблема идентичности. Она положена в основу определения социальных взаимодействий как межэтнических. Данная исследовательская позиция является хорошо обоснованной и релевантной исследованиям, проводимым автором в дальнейшей перспективе.

¹Migration to Portugal.

URL: <https://borgenproject.org/migration-to-portugal/>

²Лузотропикализм – это термин и «квазитеория», разработанные бразильским социологом Жилберто Фрейре для описания отличительного характера португальского империализма за границей, предполагающего, что португальцы были лучшими колонизаторами, чем другие европейские страны. Valentim J., Heleno A. Luso-tropicalism as a social representation in Portuguese society: Variations and anchoring. International Journal of Intercultural Relations.

URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0147176716302644>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Trickett E. J., Watts R. J., Birman D. Human diversity: Perspectives on people in context. San Francisco, CA. 1994.
2. Jossey-Bass K. A. The word of command: Communication and cohesion in the military // *Armed Forces and Society*. 2006. № 32 (4). P. 53–72.
3. Soeters J., Van der Meulen J. Cultural diversity in the Armed Forces: An international comparison. London: Routledge. 2007.
4. Shields P. Dynamic Intersection of Military and Society. *Handbook of Military Sciences*. Publisher: Springer. Texas State University. 2020.
5. Maier F. Citizenship from below: exploring subjective perspectives on German citizenship // *Universität Stuttgart. Political Research Exchange*. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/352742579_Citizenship_from_below_exploring_subjective_perspectives_on_German_citizenship.
6. Marsh A., Sahin-Dikmen M. Discrimination in the European Union. Brussels: European Commission. 2003.
7. Ehl M. Judy Asks: Is Migration Europe's Achilles Heel? // *Carnegie Europe*. 24.11.2022. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/88486>
8. Reilly R., Flynn M. The Ukraine Crisis Double Standards: Has Europe's Response to Refugees Changed? // *ReliefWeb*. November 24, 2022. URL: <https://reliefweb.int/report/ukraine/ukraine-crisis-double-standards-has-europe-s-response-refugees-changed>.
9. Bommes M., Fassmann H., Sievers W. Migration from the Middle East and North Africa to Europe Past Developments, Current Status and Future Potentials. Amsterdam University Press, Amsterdam, 2014.
10. Ball E., Steffens C., Niedlich C. Racism in Europe: Characteristics and Intersections With Other Social Categories // *Front. Psychol., Sec. Personality and Social Psychology*. 2022. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.789661>.
11. Bratt C. Is it racism? The belief in cultural superiority across Europe // *European Societies*. 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14616696.2022.2059098>;
12. Pettigrew T. F., Meertens R. W. Subtle and blatant prejudice in Western Europe // *European Journal of Social Psychology*. 1995. № 25. P. 57–75.
13. Arcuri L., Boca S. Posicionamentos politicos: Racismo subtil e racismo flagrante em Italia. In J. Vala (Ed.). *Novos racismos: Perspectivas comparativas*. Oeiras, Portugal: Celta Editora, 1999.
14. Hamberger J., Hewstone M. Inter-ethnic contact as a predictor of blatant and subtle prejudice: Tests of a model in four West European nations // *British Journal of Social Psychology*. 1997. № 36. P. 173–190.
15. Hightower E. Psychosocial characteristics of subtle and blatant racists as compared to tolerant individuals // *Journal of Clinical Psychology*. 1997. № 53. P. 369–374.
16. Pedersen A., Walker, I. Prejudice against Aborigines: Old-fashioned and modern forms // *European Journal of Social Psychology*. 1997. № 25. P. 561–587.
17. Pettigrew T. F. et al. Outgroup prejudice in Western Europe / F. T. Pettigrew, J. S. Jackson, J. B. Brika, G. Lemaire, R. W. Meertens, U. Wagner & A. Zick. In W. Stroebe & M. Hewstone. *European review of social psychology*. 1998. Vol. 8 (1) P. 241–273.
18. Hello E., Scheepers P., Merove G. Education and ethnic prejudice in Europe: Explanations for cross-national variances in the educational effect on ethnic prejudice // *Scandinavian Journal of Educational Research*. 2002. № 46. P. 5–24.
19. Coenders M., Scheepers P. The effect of education on nationalism and ethnic exclusionism: An international comparison // *Political Psychology*. 2020. № 24. P. 313–343.
20. Hjerm M. Education, xenophobia and nationalism: A comparative analysis // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021. № 27. P. 37–60.
21. Billiet J., Maddens, B., Beerten R. National identity and attitude toward foreigners in a multinational state: A replication // *Political Psychology*. 2019. № 24. P. 241–257.
22. Becker J., Wagner U., Christ O. Nationalismus und Patriotismus als Ursache von Fremdenfeindlichkeit. In W. Heitmeyer (ed.). *Deutsche Zustände. Folge, 5*. Frankfurt: Suhrkamp. 2018. P. 131–149.
23. Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, CA: Brooks / Cole. 1979. P. 33–47.
24. Billet J., De Witte H. "Everyday racism" as predictor of "political racism" in Flemish Belgium // *Journal of Social Issues*. 2018. № 64 (2). P. 253–267.
25. Coenders M. et al. More than two decades of changing ethnic attitudes in the Netherlands / M. Coenders, M. Lubbers, P. Scheepers, M. Verkuyten // *Journal of Social Issues*. 2018. № 64 (2). P. 269–285.

26. Vala J., Lopes D., Lima, M. Black immigrants in Portugal: Luso-tropicalism and prejudice // Journal of Social Issues. 2018. № 64 (2). P. 287–320.
27. Zick A. et al. The syndrome of group-focused enmity: The interrelation of prejudices tested with multiple cross-sectional and panel data / A. Zick, C. Wolf, B. K'upper, E. Davidov, P. Schmidt, W. Heitmeyer // Journal of Social Issues. 2018. № 64 (2). P. 363–383.

REFERENCES

1. Trickett, E.J., Watts, R.J., Birman, D. (1994). Human diversity: Perspectives on people in context. San Francisco, CA.
2. Jossey-Bass, K. A. (2006). The word of command: Communication and cohesion in the military. *Armed Forces and Society*, 32(4), 53–72.
3. Soeters, J., Van der Meulen, J. (2007). Cultural diversity in the Armed Forces: An international comparison. London: Routledge.
4. Shields, P. (2020). Dynamic Intersection of Military and Society. *Handbook of Military Sciences*. Publisher: Springer. Texas State University.
5. Maier, F. (2021). Citizenship from below: exploring subjective perspectives on German citizenship. Universität Stuttgart. Political Research Exchange.
https://www.researchgate.net/publication/352742579_Citizenship_from_below_exploring_subjective_perspectives_on_German_citizenship
6. Marsh, A., Sahin-Dikmen, M. (2003). Discrimination in the European Union. Brussels: European Commission.
7. Ehl, M. (November 24, 2022). Judy Asks: Is Migration Europe's Achilles Heel? Carnegie Europe. <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/88486>
8. Reilly, R., Flynn, M. (March 2, 2022) The Ukraine Crisis Double Standards: Has Europe's Response to Refugees Changed? ReliefWeb.
<https://reliefweb.int/report/ukraine/ukraine-crisis-double-standards-has-europe-s-response-refugees-changed>
9. Bommes, M., Fassmann, H., Sievers, W. (2014). Migration from the Middle East and North Africa to Europe Past Developments, Current Status and Future Potentials. Amsterdam University Press, Amsterdam.
10. Ball, E., Steffens, C., Niedlich, C. (2022). Racism in Europe: Characteristics and Intersections With Other Social Categories. *Front. Psychol., Sec. Personality and Social Psychology*. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.789661>
11. Bratt, C. (2020). Is it racism? The belief in cultural superiority across Europe. *European Societies*.
<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14616696.2022.2059098>
12. Pettigrew, T. F., Meertens, R. W. (1995). Subtle and blatant prejudice in Western Europe. *European Journal of Social Psychology*, 25, 57–75.
13. Arcuri, L., Boca, S. (1999). Posicionamentos politicos: Racismo subtil e racismo flagrante em Italia = Political positions: Subtle and blatant racism in Italy. In J. Vala (Ed.), *Novos racismos: Perspectivas comparativas*. Oeiras, Portugal: Celta Editora. (in Portu.)
14. Hamberger, J., Hewstone, M. (1997). Inter-ethnic contact as a predictor of blatant and subtle prejudice: Tests of a model in four West European nations. *British Journal of Social Psychology*, 36, 173–190.
15. Hightower, E. (1997). Psychosocial characteristics of subtle and blatant racists as compared to tolerant individuals. *Journal of Clinical Psychology*, 53, 369–374.
16. Pedersen, A., Walker, I. (1997). Prejudice against Aborigines: Old-fashioned and modern forms. *European Journal of Social Psychology*, 25, 561–587.
17. Pettigrew T. F. et al. (1998). Outgroup prejudice in Western Europe / F. T. Pettigrew, J. S. Jackson, J. B. Brika, G. Lemaire, R. W. Meertens, U. Wagner & A. Zick. In W. Stroebe & M. Hewstone. *European review of social psychology*, 8(1), 241–273.
18. Hello, E., Scheepers, P., Merove, G. (2002). Education and ethnic prejudice in Europe: Explanations for cross-national variances in the educational effect on ethnic prejudice. *Scandinavian Journal of Educational Research*, 46, 5–24.
19. Coenders, M., Scheepers, P. (2020). The effect of education on nationalism and ethnic exclusionism: An international comparison. *Political Psychology*, 24, 313–343.
20. Hjerm, M. (2021). Education, xenophobia and nationalism: A comparative analysis. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 27, 37–60.
21. Billiet, J., Maddens, B., Beerten, R. (2019). National identity and attitude toward foreigners in a multinational state: A replication. *Political Psychology*, 24, 241–257.

22. Becker, J., Wagner, U., Christ, O. (2018). Nationalismus und Patriotismus als Ursache von Fremdenfeindlichkeit = Nationalism and patriotism as cause of prejudice. In W. Heitmeyer (Ed.). Deutsche Zustände, 5, 131–149.
23. Tajfel, H., Turner, J. C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict (pp. 33–47). In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), The social psychology of intergroup relations. Monterey, CA: Brooks / Cole.
24. Billet, J., De Witte, H. (2018). "Everyday racism" as predictor of "political racism" in Flemish Belgium. Journal of Social Issues, 64(2), 253–267.
25. Coenders, M. et al. (2018). More than two decades of changing ethnic attitudes in the Netherlands. Journal of Social Issues 64(2), 269–285.
26. Vala, J., Lopes, D., Lima, M. (2018). Black immigrants in Portugal: Luso-tropicalism and prejudice. Journal of Social Issues, 64(2), 287–320.
27. Zick A. et al. The syndrome of group-focused enmity: The interrelation of prejudices tested with multiple cross-sectional and panel data / A. Zick, C. Wolf, B. K'upper, E. Davidov, P. Schmidt, W. Heitmeyer. Journal of Social Issues, 64(2), 363–383.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Согомонян Андрей Самвелович

кандидат социологических наук
заместитель начальника 22 отдела научно-исследовательского центра
Военной академии РВСН имени Петра Великого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sogomonyan Andrei Samvelovich

PhD (Sociology)
Deputy Head of the 22 Department of Research and Research Center
of the Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.09.2023
27.09.2023
30.09.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication



Положение мужчин и женщин на рынке труда: стереотипы и реальность (социологический анализ на примере студентов московских вузов)

А. Ю. Станевич¹, И. С. Салихова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹a.stanevich@linguanet.ru

²Irassalikhova@list.ru

Аннотация. На рынке труда сложились различные стереотипы, связанные с уровнем заработной платы, сферами и условиями труда, а также занимаемыми позициями. Было проведено авторское исследование и вторичный анализ данных, позволившие сопоставить стереотипы студентов и реальную картину рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда, структура рынка труда, положение мужчин, положение женщин, гендерные стереотипы, гендер, стереотипы, студенты московских вузов, гендерное неравенство

Для цитирования: Станевич А. Ю., Салихова И. С. Положение мужчин и женщин на рынке труда: стереотипы и реальность (социологический анализ на примере студентов московских вузов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 144–152.

Original article

The Position of Men and Women in the Labor Market: Stereotypes and Reality (Sociological Analysis on the Example of Students of Moscow Universities)

Anastasiya Yu. Stanevich¹, Irina S. Salikhova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹a.stanevich@linguanet.ru

²Irassalikhova@list.ru

Abstract. Various stereotypes have developed in the labor market related to wage levels, spheres and conditions of work, as well as held positions. An author's research and secondary data analysis were carried out, which made it possible to compare the stereotypes of students and the real picture of the labor market.

Keywords: labor market, structure of the labor market, position of men, position of women, gender stereotypes, gender, stereotypes, students of Moscow universities, gender inequality

For citation: Stanevich, A. Yu., Salikhova, I. S. (2023). The position of men and women in the labor market: stereotypes and reality (sociological analysis on the example of students of Moscow universities). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 144–152.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. По данным Росстата, доля занятых в сфере труда мужчин превосходит долю женщин, и составляет 71 % и 55 % соответственно¹. Вместе с тем мужчина часто находится в более выгодной позиции, например, получает более высокую заработную плату независимо от занимаемой должности. Отсюда вытекают противоречия в представлениях о российском рынке труда, ввиду которых рождаются и закрепляются стереотипы.

Структура рынка труда изменилась с точки зрения гендерной трансформации: женщины стали чаще занимать руководящие позиции², сокращается разрыв в оплате труда, и в результате стираются гендерные границы в профессиях³. С одной стороны, существует Трудовой кодекс, обеспечивающий равные права и обязанности работников, с другой – в обществе сложились гендерные стереотипы, которые можно найти в различных сферах занятости.

Интересно, что трудные времена для молодежи наступают с появлением труда, т. е. работы. Молодежь (в возрасте 18–24 лет) в большей степени работает⁴, так как хочет получать прибыль (44 %) или считает труд интересным (30 %), в то время как люди пенсионного возраста считают труд «неприятной необходимостью» (31 %).

Поэтому гендерные стереотипы студентов Москвы на рынке труда являются важным объектом социологического исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ

Эмпирическую базу исследования составляют результаты авторского исследования, проведенного в период с января 2022 года по февраль 2023 года. Выбранный метод исследования – онлайн-анкетирование. Отбор респондентов осуществлялся с использованием вопросов-фильтров по квотной выборке, репрезентирующих студентов по городу обучения, по полу (55 % девушек и 45 % юношей) и социальному статусу – работающие и не работающие. После ремонта выборка составила 311 московских студентов. Ошибка выборки составила

5 %. Также был произведен вторичный анализ данных, представленный результатами исследований Росстат и НАФИ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В истории понятие «гендер» всегда рассматривается наравне с понятием «пол», так как термины очень схожи. Однако «одни ученые рассматривают “гендер” только как совокупность биологических и физиологических признаков пола; другие – как некий “социальный пол”; третьи вообще не приемлют такого термина, зато признают “женские исследования”» [Силласте, 2000, с. 6].

Гендер изучается в различных науках, например: философия, психология, социология и ряд других, но нам ближе социологический подход, рассматривающий гендер как социальное явление. Анализ проблемы невозможен без таких ключевых понятий, как: стереотип и гендерный стереотип.

Термин «стереотип» впервые в научный оборот ввел Уолтер Липпман в своей работе «Общественное мнение» в 1922 году, определяя его через образы, порождаемые культурой. Данные образы являются отрывочными, неполными элементами восприятия окружающего мира, которые ведут к формированию предрассудков. Данные образы являются отрывочными элементами восприятия окружающего мира, поэтому к ключевым особенностям стереотипов относят то, что они мысленные, односторонние, массовые и упрощенные.

Немецкий социолог Теодор Адорно изучает стереотипы с точки зрения психоаналитиков и «рассматривает их как «линзы» для удобного видения окружающей действительности и конкретных объектов. Кроме того, Т. Адорно считал, что стереотипами склонны обладать жесткие авторитарные люди, наиболее склонные к разделению «своего» и «чужого» [Козленко, 2018].

В отечественной науке исследования в области стереотипов получили большое распространение в начале 70-х годов XX века. Первым, кто проанализировал стереотип как явление сознания, был В. А. Ядов. Он рассматривал стереотипы «как продукты социальной среды и социального восприятия и подчеркивал их высокую устойчивость» [Ядов, 1975, с. 89–105].

В исследовании мы опирались на теорию стереотипизации Фiske и Тейлора, которые говорили о том, что социальное окружение человека переполнено большим количеством информации, поэтому он оперирует категориями. Затем полученные знания влияют на то, как человек воспринимает, хранит и воспроизводит информацию. Эти знания или схемы помогают построить социальную

¹Федеральная служба государственной статистики. Женщины и мужчины России. 2020. С. 92. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf>

²Женщины все чаще занимают руководящие позиции. URL: <https://skillbox.ru/media/management/zhenshchiny-vsye-chashche-zanimayut-rukovodyashchie-dolzhnosti/>

³Как женщины осваивают специальности, еще недавно считавшиеся чисто мужскими. URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2021/08/03/880553-zhenshchiny-osvaivayut>

⁴ВЦИОМ. Труд – 2021: запрос на баланс жизнь / работа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trud-2021-zapros-na-balans-zhizn-rabota>

реальность. И как раз гендерные стереотипы выступают в качестве гендерных схем.

Таким образом, гендерные стереотипы – это одностороннее упрощенное, мысленное и массовое воспроизведение «картины» того, как социальная группа представляет себе образ и поведение мужчин и женщин.

Поскольку мы говорим о рынке труда как о некой среде, в которой представлены стереотипы, важно определить, что понимается под рынком труда и какие у него есть составляющие. Рынок представляет собой систему, в которой каждый элемент функционирует и дополняет другие, образуя полноценный социальный механизм. Рынок труда связан с наймом и рабочей силой, которые оцениваются через заработную плату.

Рынку как системе характерны следующие черты:

- наличие двух сторон (продавец и покупатель) и посредника (государства), который регламентирует взаимодействие двоих;
- наличие закона спроса и предложения на товары или услуги;
- высокая конкурентность, стимулирующая высококвалифицированный труд;
- длительность взаимоотношений между продавцом и покупателем;
- мобильность рабочей силы и др.

Опираясь на теорию стереотипизации Фиске и Тейлора, были выделены пять основных категорий или критериев для проведения социологического анализа стереотипов на рынке труда: «барьеры» рынка труда, сферы труда, занимаемые позиции, условия труда и личные качества.

Мы также рассмотрели структуру гендерных отношений, предложенную австралийским социологом Р. Коннелл [Connell, 1987], потому что она

наиболее подробно изучила гендерный вопрос, гендерное равенство, проблемы маскулинности, четко сформулировала свою гендерную теорию.

В структуре гендерных отношений выделяются четыре уровня: уровень социального разделения труда, структура властных отношений, структура «катексиса» и символический уровень. В таблице 1 приведено описание каждого из уровней и их применимость к гендерным стереотипам.

Предложенная Р. Коннелл модель измерений гендерной системы позволяет проанализировать особенности воспроизводства гендерных стереотипов на всех уровнях взаимодействия индивидов. Результаты анализа гендерных стереотипов дают возможность изучить формирование способов поддержания неравенства как на уровне государства и общества, так и в повседневном взаимодействии индивидов, в том числе и на рынке труда.

Таким образом, мы смогли сформулировать авторское определение гендерных стереотипов на рынке труда – это упрощенное, массовое и мысленное воспроизведение картины того, как социальная группа представляет себе образ и поведение мужчин и женщин в условиях формирования спроса и предложения на трудовые услуги за заработную плату и условия труда.

АВТОРСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Сравнительный анализ гендерных стереотипов был произведен по следующим критериям:

- 1) «барьеры» рынка труда;
- 2) сферы труда;
- 3) занимаемые позиции;
- 4) личные качества.

Перейдем к первому критерию – «барьеры рынка труда». В основном, барьеры связаны

Таблица 1

СТРУКТУРА ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ Р. КОННЕЛЛ

Структура гендерных отношений	Проявление	Структура гендерных стереотипов:
1. Уровень социального разделения труда	Разделение домашних обязанностей. Закрепление ролей за мужчиной (материальное обеспечение) и женщиной (воспитание детей, быт)	Сферы труда
2. Структура властных отношений	Взаимосвязь господства и подчинения. Определение роли «главы» семьи	Занимаемые позиции
3. Структура «катексиса» (эмоциональные отношения)	Выстраивание эмоциональных отношений партнеров, супругов, в том числе наличие споров/ссор	«Барьеры» рынка труда
4. Символический уровень	Проявление понятий через маскулинность и феминность (женщина – домохозяйка, мужчина – кормилец).	Личные качества

СРЕДНЯЯ НАЧИСЛЕННАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ЖЕНЩИН И МУЖЧИН¹

Всего:	Средняя начисленная заработная плата (руб.)		Отношение з/п женщины к з/п мужчины (в %)
	Женщины	Мужчины	
Строительство	53 296	61 263	87,0
Деятельность в области информации и связи	53 887	78 980	68,2
Образование	31 355	32 949	95,2
Оптовая и розничная торговли	41 160	52 122	79,0
Деятельность гостиниц и предприятий общепита	34 666	44 262	66,0

¹Федеральная служба государственной статистики. Женщины и мужчины России. 2020. С. 129. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf>

с заработной платой. 67 % московских студентов считают, что *женщине* специалисту *платят меньше*, чем мужчине. При этом 52 % утверждают, что мужчины не имеют больших зарплатных ожиданий (рис. 1). Несмотря на то, что женщине платят меньше, материальным обеспечением семьи не должен заниматься только мужчина, данная гендерная роль должна выполняться совместно. К такому выводу мы пришли по результатам аналитического отчета ВЦИОМ¹, согласно которому 59 %

россиян считают, что материальным обеспечением семьи должны заниматься оба супруга совместно.

В зависимости от должности, работник получает определенный размер заработной платы. Согласно данным Росстат, независимо от занимаемой позиции мужчины получают примерно на 20 тыс. руб. больше, чем женщины (рис. 2). По всем должностным позициям размер оплаты труда выше у представителей мужского пола. Чем выше должность, тем больше разрыв в оплате труда.

Среднее начисленное заработной платы сотрудников по отдельным экономическим сферам имеет ту же тенденцию – вне зависимости от сферы работы мужчина зарабатывает больше женщины,

¹ВЦИОМ. Равенство в семье: от декларации – к реальности? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ravenstvo-v-seme-ot-deklaracii-k-realnosti>

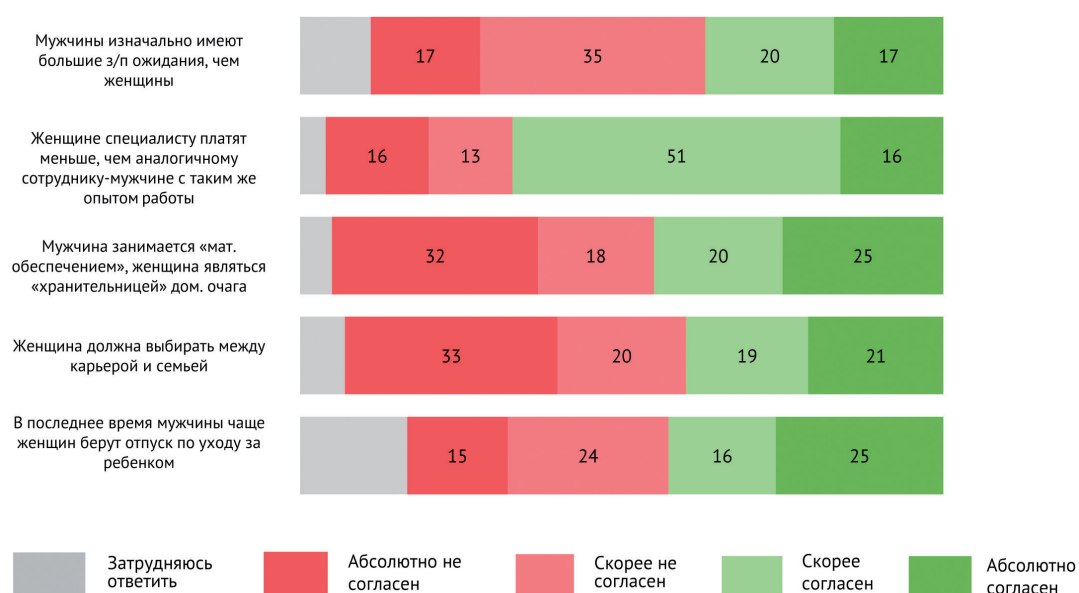


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы со следующими суждениями?» (в %)

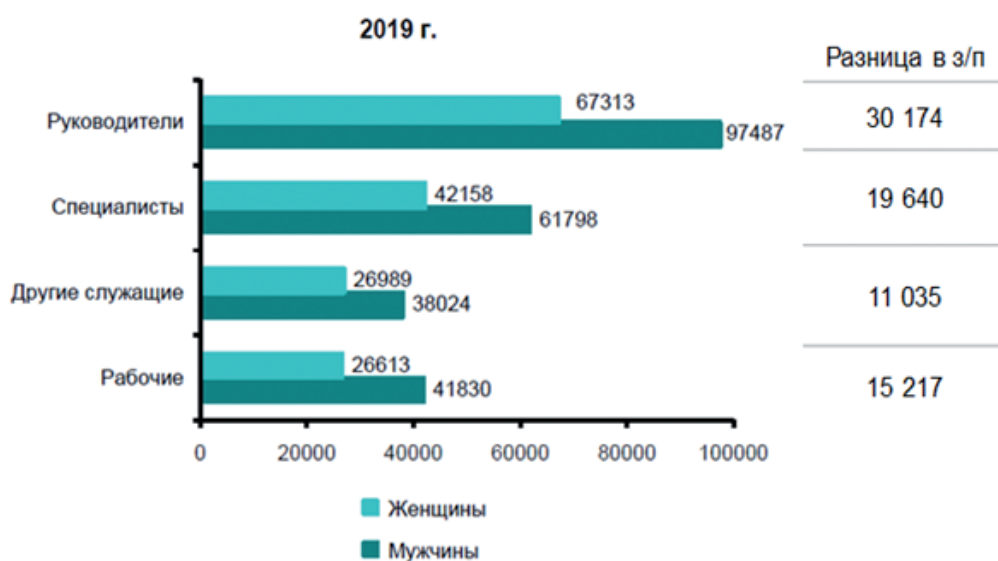


Рис. 2. Средняя начисленная заработная плата женщин и мужчин по категориям персонала (в руб.)¹

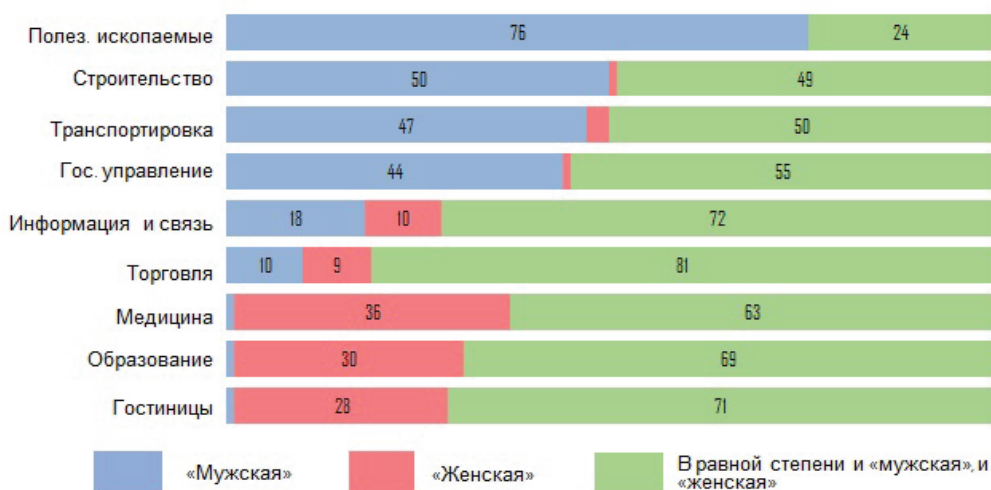


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие сферы занятости Вы считаете «мужскими», а какие «женскими»?» (в %)

¹Федеральная служба государственной статистики. Женщины и мужчины России. 2020. С. 129. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf>

несмотря на ее явное преобладание в отдельных рыночных сегментах. В таблице 2 в отдельной колонке представлено отношение з/п женщин к заработной плате мужчин. Здесь важно отметить, что чем доля ближе к 100 %, тем меньше гендерный «разрыв» в оплате труда. Так, практически одинаковая заработная плата наблюдается в сфере образования, т. е. в самой низкооплачиваемой сфере. Наибольшая разница в начисленной оплате труда мужчин и женщин прослеживается в «деятельности

в области информации и связи» (примерно 25 тыс. руб.). Таким образом, был выявлен разрыв в оплате труда в пользу мужчин. В то же время по оценкам респондентов материальным обеспечением семьи (59 %) и уборкой (60 %) должны заниматься оба супруга совместно¹.

¹ВЦИОМ. «Равенство в семье: от декларации – к реальности?» URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ravenstvo-v-seme-ot-deklaracziy-k-realnosti>

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАНЯТЫХ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В ВОЗРАСТЕ 15 ЛЕТ И СТАРШЕ
ПО ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹ (в %)**

Всего:	Женщины 49	Мужчины 51	Отношение занятых женщин к мужчинам (в %) 96
Добыча полезных ископаемых	18	82	22
Строительство	13	87	15
Оптовая и розничная торговли	62	38	163
Транспортировка	23	77	30
Деятельность в области информации и связи	35	65	54
Государственное управление	41	59	70
Образование	82	18	455
Медицина	79	21	376

¹Федеральная служба государственной статистики. Женщины и мужчины России. 2020. С. 96. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf>

В период проходившей самоизоляции ведение домашнего хозяйства, несомненно, изменилось. По данным¹ ФОМ, чуть больше половины опрошенных (60 %) тратят столько же времени на домашние обязанности, сколько и раньше. Прежде всего, так ответили те респонденты, которые продолжили ходить на работу в привычном режиме в течение пандемии. Больше изменений произошло у тех респондентов, которые перешли на удаленный формат работы или остались временно не работающими (31 %). ФОМ указывают, что «по большей части груз домашних забот упал на плечи женщин: 36 % из них говорят, что домашняя нагрузка увеличилась. Исключение составляют женщины пенсионного возраста – они стали меньше заниматься делами по дому»².

Следующий критерий для рассмотрения – сферы труда. Рынок труда был рассмотрен с точки зрения «мужских» и женских сфер занятости. Было выявлено, что, практически все сферы можно назвать эгалитарными для обоих полов (рис. 3). Однако, по мнению студентов, «мужскими» сферами труда являются: добыча полезных ископаемых (76 %), строительство (50 %) или транспортировка (47 %), а «женскими» – образование (30 %) и медицина (36 %).

В таблице 3 приведено распределение мужчин и женщин по видам экономической деятельности.

Так, можно отметить, что большая часть женщин трудится в следующих сферах: торговля (62 %), образование (82 %) и медицина (79 %). К «мужским» сферам можно отнести профессии, требующие физической силы, например, добыча полезных ископаемых (82 %), строительство (87 %), транспортировка (77 %), деятельность в области информации и связи (65 %) или государственное управление (59 %).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что такие сферы, как торговля, строительство, государственное управление, деятельность в области информации и связи, медицина и образование могут быть в равной степени и «мужскими», и «женскими», в то время как в реальности, т. е. по данным Росстат, они являются гендерно смещенными.

Неотъемлемой частью трудового процесса является взаимодействие работника не только с коллегами, но и руководителем, поэтому следующий критерий – занимаемые позиции. Для 15 % студентов существуют сферы, руководить которыми должна женщина. По мнению московских студентов, к ним относятся: образование (92 %), медицина (81 %) и финансы (71 %). Попутно отметим, что в образовании и медицине больше работниц, нежели работников, соответственно можно предположить, что женщины монополизируют данную область.

Согласно данным ВЦИОМ³, 25 % россиян отмечают, что женщины могут быть руководителями,

¹ФОМ. Материальное положение россиян. URL: <https://covid19.fom.ru/post/materialnoe-polozhenie-rossiyan-ocenki-dinamika-i-prognozy>

²ФОМ. Бюджет времени на карантине. URL: <https://covid19.fom.ru/post/byudzh-et-vremeni-na-karantine1> (дата обращения 14.08.2023)

³ВЦИОМ. Лидерство: гендерные стереотипы отстают. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/liderstvo-gendernye-steriotipy-otstupayut>

Таблица 4

СТРУКТУРА ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ Р. КОННЕЛЛ И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Критерий	Гендерный стереотип	Доказательство
«Барьеры» рынка труда	Женщины получают меньшую заработную плату, чем мужчины, независимо от занимаемых позиций	Женщины получают, в среднем, на 20 тыс. руб. меньше
Сферы труда	Существуют «женские» и «мужские» сферы труда	Мужчин больше в следующих сферах: добыча полезных ископаемых, строительство и транспорт, а женщин в образовании и медицине
Занимаемые позиции	Женщин-руководителей больше в таких сферах, как образование, медицина и финансы	Руководительниц также больше в указанных областях, однако, у большей части россиян непосредственным руководителем является мужчина.
Личные качества	Топ-3 качества, свойственные женщинам: заботливость, творческий склад ума и красота, а мужчинам – логика, исполнительность и ответственность.	Топ-3 качества женщины: заботливость, красота и верность, а мужчины – трудолюбие, ответственность и заботливость.

таких сфер как: образование / гуманитарные отрасли (6 %), медицина (5 %), торговля (1 %) и др. При этом, у 63 % респондентов непосредственным руководителем является мужчина, что в два раза меньше представленности женщин (31 %)¹.

Следующий критерий, который мы рассмотрели – личные качества двух полов. Так, по мнению московских вузов, качества, свойственные мужчинам: логика (39 %), исполнительность (36 %) и ответственность (34 %), а женщинам – заботливость (40 %), творческий склад ума (33 %) и красота (29 %) (рис. 4).

В 2018 году Левада-центр (АНО «Левада-Центр» – иностранный агент) провел исследование среди россиян в возраст лет 18 лет, с целью определения качеств, свойственным и мужчинам, и женщинам². Например, топ-3 мужских качества – трудолюбие (69 %), ответственность (44 %) и заботливость (41 %), а женских – заботливость (62 %), красота (58 %) и верность (42 %). Такие женские качества, как заботливость и творческий склад ума высоко ценятся в тех сферах, где они представлены в большей степени: в образовании и медицине, так как они напрямую работают с людьми и детьми в частности.

Таким образом, в ходе анализа были выделены стереотипы, представленные в таблице 4.

По результатам социологического анализа было установлено, что гендерные стереотипы на рынке труда основаны на реальных фактах, которые подтверждаются данными вторичных исследований.

Во-первых, сферы занятости действительно можно разделить на сугубо «мужские» и «женские», при этом есть сферы, где работники и работницы представлены практически в равном соотношении. Во-вторых, заработная плата у женщин в среднем ниже, чем у мужчин независимо от занимаемой должности. В-третьих, доля мужчин на 16 % превосходит долю женщин в сфере занятости. Соответственно руководителей в различных областях рынка труда больше, чем руководительниц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рынке труда наблюдается неравное распределение мужчин и женщин по профессиональным областям, поэтому очень часто складываются упрощенные представления – стереотипы, касающиеся гендерных различий в той или иной профессии.

Автором также был произведен вторичный анализ данных для подкрепления полученных результатов на основе авторского исследования стереотипов российской молодежи на рынке труда. Было выявлено, что существует парадокс: гендерное равенство сосуществует с фактическим неравенством, которое проявляется в оплате труда, занимаемых позициях, сферах деятельности и условиях труда.

Согласно ежегодному отчету Всемирного экономического форума о равенстве полов за 2023 год, гендерный разрыв удастся сократить только через 131 год³.

¹ВЦИОМ. Работа, зарплата и руководство: достигнут ли гендерный баланс? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-zarplata-i-rukovodstvo-dostignut-li-gendernyi-balans>

²Левада-центр. Гендерные образы. URL: <https://www.levada.ru/2020/02/20/gendernye-obrazy/>

³World economic forum. The "Global gender gap" – how many years will it take before men and women are equal? URL: <https://www.weforum.org/agenda/2023/06/global-gender-gap-report-in-numbers/>

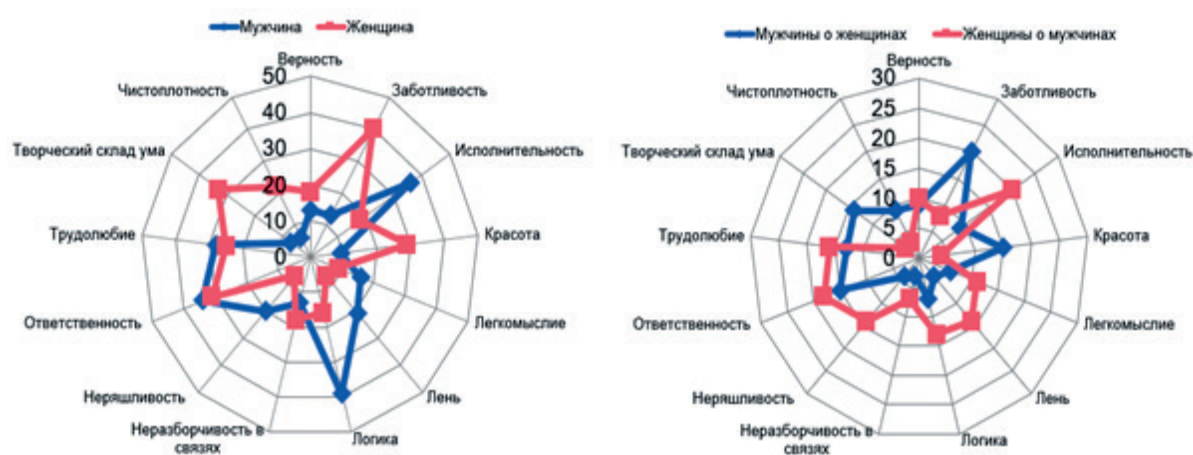


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Выберите из перечисленных ТРИ качества, которые, по Вашему мнению, более всего свойственны женщинам и мужчинам» (в %)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Силласте Г. Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–23.
2. Козленко З. Стереотипы восприятия профессий современной студенческой молодежи в России (на примере Санкт-Петербурга): дис. ... магистр. С.-Петербург, 2018.
3. Ядов В. А. Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975.
4. Connell R. Gender and Power. Stanford: Stanford University Press, 1987.

REFERENCES

1. Sillaste, G. G. (2000). Gendernaya sociologiya kak chastnaya sociologicheskaya teoriya = Gender sociology as a private sociological theory. Sociological Studies, 11, 15–23. (In Russ.)
2. Kozlenko, Z. (2018). Stereotipy vospriyatiya professij sovremennoj studencheskoj molodezh'y v Rossii (na primere Sankt-Peterburga) = Stereotypes of the professions' perception by modern student youth in Russia (on the example of St. Petersburg): Master in Sociology. S.-Peterburg. (In Russ.)
3. Yadov, V. A. (1975). Metodologicheskie problemy social'noj psihologii = Methodological problems of social psychology. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Connell, R. (1987). Gender and Power. Stanford: Stanford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Станевич Анастасия Юрьевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

Салихова Ирина Сергеевна

аспирант кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stanevich Anastasiya Yur'evna

PhD (Sociology)

Associate Professor of the Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)

Moscow State Linguistic University

Salikhova Irina Sergeevna

Post-graduate student, Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	03.10.2023	approved after reviewing
принята к публикации	05.10.2023	accepted for publication



Инвективная лексика в управленческом дискурсе в силовых ведомствах

О. В. Филимонов

*Военный университет имени князя Александра Невского МО Российской Федерации, Москва, Россия
ofilimonov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования инвективной лексики в ситуациях управленческого воздействия в силовых ведомствах. Результаты исследования подтвердили предположение, что инвективная лексика становится неотъемлемым фоном вербализованного управления, возникает привыкание к ней (сервилизация), либо встречная агрессия, потенциально приводящая к конфликту.

Ключевые слова: инвективная лексика, obscene лексика, брань, управление, управленческий дискурс, силовые ведомства, военная среда, оскорбления, социальный контроль

Для цитирования: Филимонов О. В. Инвективная лексика в управленческом дискурсе в силовых ведомствах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 154–161.

Original article

Invective Vocabulary in Managerial Discourse in Law Enforcement Agencies

Oleg V. Filimonov

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ofilimonov@yandex.ru*

Abstract. The article raises the problem of using invective vocabulary in situations of managerial influence in law enforcement agencies. Invective vocabulary becomes an integral background of verbalized management. The negative consequences of the rooting of this phenomenon are either habituation to it (servilization), or counter aggression, potentially leading to conflict.

Keywords: invective vocabulary, obscene vocabulary, swearing, management, managerial discourse, law enforcement agencies, military environment, insults, social control

For citation: Filimonov, O. V. (2023). Invective vocabulary in managerial discourse in law enforcement agencies. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 153–161.

ВВЕДЕНИЕ

Повышение уровня доверия к органам власти – важная задача в контексте совершенствования государственного управления. Аспект проблемы соотносится с концепцией «Хорошего государственного управления» («Good Governance»), включающей, по мнению И. Понкина, «...системную совокупность формальных правил... и неформальных установлений... регулирующих поведение лиц и организаций, в соответствии с которой осуществляется управленческая деятельность» [Понкин, 2013, с. 41]. Первая совокупность реализуется посредством издания нормативных правовых актов и других документов, вторая – через создание и сохранение системы ценностей и убеждений, практической реализации корпоративных и социальных норм, этики управления. Важным в этом направлении является вербально-этическое сопровождение управленческих коммуникаций. Как отметил Д. Лихачев, «...вернейший способ узнать человека – его умственное развитие, его моральный облик, его характер – прислушаться к тому, как он говорит» [Лихачев, 2007].

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Любое вербальное обращение руководителя к подчиненному (подчиненным) по служебному поводу является официальным по форме и государственным по сути актом коммуникации. При этом законодательство запрещает употребление выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани) при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации¹. Но, несмотря на это, должностные лица, руководители, порой игнорируют общепринятые нормы поведения – в их речи отмечается чрезмерное использование инвективной лексики (от лат. *invectiva* (*oracio*) – *бранная речь*). Это происходит и потому, что на должностях часто «оказываются далеко не самые достойные, а “свои”, что существенно снижает интеллектуальный потенциал власти и качество принимаемых ею решений» [Юревич, 2017, с. 88]. Выдвижение на руководящие посты людей по профессионально-компетентным параметрам, без учета их морально-этических характеристик, связанных в том числе с уважением к личности подчиненных, ведет к росту используемых руководителями вербально-агрессивных форм коммуникации.

По мнению Ю. Прыткова, руководитель, неконтролируемо использующий в своей речи

инвективную лексику, всегда «...действует “на грани фола”, в “системе координат”, не вписывающейся в уставные нормы» [Прытков, 2022, с. 20]. Для подчиненных, смилившихся с такой «подачей» управленческой информации, либо принявших нецензурную лексику как приемлемую норму, подобная ситуация не вызовет когнитивного диссонанса; для лиц, не принимающих брань как норму, подобное псевдообращение может стать непреодолимым коммуникационным барьером.

Инвективная лексика, используемая руководителями, будь то обращение к адресату непосредственно или опосредованно, всегда «...содержит намерение обидеть или унижить участника коммуникативного акта» [Посиделова, 2016, с. 13]. Неуместные подшучивания, уничижительное, панибратское обращение, затрагивающее гендерную тематику, указание на противоположные (по мнению коммуникатора) гендерные роли в управленческой деятельности – различных ее формах (на совещаниях, строевых смотрах и т. д.) – всё это разрушает цель социального управления как создания условий для эффективного функционирования управляемой подсистемы.

Инвективная лексика, будучи девиантной по форме, по сути, все-таки является неотъемлемым традиционным фоном управления. По мнению Р. Мертона, «...девиации не обязательно дисфункциональны для социальной системы, а конформность не всегда функциональна» [Мертон, 2006, с. 234]. Как отметил В. Мокиенко, «...не всё бранное обценно и, наоборот, не всё обценное – бранно» [Мокиенко, 1994, с. 60]. Межличностные вертикально-ориентированные коммуникации в армии (других «силовых» структурах), с учетом специфики деятельности, всегда отличались жесткостью и категоричностью. Изменения дискурсивных практик между начальниками и подчиненными отстают от изменений во внешней по отношению к данному социальному институту среде, хотя прогресс в этой сфере все-таки присутствует.

Угрозой скорее является наиболее агрессивный вид инвективной лексики – обценная (от лат. *obscenus* – *непристойный, распутный, безнравственный*), которая всегда содержит в себе «...маркер нарушения коммуникативного акта», содействуя при этом «...вербализации негативных чувств, которые впоследствии модифицируются в оскорбление, обиду и унижение адресата» [Посиделова, 2016, с. 17]. С точки зрения исследователей, обценная лексика используется в определенных кругах, сопровождая состояние повышенного эмоционального возбуждения, соответственно, влияя на микроклимат в коллективах [Вишняков, Домрачева, Петров, 2019].

¹О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (последняя редакция).

В отличие от нецензурного, хоть и эмоционально окрашенного языка, брань, обращенная к личности или персонифицировано выделяемой группе, является оскорблением, «...которое выражается в отрицательной оценке виновным личности гражданина, подрывает репутацию последнего в глазах окружающих и наносит ущерб его самоуважению» [Сидорова, 2017, с. 28]. Подобное вербальное обращение фактически является разновидностью психического насилия, «ибо оно всегда направлено на уничтожение личности конкретного человека, причинение ему таким образом глубокой психической травмы» [там же].

Несмотря на достаточное количество источников, описывающих проблемы вербальной агрессии при совместной трудовой деятельности (например, А. Адамс изучала преследование (издевательство) на работе в форме вербального агрессивного поведения [Adams, 1992]), исследований, касающихся использования инвективной (обценной) лексики в военно-управленческом дискурсе, почти нет. Исключением можно назвать работу Э. Мишкурова [Мишкур, 2020], изучавшего употребление инвективов в риторике представителей стран – членов НАТО. Он отметил, что в публичном военном дискурсе акценты на оскорбление, уничтожение и высмеивание оппонента (адресного или безадресного, обобщенного – например, все руководство страны или военное ведомство) все чаще встречаются в речах указанных акторов. Эти высказывания происходят «...на уровне девиантно-профанного узуса с использованием инвективной, обценной лексики, оскорбительных паралингвистических средств и т. п.» [там же, с. 88]. Из практики крайне редкого употребления оскорбления, вызванного либо личной несдержанностью, либо невозможностью добиться желаемого результата вербальная агрессия стала переходить в дискурсивную норму даже в сфере публичного общения. В правоохранительной сфере изменение речевой культуры руководителей отмечал Д. Передня, изучая специфику коммуникативных практик в органах внутренних дел и динамику их изменений. При этом он обращал внимание (в зависимости от условий взаимодействий) на их неоднородность и селективность, например, минимизацию ненормативной лексики в условиях публичного общения или использования средств аудио- или видеотрансляции [Передня, 2022].

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение частоты и направленности употребления инвективной (обценной) лексики в процессе

групповых и индивидуальных управленческих коммуникаций; мы не ставим своей целью практики использования нецензурных выражений в межличностном общении вообще и содержательную сторону употребляемых обценных высказываний. Важно отделить использование инвективной лексики от адресной брани, имеющей признаки насмешки или оскорбления.

МЕТОДЫ И ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования был использован вторичный анализ данных, а также методы сбора первичных данных, такие как неформализованное интервью и включенное наблюдение: руководители, публично использующие ненормативную лексику в процессе управленческих коммуникаций, вряд ли позволили бы быть использованными в качестве наблюдаемого объекта.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что: во-первых, руководителями в практиках управленческих коммуникаций стала чрезмерно использоваться инвективная (обценная) лексика; во-вторых, среди ее видов (грубо-просторечной (бранной) лексики, лексики с отрицательной оценкой в презрительной модальности, просторечия, жаргона, сленга, вулгаризмов) увеличивается процент адресно-ориентированной обценной лексики; в-третьих, причиной первых двух предположений является то, что социальный контроль перестал выполнять функцию сдерживающего механизма употребления инвективной (обценной) лексики.

ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ

На современном этапе брань как фон и неотъемлемая часть коммуникативного дискурса имеет тенденции к снижению. Объективной причиной этому является уменьшение перечня профессий и снижений количества работников там, где нецензурная лексика является фоном общения. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, российские граждане стали реже использовать ненормативную лексику. Так, если в 2008 году еженедельно ненормативную лексику использовали 44 % участников опроса, то сегодня эта доля составляет 37 %, в том числе 18 % используют ее каждый день, а 19 % – несколько раз в неделю¹.

Однако в ряде профессий (в связи с особенностями профессиональной деятельности)

¹Великий и могучий: россияне о чистоте русского языка // ВЦИОМ (сайт). 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikij-i-moguchij-rossiyanе-o-chistote-russkogo-yazyka>

в межличностном общении употребление «крепкого словца» не считается зазорным. Так, в современном социуме исследователи выделяют наравне с другими видами институционального дискурса (такими как массово-информационный, научный, дипломатический, деловой и др.) [Карасик, 2002] и *военный дискурс*¹. В глазах общественного мнения именно военные являются носителями «традиций» ненормативной лексики: известно шуточное выражение про разговорную практику в военной среде «Я матом не ругаюсь, я на нем разговариваю».

На чистоту языка влияют различные обстоятельства: социально-экономические, социализационные, поколенческие и др. Так, изменение *социально-экономической ситуации* в стране (рост безработицы, в том числе и латентной, вынужденная смена работы, снижение защитных возможностей в трудовых отношениях, отставание роста зарплаты от роста цен и т. п.) неминуемо повышает социально-психологическую напряженность и, как следствие, «градус» коммуникативного дискурса.

Ребенок, подросток погружаются в негативную практику вербального общения в период первичной социализации (семья, школа). Упрощение воспитания в семье и школе снижает их *социализирующую* функцию, не цементирует норму неприятия бранных слов. *Поколения* миллениалов и «Z» вследствие снижения традиционного социального контроля и массового распространения в социальных медиа «новояза» и обсценной лексики вводят в привычку для себя ее употребление [Радаев, 2019]. Молодые люди, поступившие в ведомственные учебные заведения «силовых» структур, уже подготовлены к искаженным формам коммуникации, реагируют на них более спокойно и, в дальнейшем, усваивают их как норму. Ближе к выпуску частота употребления инвективной и даже обсценной лексики увеличивается, становится фоновой. Немалую роль в адаптации к брани как форме повседневного бытия играют руководители обучающихся, в первую очередь офицеры курсантских подразделений (факультетов). Именно они выступают образцами поведения для большинства обучающихся, закладывают стереотипы межличностной коммуникации.

В одном из опросов курсантов военного вуза о причинах (обстоятельствах) употребления инвективной лексики респонденты давали следующие ответы: «для того, чтобы выразить сильные эмоции» (например, после первого прыжка с парашютом); «для понижения напряжения, чтобы заглушить боль» (например, во время полевых выходов); «чтобы продемонстрировать отсутствие

страха» (например, во время занятий на полигоне с применением военной техники). Но при этом почти не встречались объяснения «чтобы выразить свою злость», «оскорбить, унижить кого-то» [Инютина, Богдан, 2019, с. 149–150].

В другом опросе, касающемся употребления бранных слов среди курсантов Московского высшего общевойскового командного училища, респонденты отметили практически повсеместное их употребление, не выделяя отдельные периоды учебы или быта. При отрицательном отношении к использованию обсценной лексики в присутствии пожилых людей или женщин 95 % респондентов ее оправдывают. Наиболее часто встречающиеся объяснения: «иначе военнослужащие не поймут, что им нужно сделать и с какой скоростью», «надо будет искать много слов, а тут можно все выразить одним-двумя словами». И как значимый довод: «именно благодаря использованию ненормативной лексики в качестве команды к действию мы выигрываем войны» [Калинина, Литинская, 2019, с. 61]. И если примерно 100 % общающихся официально соблюдают речевой этикет, то в неформальных ситуациях примерно такое же количество респондентов (92 %) уже допускают употребление сленга, более трети (36 %) – «воровской жаргон», 28 % – слова, близкие к обсценной лексике» [Тюменева, 2014, с. 185].

В последующем в военном дискурсе из отдельных инвективных выражений в управленческих коммуникациях начинает складываться палитра разных коннотаций (когда одним и тем же словом можно дать оценку множеству действий, поступков, отношений), либо появляются новые, но понятные смыслы (коллокации). При этом, как отмечают исследователи, «...практически каждый участник управленческой коммуникации начинает понимать «...все нюансы, все ее прямые, контекстуальные и переносные смыслы» [Киенко, 2016, с. 132]. Так в практиках общения между руководителями и подчиненными появляется управленческий «новояз», впрочем, на первых порах не несущий адресно-акцентированных оскорблений.

Опрошенные респонденты отмечают рост употребления инвективной лексики – большинство отметили, что не помнят ни одного коллективного совещания без применения бранных слов, часто используемых не адресно, а для «связки слов». Но информанты отметили такую закономерность – вербальная агрессивность больше присуща руководителям, имеющих недавний боевой опыт (Сирийская Арабская Республика, Украина). Этому есть историческое объяснение – после Великой Отечественной войны также был отмечен рост использования командирами (начальниками) инвективной лексики. Брань стала неотъемлемым

¹Выделено нами. – О. Ф.

лексическим средством в процессе управленческих взаимодействий. Это стало возможным вследствие опыта управления в годы войны, когда стандартные (уставные) команды с последовательно излагаемыми задачами не могли отдаваться в связи с (порой) молниеносным изменением обстановки и необходимостью быть уверенным в том, что подчиненный принял и расшифровал команду управления в необходимое (как правило, очень короткое) время. И этот управленческий сигнал также сопровождался инвективной лексикой не персонифицированного характера, т. е. не имеющего целью оскорбить коммуникатора. В боевых условиях это может быть не только допустимо, но в отдельных случаях даже необходимо. Привыкнув к такому способу управленческого дискурса в экстремальных условиях, руководитель, особенно в отсутствии сдерживающих механизмов самоконтроля и социального контроля, продолжает использовать инвективную лексику и в обычных, небоевых ситуациях, не требующих эмоционально окрашенного вербального оформления.

В дальнейшем в связи с привычкой использования руководителями (командирами, начальниками) инвективной лексики она перестает казаться им инородным явлением. Подчиненные же, привыкнув к подобному бранному фону, при его отсутствии либо перестают реагировать на содержание вербально-управленческого сигнала, либо начинают считать руководителя не способным заставить работников (сотрудников) эффективно трудиться.

Культура речи сотрудников любых организаций, особенно если они являются руководителями, вносит существенный вклад в формирование имиджа организаций. Представители как внешней, так и внутренней общественности, особенно те из них, кто относится к более молодым поколениям, очень чутко реагируют на проявление различных форм грубости [Передня, Захаров, 2018]. Поэтому практика общения на основе инвективной лексики содержит в себе угрозу значительных имиджевых и репутационных потерь, что в условиях информационного общества может быть весьма критичным.

Еще одной проблемой, обеспечившей распространённость в управленческом дискурсе инвективной лексики, является привыкание к ней субъектов управления – воинских коллективов и индивидуумов. Результаты ряда исследований об отношении военнослужащих к бранным словам демонстрируют к ним терпимость, не считая употребление инвективной лексики нарушением прав личности [Суркова, 2015]. Правда, в описании полученных данных автор не уточнил, была ли применена подобная лексика безотносительно

личности респондента, либо адресно. В первом случае можно принять мнение, что ненормативная лексика «... выступает либо “для связки слов”, либо как “элемент воспитания, усиливающий эмоциональную нагрузку”» [там же, 2015, с. 136]; во втором – демонстрирует сформировавшуюся сервильность (раболепие) [Филимонов, 2022] – имеется в виду своеобразный «стокгольмский синдром», связывающий оскорбляющего и оскорбляемого. Перед последним фактически поставлен невидимый барьер, не позволяющий защитить свое достоинство от инвективной (обсценной) лексики руководителя. Имеющиеся формы защиты прав личности – обращения с жалобой на допустившего брань командира, начальника к вышестоящему руководству, либо в правоохранительные органы слабо реализуемы вследствие «малозначительности» (по мнению опрошенных) данной вербальной девиации. Сдерживающих дееспособных структур социального контроля над нормативно-этическими управленческими взаимоотношениями (этических комиссий, судов чести для военнослужащих, профсоюзов для гражданского персонала) либо нет, либо их деятельность максимально выхолощена. Всё зависит только от уровня этической социализированности руководителя. Как отметил В. Карасик, если образованный (и воспитанный) человек использует в своей речи нейтральные, высокие или сниженные (обычно пародируемые) фразеологизмы, то «... вульгарная языковая личность оперирует единственным средством выражения – жаргонной и обсценной обиходной речью» [Карасик, 2002, с. 16]. Но надеяться только на внутреннюю воспитанность руководителя дисфункционально – механизм отрицательного отбора «посадит» в социальный лифт карьеры такого руководителя, у которого практики управленческого дискурса совпадают с наиболее распространенными. Примером таковых, как показало наше наблюдение за руководителями разных звеньев, является всё более распространяющаяся инвективная лексика в самой деструктивной ее форме – адресно-акцентированной обсценной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышесказанное позволяет признать поднятую тему проблемой, потенциально нивелирующей усилия государства по общественному сплочению, особенно на современном этапе. Именно сейчас как никогда важна консолидация сил не только по «горизонтали», но и по вертикали, в ситуациях управленческих взаимодействий. Озвучиваемая руководителями страны идея об «очеловечивании» государственного управления может

натолкнуться на барьер ее реализации по известной поговорке «Жалует царь, да не жалует псарь». Негативными последствиями игнорирования этого фактора в данном случае являются пассивная (перевод либо увольнение со службы) либо активная (встречная агрессия или обращение с иском в суд за защитой) защита от оскорблений.

Как отметил В. В. Путин на заседании съезда Общества русской словесности, русский язык был и остается одной из духовных и исторических ценностей, и необходимо сделать всё, чтобы «...грамотная речь стала неотъемлемой частью жизни страны, по сути, правилом хорошего тона, чтобы это стало модным, чтобы об их сохранении и развитии заботилось все наше общество»¹. Мы никоим образом не хотели бы излишне «сгустить краски» о степени распространенности использования инвективной лексики в управленческом дискурсе. Традиции использования бранных слов не исчезают сами по себе; но этот процесс всё же происходит эволюционным

образом – посредством естественного кадрового обновления. Назрела, по мнению Г. Моски, «...необходимость проявления в государственном управлении новых черт, (когда) старые способности частично теряют свою значимость» [Москва, 1994, с. 195].

Технологией «ускорения» эволюционного процесса снижения в управленческом дискурсе инвективной лексики должно стать акцентированное обучение руководителей, находящихся в кадровом резерве, новым компетенциям вербальной этизации. Одной из таких компетенций обучения лидерству является контроль над вербальной агрессией в отношении подчиненных в форме инвективной (обсценной) лексики. Это вовсе не означает идеализированного представления о «рафинированности» дискурса в военной организации – нецензурная лексика не исчезла в межличностной коммуникации в силовых ведомствах. Речь идет о месте и тональности использования бранных слов, особенно в такой чувствительной сфере, как отношения руководителя – подчиненного. Руководителю важно понимать, как подчиненный относится к употреблению инвективной лексики вообще и в ситуациях управленческих коммуникаций в частности.

¹Владимир Путин принял участие в пленарном заседании съезда Общества русской словесности (26 мая 2016 года). Президент России (официальный сайт). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52007>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Понкин И. В. О понятии и концепте «хорошего управления» («Good governance») // Государственная служба. 2013. № 4 (84). С. 39–42.
2. Лихачев В. С. О языке устном и письменном, старом и новом // Новосибирский епархиальный вестник. 2007. № 2 (63). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52007>
3. Юревич А. В. Социально-психологические механизмы кадровой политики // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 88–97.
4. Прытков Ю. А. Ненормативная лексика в воинской среде: причины ее живучести, способы преодоления // Современный взгляд на науку и образование: сборник научных статей / науч. ред. А. Х. Щечоева. М.: Перо, 2022. Т. XI. С. 17–21.
5. Посиделова В. В. Лингвистический и правовой аспекты инвективной лексики русского языка // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 13–17.
6. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
7. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, 1994. № 1/2. С. 50–73.
8. Вишняков А. В., Домрачева Е. В., Петров С. Б. Влияние обсценной лексики на психологический микроклимат в коллективе студентов-медиков и медицинских работников // Авиценна. 2019. № 52. С. 20–25.
9. Сидорова И. В. Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 28–32.
10. Adams A. Bullying at Work. London: Virago Press Limited, 1992.
11. Мишуров Э. Н. Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслят // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2020. № 2. С. 88–105.
12. Передня Д. Г. Динамические аспекты управленческой культуры органов внутренних дел России: монография. М.: ИНФРА-М, 2022.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
14. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019.
15. Инютина Л. А., Богдан С. В. О речевой культуре курсантов высшего военного учебного заведения // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 2 (19). С. 147–152.

16. Калинина С. Б., Литинская Е. А. К проблеме использования ненормативной лексики в Российской армии // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1 (18). С. 59–63.
17. Тюменева Н. П. Речевая культура курсантов вузов Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3 (86). С. 186–189.
18. Киенко Т. С. Ненормативная лексика как социальный феномен (анализ опроса жителей провинциального российского города) // Социологические исследования. 2016. № 5 (385). С. 124–133.
19. Передня Д. Г., Захаров Д. В. Имидж сотрудников полиции сквозь призму социальных ожиданий граждан // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 141–149.
20. Суркова И. Ю. «Фасад» и «закулисы» военной профессии: социокультурный анализ // Социологические исследования. 2015. № 6 (374). С. 133–139.
21. Филимонов О. В. Проблема сервиллизма в бюрократических организациях как угроза национальной безопасности России // Академическая мысль. 2022. № 4 (21). С. 258–261.
22. Моска Г. Правящий класс. Церкви, партии, секты / пер. с англ. и примеч. Т. Н. Самсоновой // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.

REFERENCES

1. Ponkin, I. V. (2013). On the concept and concept of «Good governance». Public Service, 4(84), 39–42. (In Russ.)
2. Lihachev V. S. (2007). O jazyke ustnom i pis'mennom, starom i novom = On language spoken and written, old and new. Novosibirskij eparhial'nyj vestnik, 2(63). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52007>
3. Yurevich, A. V. (2017). Socio-psychological mechanisms of personnel policy. Psychological Journal, 38, 6, 88–97. (In Russ.)
4. Prytkov, Yu. A. (2022). Profanity in the military environment: the reasons for its survivability, ways to overcome. Sovremennyy vzglyad na nauku i obrazovanie (pp. 17–21): Collection of scientific articles. Scientific editor A. H. Tsechoeva. Volume XI. M.: Publishing House «Pero». (In Russ.)
5. Posidelova, V. V. (2016). Linguistic and legal aspects of the invective vocabulary of the Russian language. Philosophy of Law, 2(75), 13–17. (In Russ.)
6. Merton, R. K. (2006). Social'naya teoriya i social'naya struktura = Social theory and social structure. Moscow: AST : AST MOSCOW : GUARDIAN. 873 p. (In Russ.)
7. Mokienko, V. M. (1994). Russkaya brannaya leksika: cenzurnoe i necenzurnoe = Russian swear words: censored and obscene. Rusistika, 1/2, 50–73. Berlin. (In Russ.)
8. Vishnyakov, A. V., Domracheva, E. V., Petrov, S. B. (2019). The influence of obscene vocabulary on the psychological microclimate in the team of medical students and medical workers. Avicenna, 52, 20–25. (In Russ.)
9. Sidorova, I. V. (2017). Insult as a kind of mental violence. Psychopedagogy in law enforcement agencies, 1(68), 28–32. (In Russ.)
10. Adams, A. (1992) Harassment at work. London: Virago Press Limited.
11. Mishkurov, E. N. (2020). Modern military-political discourse: nomination, functions, language deviation, transliteration. Bulletin of the Moscow University. Series 22: Theory of Translation, 2, 88–105. (In Russ.)
12. Perednya, D. G. (2022). Dinamicheskie aspekty upravlencheskoj kul'tury organov vnutrennih del Rossii = Dynamic aspects of the managerial culture of the internal affairs bodies of Russia: monograph. M.: INFRA-M. (In Russ.)
13. Karasik, V. (2002). YAzykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Change. (In Russ.)
14. Radaev, V. V. (2019). Millenialy. Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo. Moscow: National Research University «Higher School of Economics». (In Russ.)
15. Inyutina, L. A., Bogdan, S. V. (2019). On the speech culture of cadets of the higher military educational institution. Humanitarian problems of military affairs, 2(19), 147–152. (In Russ.)
16. Kalinina, S. B. Litinskaya, E. A. (2019). On the problem of using profanity in the Russian army. Humanitarian problems of military affairs, 1(18), 59–63. (In Russ.)
17. Tyumeneva, N. P. (2014). Speech culture of university cadets of the Federal Penitentiary Service. Man: crime and punishment, 3(86), 186–189. (In Russ.)
18. Kienko, T. S. (2016). Profanity as a social phenomenon (analysis of a survey of residents of a provincial Russian city). Sociological research, 5(385), 124–133. (In Russ.)
19. Perednya, D. G., Zakharov, D. V. (2018). The image of police officers through the prism of social expectations of citizens. Socio-humanitarian knowledge, 2, 141–149. (In Russ.)

20. Surkova, I. Yu. (2015). «Facade» and «behind the scenes» of the military profession: Sociocultural analysis. Sociological research, 6(374), 133–139. (In Russ.)
21. Filimonov, O. V. (2022). The problem of servility in bureaucratic organizations as a threat to the national security of Russia. Academic Thought, 4(21), 258–261. (In Russ.)
22. Mosca, G. (1994). Ruling class. Churches, parties, sects: trans. from English and note by T. N. Samsonova. Sociological Research, 10, 187–198. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филимонов Олег Викторович

доктор социологических наук, доцент

профессор кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filimonov Oleg Viktorovich

Doctor of Sociology, Associate Professor

Professor of the Department of Sociology of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	23.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	27.11.2023	approved after reviewing
принята к публикации	27.11.2023	accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Общественные науки
Выпуск 4 (853)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Social Sciences
Issue 4(853)

Над выпуском работали:

доктор экономических наук, доцент В. Н. Косторниченко
доктор социологических наук, профессор И. В. Образцов
кандидат политических наук М. В. Пупышева
А. А. Азаренкова

Редакторы: В. А. Геронимус, М. М. Сингал
Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн макета: А. В. Алымов

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 12.12.2023
Усл. печ. л. 20,0. Формат 60х90/8
Заказ № 88/23

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.